М. Монлоръ.

СВѢТЪ МІРУ.

ПОВѢСТЬ

изъ земной жизни Іисуса Христа.

Переработка Кн. М. В. Волконской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ: Стремянная, № 12, собств. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ: Невскій пр., 26, уг. Надеждинск.

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая книга – повесть из времен земной жизни Христа Спасителя. Но так как даже в повестях из священной истории читатель склонен рассчитывать на точность библейско-исторического очерка, то считаем нужным предпослать этой книге несколько замечаний, касающихся исторической достоверности некоторых ее деталей.

Читатели могут обратить внимание, что в некоторых случаях здесь недостаточно точно соблюдена последовательность евангельских событий. Мы, однако же, не видим необходимости в переработке книги Монлора с этой именно стороны – и потому, что такая переработка потребовала бы изменения оригинала до полной неузнаваемости, и потому, что последовательность евангельских событий является в некоторых случаях таким вопросом, в

решении которого нелегко найти даже двух богословов, согласных друг с другом.

I. Среди «героев» этой повести фигурируют двоюродные братья – раввины Гамалиил и Никодим, сестра Гамалиила Сусанна и не названная по имени дочь Никодима. Хотя это родство не имеет за себя предания Церкви, но и не представляет чего-нибудь исторически-невероятного. Что же касается тяготения этих лиц к «Пророку из Назарета», то это отчасти основано на евангельских данных (о Никодиме см. Иоан. III, 1 – 21; о Сусанне – Лук. VIII, 3), отчасти на свидетельстве древних писателей. По «Климентинам», Гамалиил был тайным последователем Иисуса Христа и, по другим преданиям, записанным и в «Библиотеке» Фотия, принял крещение от апостолов Петра и Павла. По некоторым сказаниям, Никодим тоже обратился ко Христу, был крещен Петром и Иоанном, изгнан из Иерусалима, погребен Гамалиилом в гробнице

подле архидиакона Стефана. По рассказу пресвитера Лукиана, в 415 году в общей могиле найдены: мощи Стефана, Никодима, Гамалиила и сына его Авива (римск. мартир.; см. также «Полный месяцеслов Востока» архиепископа Сергия, т. II, под 2 авг.). Из числа лиц, упоминаемых в книге, сохранились упоминания также об Авгаре, Клавдии Прокуле, Логгине и др.

III. Особенное затруднение могло бы представить решение вопроса о «братьях Господних» по плоти (Иаков, Иосия, Симон, Иуда; см. Мф. XIII, 55). Так как для решения этого вопроса предлагаются самые разнообразные теории, считающие «братьев» то детьми Иосифа от первого брака, то детьми Марии, жены Клеопы или Алфея (которая – в свою очередь – считается то сестрой Иосифа, то сестрой Богоматери, то даже «сестрой» Иисуса Христа), так как все попытки решить этот вопрос обречены на полную неудачу, – то казалось бы наиболее естественным свести

это родство, по крайней мере, к некоторому *единству*, в смысле *единоутробного родства всех четырех «братьев»*. По наиболее распространенному в нашей Церкви преданию, *все* эти «братья», действительно, считаются детьми *одного* отца – Иосифа от *первого* его брака. Между тем в предлагаемой книге допускается *различие* в этом родстве. Подобное различие, даже с самопротиворечием, допустил и арх. Филарет в «Жит. Святых» (см. под 23 окт. Житие Иакова, «сына Иосифа», *родного брата Иуды, Симона*… и под 19 июня – житие Иуды, «сына Клеопы» – «брата Иосифа»). Нам кажется, что такое различие только осложняет и запутывает вопрос. Особенно это нужно сказать о предположении, что «братья» Христа были дети Его «сестры»; оно не только не разрешает поставленного вопроса, но вызывает еще новый, по существу тот же, вопрос: чья дочь была сама эта «сестра»?

IV. Родство святых апостолов Иакова и Иоанна Зеведеевых с Иисусом Христом основывается на предположении, что Саломия, жена рыбака Зеведея, была сестрою Богоматери (родство двоюродное). Это предположение, выводимое из сопоставления Иоан. XIX, 25 с Матф. XXVII, 56 и Марк. XV, 40, является широко распространенным в экзегетике западной и восточной. Возможно, однако ж, что выражение «и сестра Матери Его» (Иоан. XIX, 25) не заменяет: «Саломия» Мф. XXVII, 56 и Марк. XV, 40 и не относится к следующему у Иоан. XIX, 25: «Мария Клеопова». Если так, то для предположения, что Саломия была сестрой Богоматери, – никаких твердых *евангельских* данных не останется*.

V. Возможно, наконец, что здесь встретятся и другие неточности, касающиеся библейской археологии, древне-палестинской географии и проч. Но если от этих недостатков несвободны

* Об этом «родстве», а также о «братьях Господних» см. в статьях проф. *Ал. П. Лебедева* в «Душеп. Чтении» за текущий год и в книге проф. *Н.Н. Глубоковского* «Благовестие христианской свободы в послании св. Ап. Павла к Галатам» (Спб. 1902, стр. 65 – 69).

специальные ученые труды, то тем более нельзя придавать им значения в такой книге, которая не исследует предмет, а лишь дает ряд художественных картин из истории зарождения христианства и отношения к нему современников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта повесть переработана по церковно-православным источникам из повести Монлора: «Le rayon». Несколько глав вставлено, несколько в корень переделано. Автор решился сделать эту переработку, ознакомившись несколько лет тому назад с православными источниками, совершенно неизвестными на западе и представляющими из себя богатейшие, неразработанные залежи. Разработать эти залежи, хоть сколько-нибудь так, как разработаны подобные богатства в западных церквях (католической, лютеранской, англиканской и пр.), представило бы, по его глубокому убеждению, не только интересный труд, но и труд величайшей важности, опираясь на который, не один человек нашел бы и подтверждение веры, и успокоение в головокружительных сомнениях.

Тот факт, что сохранилось предание, записанное в IV веке, о годах братьев и сродников Господних, отняло бы у многих, интересующихся религиозно-историческими вопросами, сомнение в приснодевстве Марии Богоматери, о котором с такой легкостью говорится во многих рационалистических и лютеранских трудах.

Кроме того, знакомство с упомянутым богатством восточных церковных архивов дало бы возможность установить некоторые исторические факты, которые пролили бы свет на первые страницы истории христианства.

Не так давно появился рассказ французского писателя Ан. Франса (переведен на русский язык), в котором действующим лицом выведен Пилат. На вопрос путешествующего именитого туриста о суде над Назарянином бывший правитель Галилеи, Пилат, в рассказе отвечает: *Не помню*… И этими двумя словами автор заканчивает рассказ. Если бы источники, сохранившиеся в

православных архивах, были разработаны и известны на западе, то даже неверующий, отвергающий значение христианства, французский автор не мог бы сделать подобную грубую ошибку. Жена Пилата Клавдия Прокула (Прокла) была христианкой (память 27 октября). Кроме того, по историческим сведениям, Пилат был сослан в южную Галлию, где и кончил жизнь. В южной же Галлии, по православным источникам, жили и кончили жизнь Лазарь с сестрами, ученик Христа Максимин, первый епископ Ливии близ Марсели, и Каледоний, исцеленный слепорожденный.

Можно почти с уверенностью сказать, что встреча имени Пилата Понтийского и имен упомянутых выше последователей Иисуса в Галлии не была случайностью. Вифанийское семейство с его друзьями в первое же время после воскресения Христа, когда евреи начали гнать и убивать Его последователей, бежало в Кесарию,

где жила Клавдия Прокула, то есть, по всей вероятности, укрылось под ее защиту.

Таких и подобных фактов, освещающих с новой неизвестной стороны первые дни христианства, встретится много в неразработанных греко-восточных архивах. Какие из этих фактов окажутся драгоценными камнями, какие только золотым песком, какие глиной, – это может показать только труд и упорная разработка.

Кн. М. В. Волконская

I.

Первые вечерние тени начали стлаться по Геннисаретскому, то есть Галилейскому, озеру, похожему по форме и звучному шуму вод на арфу. Белая вилла Гамалиила в имении «Кафаргалама»*, стоявшая почти на самом берегу озера, неясно проступала между зеленью лимонных, гранатовых и олеандровых деревьев. Легкая, прозрачная дымка, как золотистое опыление, окутывала кубическое здание, сглаживая его контуры и придавая им неясную гармонию.

Наверху, на красивой террасе, окруженной тонко-точеными перилами, полулежа на подушках, Гамалиил смотрел на горизонт, продолжая серьезно беседовать со своим двоюродным братом Никодимом.

– Время страстного энтузиазма прошло, – говорил он. – Много лет я учительствую, то есть

* Греч. Минеи и Четьи-Минеи, под 2 августа.

учу, и всего, что составляет под солнцем предмет учения, всего этого я коснулся, обо всем слыхал. Великий Гиллель, отец моего отца, всю жизнь свою отдал на то, что поднимал и разрешал труднейшие вопросы: о жертвоприношениях, празднествах, дне субботнем, форме палаток во время праздника кущей, количестве свечей… Он толковал изречения древних. Сотни же его учеников в свою очередь толковали *его* слова. А отец мой, равви Симеон, в продолжение пятидесяти лет слушавший и его, и его непримиримого противника Шаммая, благодаря их страстным спорам и несогласиям, пришел к заключению, что молчание выше всего!

– Но ты ведь тоже учительствуешь и даже особенно славишься между нашими раввинами! – с удивлением сказал Никодим.

– Да, учительствую, – отвечал Гамалиил. – Людям так хочется верить! Что может сравниться с этой их жаждой? Они ищут, они зовут. Как

сказать: кого или что?.. Я же им даю то, что имею, что мои величайшие народные предшественники мне завещали. Но вот что случается: прошлой зимой я объяснял им, что в день субботний нельзя ничего нести зараз более тысячи шагов и, после остановки в воображаемом жилище, – еще тысячи шагов. И вдруг я встретился с таким вдумчивым взглядом какого-то отрока, что я остановился. Во взгляде этом открывался целый мир, целая душа! И, наклонившись к нему, я сказал: «Прислушивайся к отзвуку тех песен, которые остались у тебя в сердце и которыми убаюкивала тебя твоя мать. В этих песнях больше света и истины, чем во всем том, что я говорю, потому что в них больше жизни и любви».

– Да, ты все это говоришь и все же продолжаешь учить! – добавил Гамалиил после молчания. – Все дело в традициях… Древние объясняли Писание, и их объяснения считаются равносильными самому Писанию. Вот и хочется увеличить наследие отцов

и оставить по себе имя. Но, в сущности, все знание, которое и получаешь, и даешь, ничтожно. *Правда* – вот свет нашей души. Но мы никогда не получаем ее во всей ее полноте, и души лучших из нас испускают только преломленные лучи, – лучи стали или золота, смотря по тому, властный ли нрав у человека, или покорный. Отсюда и вся разница в учениях. Отсюда, там, где Гиллел говорил: «да», Шаммай говорит: «нет». Отсюда саддукей смеется над нашими многочисленными обрядами и предается беззаботной жизни, а фарисей, то есть отделенный, свысока смотрит на народную толпу. Отсюда ессеи скрываются в Энгадинском оазисе, боясь, чтобы прикосновение к другим не осквернило их. Каждый следует лучу правды, который, он убежден, ему дан, и вместе с тем ненавидит, презирает и оскорбляет себе подобных. Мне же думается, надо быть снисходительным друг к другу, так как разбитые

призмы наши потемнели и Единый, Который есть Правда, давно уже молчит.

– Когда-нибудь мы снова услышим Его через Мессию, которого мы ожидаем, – тихо сказал Никодим.

– Да, но это так ли еще? – отвечал Гамалиил. – Народ страстно ожидает Его, этого Царя-Мессию, который освободит его от ненавистного римского ига. Он ждет Его могущества, богатства, силы, главное – могущества и богатства, которые Он предоставит *им*; злата и жемчуга, которые море выбросит к их ногам… плодов, от которых погнутся ветви их деревьев… снопов, под тяжестью которых заскрипят оси в их возах… Они ждут радостей, роскоши, владычества!.. И это всё называется *ими* Мессией!..

– Пророчество за них. Сомнения невозможны, – возразил Никодим и добавил: – Он придет, Владыка земли, Бог силы, носящий на раменах заповедное знамение.

Гамалиил устало махнул рукой.

– В пророчествах также сказано, – проговорил он: – Он взойдет, как всходит отросток на бесплодной земле, без блеска и красоты. В тех же пророчествах Он называется еще львом и агнцем. Великий Гиллель видел Его в Езекии. Теперь же среди наиболее просвещенных людей многие думают, что царство Мессии – это простое пророчество о лучшем периоде в жизни человечества! И вот, среди всех этих противоречий и грубых мечтаний, если и правда то, что Он должен придти, – я не хотел бы жить в дни, когда Он придет, из страха, что не узнаю Его.

– Брат, как можешь ты так говорить! – прозвучал вдруг молодой голос. – Разве твоя душа не стала бы рваться независимо от тебя к Мессии, если бы Он пришел?

В дверях алии, то есть парадной, великолепной залы, возвышающейся по одну сторону террасы, при неясном мерцании звезд, показалась девичья

фигура. Она была сосредоточенно прекрасна. Покрывало, окутавшее ее всю и падавшее длинными складками до самой земли, придавало ее движениям что-то необычайно девственное и трогательное. Гамалиил повернулся к вошедшей. Это была Сусанна, младшая и любимая сестра его, дочь равви Симеона и внучка знаменитого Гиллеля.

– Женщины, – с улыбкой проговорил он, – те не ищут, не спорят, они предугадывают. Они прозорливицы, особенно там, где они любят. Нет ни одного луча, который, падая на них, не превратился бы быстро в пламя. И это и есть недостаток их легковерных натур…

– Да, но это также и Божий дар, – прервал его Никодим. – Вечная нерешительность, вечное сомнение и особенно вечный страх – да ведь это пытка!

Раб между тем поставил на кедровый инкрустированный перламутром столик,

стоявший между раввинами, изящные сосуды с вином и два бокала причудливой формы, изделия финикийцев, которые они рассылали по всем рынкам древнего мира.

Сусанна медленно налила в чаши гранатовый ликер и шаронское душистое вино, пахнувшее корицей и амброй, и подала их Никодиму и Гамалиилу. Сама же она не села, но осталась у стола, и ее фигура, как белое видение, ясно вырисовывалась под небом, темневшим с каждой минутой все сильнее.

– Мне кажется, – вдруг снова заговорила она, – что я не могла бы увидеть свет и не последовать за ним. Но где этот свет? Ты прекрасно говоришь, брат, во время ваших споров в школе. Но остальные!.. Остальные учителя говорят, кажется, только для того, чтобы уничтожить всякий энтузиазм, всякий порыв, всякую мысль. И, слушая их, чувствуешь такую тоску, такую жажду чего-то неопределенного, что дало бы благо всем, что

обновило бы душу, влило бы в нее чистоту и легкость даже под игом жизненного бремени.

Никодим, слушая девушку, долго держал чашу на высоте лба, как требовалось от раввинов, прежде чем им разрешалось дотронуться до вина губами.

Рука его заметно дрожала.

Наконец, он с усилием проговорил:

– Пойдите же к Тому, Кого Иоанн, сын Захарии, возвещал в пустыне… К Тому, Кто исцеляет слепых и расслабленных, – к Иисусу из Назарета!..

Он не докончил. Гамалиил быстро перебил его:

– Брат… что может быть доброго из Назарета? Сей Иисус не плотников ли Он сын? Я слышал о Нем. Мне говорили о Нем Иоханан и Измаил. Кто был его учителем? К какой школе принадлежит Он? Ты знаешь, я не таков, как другие: я слишком, может быть, веротерпим, слишком снисходителен… Я снисходителен и к учителям враждебных мне мнений. Я желал бы даже сделать

менее непреодолимой стену, которая отделяет нас от других народов. Меня обвиняют в частых сношениях с греками, которых я люблю за их утонченное изящество, за то также, что они передали нам, помимо нашей воли, культ и понимание красоты. Я люблю их язык, потому что он сам по себе музыка; люблю их художников, поэтов, даже философов, особенно Платона, высокомерное спокойствие которого напоминает мне чистоту линий и контуров их мраморных богов. Правда, они учили только человеческой мудрости, но и человеческая мудрость пленяет. Мы – истина, они – опьянение красотой. Но люди неученые, люди из народа!.. Вот к кому я питаю непреодолимое отвращение! Они мне более чужды, чем язычники!

– Но разве мы сами не из народа? – сказала Сусанна. – Разве дед наш, Гиллель, не был простым дровосеком? Сколько раз ты сам рассказывал мне, что он, не имея средств заплатить за уроки, сорока

лет слушал Абдалиона с улицы, прислоняясь к окну залы, в которой тот учил. Помнишь, как раз Гиллеля нашли в этом окне полузамерзшим, заваленным снегом, как откопали его, как натерли маслом и поместили около огня? Помнишь, как он мало-помалу вышел из оцепенения?.. Ты сам мне все это рассказывал, и мы с тобой гордились нищетою Гиллеля больше, чем всеми богатствами мира!

– Что ж? Гиллель – исключение, – отвечал Гамалиил, пожимая плечами. – Изредка такие люди действительно являются из народа. Но тогда они в силу своих личных качеств и в силу естественного хода событий из личной жизни достигают высших ступеней. Гиллель был потомком Давида. Сам же он сделался князем, «нази». Нет ни одного царя, который не позавидовал бы его царству. Весь цвет нашей молодежи, писатели и учители толпились вокруг него, и как они восторгались им! Многие до сих

пор убеждены, что он знал язык гор, холмов, птиц, диких и ручных зверей и даже бесов. Многие утверждают, что тридцать его учеников могли останавливать солнце, как Иисус Навин!.. Иисус из Назарета увлекает за Собою одних рыболовов, мытарей и прочий рабочий люд. Он, как и следует ожидать, учит себе подобных… Мы же знаем, что Дух Божий нисходит только на сильных и избранных. Дыхание благодати касается только цвета человечества. Неужели это ново для вас? Неужели вы не помните слов Гиллеля: «Никакой простец (ам-га-арец) не может быть благочестивым»? Я же, истинно, если бы услышал человека необразованного, который говорил бы, как Уэзиил, ученик Гиллеля; Уэзиил, который был так пламенен, что когда он учил закону, птицы, летавшие над его головой, опалялись, – если бы я услышал такого человека или если бы такой человек воскресил при мне мертвого, – я и то усумнился бы!

– Все твои мысли – наши, – отвечал Никодим. – Все, кроме твоей благосклонности к чужеземцам, хотя бы к грекам. Книга Торы называет нас избранниками Бога. Другие разве существуют?.. Значит, ты меня осудишь, как я и сам осудил бы себя раньше… Но молчать я больше не в силах, слишком тяжело!.. Я был у Иисуса из Назарета.

– Ты?

– Я, – повторил Никодим. – Несколько месяцев тому назад в Иерусалиме… Я слышал много о Нем, о тех необычайных чудесах, которые Он совершает, и еще больше о тех необыкновенных словах учения, которые Он говорит… Ни о ком так не спорят! Ведь Он свершает Свой путь между двух течений: преклонения и ненависти… Я долго не решался, но раз, вечером… да, я пошел к Нему!

По лицу Гамалиила промелькнула насмешливая улыбка.

– О чем же Вы могли беседовать с Ним? – спросил он.

– Брат, – взмолился Никодим. – Не смейся над этим!.. Я пошел ночью. Ночь была такая же звездная, как и сегодня, но я не видел звезд, потому что Он разверзал передо мною как бы свиток нового неба, новый широкий, светозарный горизонт. Что я Ему говорил, – я не помню. Он же сказал мне, что надо родиться снова; что как ветер веет, где хочет, так бывает и со всяким, рожденным от Духа. И много еще, чего я не понял… Что когда Сын Человеческий вознесен будет, тогда уверуют в Него. Но что слова!.. Одни слова – ничто! Я чувствовал, что Он читает в сердце моем, и чувствовал это с восторгом. Сколько бы годов я ни жил, мне не забыть этих часов! Считай меня слабодушным, женщиной, кем и чем угодно, но я весь дрожал, а душа моя горела!.. И теперь я дрожу при мысли… Брат… Этот человек – великий пророк!..

– Где бы, где бы я могла увидеть Его? – прошептала Сусанна.

– Он недалеко отсюда, – отвечал Никодим. – Вчера Он был, – так сказали мне ученики Его, – на первых склонах Курн-Эддина. Он покинул Иерусалим из-за враждебных отношений к Нему священников и направляется в Галилею.

– Ах, пойдем к Нему! Умоляю тебя, брат, пойдем! – проговорила еще раз Сусанна.

Лицо Гамалиила приняло озабоченное выражение. Он не любил отказывать сестре. Но позволить ей смешаться с толпой претило его чувству несколько горделивого достоинства и отчуждения от черни.

Никодим между тем продолжал:

– И не я, не я один был так поражен, захвачен Его словами. Все, кто слышал Его… Из наших фарисеев тоже есть несколько, но *пока* они боятся еще высказаться (Никодим понизил голос). Моя дочь тоже слышала Его и завтра тоже собирается пойти на Курн-Эддин…

Гамалиил с удивлением посмотрел на гостя.

Дочь Никодима бен Гориона, воспитанная в страшной роскоши, недавно вышла замуж и в приданое получила такие несметные богатства и безумно дорогие вещи, что одна постель ее стоила 12000 динариев.

– Твоя дочь?! – прошептал Гамалиил. – Зачем?..

В мыслях его не вязалась роскошь Горионов с учением бедного плотника.

– Зачем? – повторил Никодим. – Затем, что современные учения опротивели. Ищут, как Сусанна, выхода, правды, света…

Наступило молчание.

– Если тебе так хочется, Сусанна, – проговорил, наконец, Гамалиил, – иди. Но держись подальше от окружающих Его и не обращайся сама к Нему. Я допустил для тебя слишком большую свободу и мысли, и обращения с людьми. Но ты знаешь сама, с каким отвращением смотрят на женщину ученую. Я же из тебя сделал мою ученицу, почти мне равного по знанию человека… Итак,

повторяю: если тебе так хочется, иди, но не забывай, кто ты!

– Спасибо, брат! Спасибо! – сказала Сусанна с радостным порывом. – Значит, завтра я увижу Его!

II.

Современные путешественники, посещающие Галилею, не могут представить себе, чем был в первые годы нашей эры этот «сад Божий», этот земной рай, какой красотой отличались Галилейские долины, где «Азер купал свои ноги в елее».

Едва-едва уцелели несколько печальных развалин в той местности, где раньше, словно алмазами, голубая чаша Галилейского озера окаймлялась двадцатью городами.

Ныне только восторженные описания древних раббанов (раввинов) и Иосифа Флавия в туманном отдалении могут воскресить перед нашими

мысленными взорами богатейший Капернаум; роскошнейшую и испорченную Магдалу, известную своими шерстяными, пурпурными тканями; Хоразин, с его хлебными рынками; Вифсаиду, славившуюся вывозом фруктов и рыбы; Тивериаду – языческий город, весь в мраморных дворцах, тень от колонн которых ложилась в прозрачные воды озера; прекрасный Наин, возвышавшийся над Ездрилонской долиной; Каны, с шелестящими камышами, и многое множество (более двухсот) других городов и местечек, в которых ютилось веселое, суетливое, работящее население как еврейское, так отчасти и иноплеменное: финикийское, арабское и греческое. Раввины с пренебрежением относились к своим галилейским соплеменникам. Все они были люди простые: крестьяне, рыбаки, совершенно неграмотные, говорившие на грубом, испорченном наречии, более занятые торговлею и

рыбным промыслом, чем проповедями всех модных ученых.

«Хочешь быть богатым – иди в Галилею; хочешь быть мудрым – иди в Иерусалим», – говорила пословица.

И однако ж, страна, красоту которой воспевали все видевшие ее, оставалась для настоящих евреев вне «обетованной земли», имя которой давалось, благодаря фанатическому энтузиазму, только Иудее и святому городу.

Самое название «Галилея» происходит от еврейского слова *галил*, что значит округ. Округ этот был подарен когда-то Хираму царем Соломоном в благодарность за помощь при постройке Иерусалимского храма, но Хирам остался почему-то недоволен подарком и назвал его в досаде своей «отвратительным» (кавул). С тех пор Галилея всегда находилась в презрении у евреев. А между тем, что это был за чудный уголок!

Деревья дважды в год приносили плоды. Виноградники, растущие на Сореке, в течение десяти месяцев не оголялись от тяжелых сочных гроздей и чередовались с бесконечными лесами оливковых, фиговых и других благовонных, драгоценных деревьев. Дубы, сосны, клены переплетались темно-зелеными верхушками с легко-перистыми листьями пальм.

Целые тучи сапфировых сизоворонок и голубей ютились в ветвях кедров. Прозрачные ручьи текли всюду. Всюду росла богатейшая трава, пестревшая бесконечным множеством цветов, придающих вообще восточной весне очаровательную и пышную окраску: всюду, куда взор ни обращался, виднелись тюльпаны, анемоны, нарциссы, , с алой сердцевиной, изредка царские кудри и большие, как окропленные пурпурной росой, лилии, которые высоко поднимались в царственной красоте над полями…

Было тихое, раннее утро.

Шел месяц адар (март) 29-го года.

Свет едва брезжил, когда Сусанна, в сопровождении любимой служанки своей Сары, вышла из дома.

Встав до зари, девушка еле позволила заплести в косы свои длинные темные волосы. Так велико было ее нетерпение и волнение.

В противоположность другим знатным еврейкам она никогда не употребляла белил и румян, никогда не омокала в стибиум длинную серебряную иглу, которой подводились брови, и не красила своих ногтей.

Из всей утонченной роскоши древнего мира она допускала для себя только духи и из всех фарисейских постановлений – лишь частые омовения.

Омочив теперь два раза пальцы в розовой воде и этим торопливо покончив с обрядом, закутавшись в темный плащ, она вышла.

Непривычное оживление царило на дороге, но она была так охвачена своими мыслями, что не замечала внешних явлений.

Проходившие мимо нее взад и вперед весело перекликались.

Большая часть были галилейские рыбаки, но другие, видимо, пришли из Иудеи и Иерусалима, из Сидона и Тира, движимые неотразимым желанием видеть Учителя. Все они говорили о Нем, все рассказывали, кто что знал, об Его словах правды и милости и удивительных чудесах. Некоторые говорили, что только сейчас видели Его, что Он вон там, на горе.

После получасовой ходьбы Сусанна стала подниматься на первые склоны Курн-Эддина.

У подошвы медленно двигалась группа саддукеев. Все они были священники или князья, наследственные аристократы, всегда державшиеся, ради собственных выгод, с правящими властями, даже когда эта власть

носила явно антинациональный характер. И теперь, по обыкновению своему, презирая толпу, они лениво оглядывали ее, удивляясь оживлению простолюдинов и подтрунивая над ними.

Сусанна, проходя мимо и взглянув на них, увидела между ними и Самуила бен Фабия, считавшегося самым изящным среди саддукеев. Несмотря на ранний час, на нем была голубая одежда, – того голубого, теперь неизвестного цвета, за который в те времена платили золотом дважды столько, сколько вытягивала весом материя.

Рядом с ним шел Иссахар, известный своими шелковыми перчатками, которых он не снимал даже во время жертвоприношений, и Иоханан, славившийся роскошнейшими пиршествами.

Плотнее закутавшись в покрывало, Сусанна быстро прошла мимо них и немного дальше нагнала кучку людей, на лицах которых лежал отпечаток холодной гордости и высокомерия.

Люди эти, в широких филактериях с длинной бахромой, были фарисеи. Взгляды, которые они бросали на народ, были вызывающие, наглые, но Назорея они пока еще не ненавидели. Они просто пришли послушать Его, чтобы составить о Нем собственное мнение.

Только знаменитый Ионафан бен Уэзиил, о пламенности которого упоминал Гамалиил, не принимал участия в общем настроении: он поглощен был своим переводом Завета с халдейского подлинника и декламировал Иехонии первые строфы из сделанного им толкования.

В ту минуту, как Сусанна проходила мимо него, он, однако, узнал ее и улыбнулся сестре «великого раввина», – фарисеи не кланялись женщинам, – а Баба-бен-Бута, с вырванными Иродом глазами, случайно медленно повернул к ней свое обезображенное лицо, и она услыхала, как Левий с насмешкой крикнул старцу: «Проси Назорея дать тебе новые глаза!» и как слепой с горечью

ответил: «Проси сам у Него большого чуда: проси Его дать тебе сердце!»

Вся душа девушки всколыхнулась и наполнилась состраданием и жалостью к несчастному, погруженному в вечный мрак, среди моря света, лившегося с неба, но она, не останавливаясь, прошла дальше.

На горе всё чаще ей стали встречаться новые и новые несчастные и увечные, больные, замученные лихорадкой, параличные, глухие, немые – целая вереница людей-страдальцев, представлявших видом своим безгранично-тяжелое зрелище.

На некотором расстоянии от них виднелись страшные, изъеденные, изгложенные болезнью люди; изредка они громко кричали: «Берегитесь!.. Нечистые!.. Нечистые!»

Сусанна невольно с ужасом отшатнулась от прокаженных и подошла к большой, сплошной толпе, стоявшей неподвижно на горе, в ожидании.

Но солнце пекло, и вскоре девушка пробралась в тень кипариса, где какая-то мать убаюкивала больного ребенка лет 4 – 5. Ребенок был разбит параличом и недвижим. Вокруг него бегали и весело взвизгивали чужие, крошечные ребятишки в пестрых лохмотьях, а он старался повернуться в их сторону и следил за ними с таким выражением тоски, будто говорил: «Отчего я не такой, как они? Отчего?..» И, глядя на него, сердце сжималось у посторонних, а мать его прижимала его к себе и нежно шептала: «Вот, подожди… Он пройдет мимо и, может быть, исцелит тебя… Подожди… И ты тоже тогда будешь бегать!..»

Вдруг толпа сильно заволновалась. Глаза всех устремились на вершину горы. На ней показалось несколько человек.

В народе пронесся говор и глухой шум, похожий на рокот волн, разбивающихся о скалы. Шум этот то стихал, то усиливался вновь, и по мере того, как люди стали спускаться с горы, больные начали

покидать свои одры и ходить, а слепые становились зрячими…

Солнце золотом заливало необычайную картину, и скоро триумфальное шествие Иисуса Назорея превратилось в поток чудесных исцелений.

Толпа продолжала восторженно кричать.

Сусанна ясно различала всех спутников Учителя и видела, судя по их направлению, что они должны были пройти мимо нее.

Одеты они были все бедно, но на их лицах и во всем существе сил такой восторг, вызванный дыханием чуда, что их нельзя было не отличить от толпы.

Их громко называли по именам:

– Вот Симон… сын Ионы… Говорят, про него Учитель сказал: «Ты Симон, сын голубя*, после того будешь как скала, в которой гнездятся голуби… Наречешься Петр»… А вот Иаков, брат

* Иона – по-еврейски значит «голубь».

Иоанна, – сын Зеведея, рыбака из деревни Вифсаиды; а вот единственный иудей из городка, называемого Кариотом, Иуда… Рядом с Иудой Андрей, тоже рыбак из Вифсаиды. Это тот самый, который первый пошел за Иисусом Назореем, а раньше он был, говорят, учеником Иоанна, сына Захарии… Крестителя… А вот там – молодой орел, Иоанн, тоже сын Зеведея.

Сусанна чувствовала себя как во сне и, прислонясь к кипарису, еле держалась на ногах…

На земле, возле нее, лежал на коленях у матери заснувший параличный ребенок.

И вдруг она увидела Учителя. Тихое величие Божие сияло на Нем, но весь гул восторженных восклицаний ни на миг не изменял выражения кроткой грусти и благости на Его лице.

При его приближении молодая мать бросилась вперед и протянула к Нему больного ребенка с такой силой веры и упования, что народ на мгновение расступился.

– Сжалься над ним! Сжалься надо мною! – могла она только выкрикнуть. – Сжалься!..

Сама она страшно дрожала, и видно было, что в крике ее вылилась вся ее душа, всё ее мучение от мучений и страданий ребенка.

С безграничной, любвеобильной жалостью Он простер руки…

Сусанна, теснимая, оттираемая толпой, не могла ясно различить, что произошло дальше. Она слышала только слова: «Хочу, встань и ходи!» И затем увидела вставшего ребенка, побежавшего к другим детям; мать, упавшую на колени, ловившую для лобзаний руки, одежду Учителя; увидела слезы, которые дождем текли по лицу и одежде женщины; и по этим слезам поняла, что сердце страдалицы готово разорваться от счастья, что слова не сходят с ее уст… Тогда все внешнее застлалось туманом для Сусанны, и в сердце ее наступила великая тишина.

Не разжимая губ, без слов, всем существом она воззвала к Иисусу из Назарета, и молитва ее была о том безымянном страдании, которое томит все человечество, о том страдании, которое только отчасти выражается словами: «Мечта о жизни так велика, так прекрасна, а жизнь сама так ничтожна!».. И воззвала еще, чтобы Он утвердил сердце ее на жажде вечного, безграничного, утолив неизлечимое мучение и страх любить больше всего на свете слабые, смертные существа.

Но ни одним звуком не обмолвилась девушка. Только, когда Он прошел мимо нее, она взглянула на Него, увидела Его взгляд и в восторженном благоговении отдала Ему всю свою душу. Через некоторое время Он сел на тихой, зеленой поляне, расстилавшейся на потухшем вулкане, между двумя отрогами Курн-Эддина, и стал говорить. Он говорил слова жизни и любви этой алчущей и жаждущей толпе, – слова новые и странные. Он не выражался, как царь или победитель, но говорил

гораздо лучше, гораздо сильнее царя. Слова глубокие и простые, не опираясь ни на какой внешний авторитет, дышали самобытностью, нежным обаянием и силой.

Они вам говорили… *а Я вам говорю… Я говорю…* Он брал мудрость, любовь, милосердие, веру в наивысшей степени, которая была доступна людям, и одним словом расширял горизонт, открывал безбрежную даль для каждой конкретной воли. Он указывал даже на совершенство Божие, как на образец для совершенства человеческого, и учил молиться этому Богу, называя Его сладчайшим именем Отца. Он благословлял и называл блаженными, то есть счастливыми, – нищих, милостивых, миротворцев, томящихся жаждой и голодом духовными в суете земной, и обещал им блага в царствии Божием; благословлял преследуемых законом земным, но не отступающих правды ради с сурового поля битвы.

Сусанна с горевшим сердцем слушала Его и ожидала слова, которое могла бы применить к себе, но вместе с тем упрекала себя в дерзновении, в том, что желает слишком многого.

Не был ли уж дан ей полный ответ, когда она глядела на Учителя? А между тем она ждала!.. Она ни к кому не питала ненависти, ничего не желала запретного и не понимала еще, какие чудные всходы могут вырасти на почве, политой слезами.

И вдруг, как роса, падающая на окаменевшую почву, незабвенные слова коснулись ее слуха:

Блаженни чисти сердцем, яко тии Бога узрят.

……...

Вернулась Сусанна в свою белую виллу в какой-то тихой и радостной задумчивости, и эта задумчивость не ускользнула от Гамалиила. Но великий раббан был слишком благороден и великодушен и ни одним вопросом не нарушил сосредоточенности и благоговения сестры. Сама она тоже ничего не сказала, и только вечером,

когда по обыкновению читала вслух положенные молитвы, она вдруг остановилась, точно что-то припоминая или колеблясь, и потом медленно, с непередаваемой задушевной интонацией, повторила слова, слышанные ею сегодня на горе: «Отец наш, Сущий на небесах, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе!»..

Гамалиил слушал ее в глубокой задумчивости.

Когда сестра его ушла к себе, он долго еще, до глубокой ночи, сидел, прислонясь к каменной балюстраде. Сусанна была единственной радостью его жизни. Его жена, мать сына его Симеона, давно умерла. Сын давно путешествовал по белу свету. Сусанну он выхолил, вырастил своими руками, вылепил из нее, как из глины, чудесное, прелестное существо, каким она все больше становилась теперь, и потому он по справедливости считал делом своего творчества расцвет ее ума и дарований, – и расцвет ее души.

Сегодня же впервые чуждое влияние коснулось ее.

Поздно ночью он спустился с лестницы, дошел до комнаты девушки и, приподняв тяжелую занавесь, бросил взгляд на драгоценные ковры, стены, облицованные кедровым деревом, арфу, инкрустированную золотом и перламутром, и легкие сидонские ткани, покрывавшие Сусанну.

Так же, как и в Иерусалиме, Гамалиил и в этой Галилейской вилле своей окружил ее самой роскошной обстановкой, мечтал исключительно для нее о всяких удобствах, всяких утехах… И вдруг, одно слово неизвестного чужого Учителя наполнило ее сердце большею радостью, чем все его заботы, все его мечты!

С тоской взглянул он на любимое детище.

Зажженная лампа, полная благовонного масла, вставленная в бронзовый шандал, освещала мерцающим светом, чередовавшимся с тенями, чистый профиль Сусанны. Медленно Гамалиил

поднял обе руки и взволнованно, с невольной мольбой прошептал:

– Если у Него есть власть благословлять, – на ниспошлет Он на тебя все Свои благословения!

III.

Прошло несколько дней. Короткая весна переходила в лето. Слухов об Иисусе не было, и вдруг, неожиданно, Гамалиилу пришло приглашение от раббана Симона на обед.

Подобные приглашения в те времена считались особенно почетными, так как люди неученые их никогда не удостаивались.

«Раббан садится только с равными себе», – гласила одна современная пословица.

К удовольствию хозяина, Гамалиил, – благосклонность которого льстила, благодаря высокому званию, им занимаемому, – согласился. Он знал, что на этом субботнем пиршестве должны

были собраться несколько его друзей и между ними Иоадай, великий ученый, любимый ученик Гиллеля.

Гамалиил тоже любил кроткого старца и называл его отцом, и его присутствие на обеде, так же, как присутствие двух-трех чужих учителей, которых не назвал ему Симон, – особенно привлекало его.

Сусанна должна была обедать с женщинами.

Гостеприимство, драгоценное качество, превращало каждый еврейский очаг в убежище, каждый стол в алтарь, – и вместе с тем предписывало всевозможные, самые мельчайшие обрядности.

Вследствие этого, когда Гамалиил сошел с прекрасной лошади, – роскошь, редко встречавшаяся в те времена, – раббан Симон, ожидавший его на пороге дома, поклонился ему почти до земли и облобызал его колени.

Тут же, при входе, рабы сняли сандалии с гостя и вымыли ему ноги, между тем как хозяин стал лить на голову его драгоценное ирисовое масло, смешанное с маслом из гиацинтов.

Затем начался строгий обряд омовения рук.

– Блаженны те, кто соблюдает это закон, – говорили раббаны в этот раз, – ибо кто больше употребляет воды, тот больше скопляет себе сокровищ. В этом одном все десять заповедей.

Гамалиил отвечал формулой:

– Благословен тот, кто дал нам эту заповедь.

И, сблизив обе руки, он поднял их, чтобы вода стекла до запястья.

За первым омовением последовало второе, которое смывало оскверненную воду. В этот раз раббан опустил руки до земли, и вода капнула на пол «во исполнение спасительного закона».

– Тот, кто не соблюдает этого постановления, – богоотступник, – говорили фарисеи.

Затем Гамалиил вошел босой в залу пиршеств, пол которой был весь засыпан цветами, а воздух тяжело насыщен ароматами. Многие гости уже ожидали великого раббана.

Между ними был и Иоханан бен Закхай, еще совсем молодой человек, разговаривавший громко и оживленно. Он рассказывал об исцелении своего сына, которого Шанин бен Доза вырвал из когтей смерти уже в преддверии гроба. Его расспрашивали, и он охотно передавал все подробности.

– Да, если бы сын Закхая молился денно и нощно положа голову в колени, он ничего не добился бы, – проговорил он наконец, качая головой.

– Разве ты хуже молишься, чем Шанин? – насмешливо спросил Садок.

– Нет, – отвечал молодой фарисей, – но Шанин – слуга. Он может получать от Бога приказания. Я же – князь, и мое достоинство сковывает Божество.

Немного дальше Исаак и Симон важно расхаживали по зале и говорили о правде и справедливости.

– Мне снились дети будущего мира, – говорил Симон. – Если их трое, то в их числе я и мой сын. Если их двое, то это – я и мой сын.

Тонкая усмешка слегка скривила губы слушателей: они уже привыкли к подобным речам.

Гамалиил между тем и другие гости направились к местам, окружавшим низкий стол с трех сторон.

Гамалиил занял почетное место в самой середине стола. Рядом с ним, по левую руку, сел кроткий старец Иоадай.

Раб принес ему вино, которое он должен был благословить.

Но тут вдруг возникло недоразумение: когда должно наполнять чашу? *До* последнего омовения рук или *после*?

Это был важный вопрос, служивший много лет предметом споров между Гиллелем и Шамаем.

На этот раз вопрос разрешили тем, что налили несколько капель воды на руки до наполнения чаши и после. Гамалиил просто, но с достоинством произнес ритуальные священные слова. Иоханан же бен Закхай, желая привлечь к себе внимание великого раббана, сел не сразу, но стоя и подняв руки к самому лицу, опустив глаза, прочитал молитву, которая дошла до нас, благодаря его ученикам:

«Воззри, о Боже, на наши постыдные деяния и печали! Оденься милосердием, покройся могуществом. Яви милосердие. Да исполнится перед Тобою мера Твоей благости и Твоего долготерпения!».

Он молился еще, когда трое новых гостей вошли в залу. При виде их лицо Симона просияло. Он поспешно пошел им навстречу, однако не дал им обычного, установленного лобзания, а только

поклонился им, затем указал, как казалось, старшему из них, то есть их главе, пустое ложе наискось от Гамалиила. Двое других возлегли, где пришлось. Вид у них был бедный, простой и смущенный.

Гамалиил между тем восторженно хвалил пред Иоадаем его толкование Священного Писания. Казалось, они одни между всеми присутствовавшими действительно понимали друг друга и наслаждались оживленной беседой. Поглощенные своими разговорами, они мало обращали внимание на происходившее и не заметили легкого шороха и движения, заглушенного кроме того шагами входивших и уходивших слуг.

Но вдруг Гамалиил увидел, что Иоадай перестал слушать его.

Он вгляделся в лицо собеседника: старик, погруженный в задумчивость, часто находившую на него, сидел, не спуская глаз с удивительного по

благости, благородству и ясности лица вновь пришедшего Гостя.

Гамалиил тоже перевел на Него глаза и потом невольно обратился к Иоадаю.

– Кто это?

Он чувствовал необычайное влечение к Незнакомцу.

Иоадай некоторое время ничего не отвечал, точно припоминая что-то далекое, сладкое. Потом медленно проговорил:

– Так странно!.. Где-то я уже видел Его!.. Но где?.. Не помню… Впрочем, не все ли равно!.. Неизвестный гость часто бывает Божиим послом…

Двадцать лет назад Иоадай видел Его, тогда еще Отрока, в храме, но теперь он, конечно, не припоминал этого!

Обед подавался по заведенному порядку. За великолепной озерной рыбой следовала местная дичь и легкое мясо, приправленное странною

смесью из ароматичных трав, пряностей и индейского имбиря.

Гости должны были по очереди обмакивать свой хлеб в эти изысканные смеси. Каждый получал кусок мяса на маленьком круглом и плоском хлебце, который служил тарелкою.

Ели все только руками, при помощи только ножа.

Но и тут примешивались дикие предписания раббанов. Так, надо было резать хлеб в самом испеченном месте, отнюдь не ломая его; избегать потери каждой крошки; пить, отвернув в сторону голову; смотреть на хозяина, чтобы во всем подражать ему, и пр. и пр. – целый сложный кодекс фарисейского приличия и уменья держать себя.

В доме Симона этого кодекса особенно придерживались; потому несмотря на широкое гостеприимство хозяина, ничто в его пирах не напоминало безумной роскоши и распущенности

пиров у саддукеев, самых изнеженных, утонченно-развращенных людей из всех восточных каст.

Когда подали ливанское красное вино, разговоры оживились.

Иоханан бен Закхай стал шумно спорить с Измаилом об особом случае законного очищения: какую жертву следует принести, если, входя в храм, встретишь грешницу на расстоянии трех шагов?

Измаил полагал, что достаточно в тот день не заходить в храм и вообще отдаляться от него.

Иоханан же утверждал, что необходимо искупительное жертвоприношение. Споры становились все горячее.

Странное зрелище представлял вообще этот еврейский праздник, происходивший в 29 году.

Прохладная, низкая комната освещалась только с одной стороны дневным светом, проходившим сквозь редко поставленные сводчатые оконца, заделанные массивными решетками.

Там и сям, через эти маленькие окна, длинные яркие лучи падали на пеструю одежду фарисеев, возлежавших полукругом за столом, на кубки, чаши, красную скатерть и половики, усыпанные цветами, и на непрошенных гостей, которые по восточному обычаю стояли вокруг обедающих и смотрели на них, как это делается на востоке и теперь. Остальная часть комнаты тонула в таинственном полумраке.

И вдруг из этого полумрака выделилась прекрасная фигура золотокудрой женщины в пурпуровой тунике, ниспадавшей как у античных статуй. Луч солнца окружал ее сиянием.

В руках ее был алавастровый сосуд. Такие сосуды только блудницы всегда носили с собою. У знатных дам они хранились дома. Рыжеватые волосы, заплетенные в косы и вившиеся на концах локонами, ниспадали на ее плечи. Покрывало не скрывало ее лица, и в один миг все в доме фарисея Симона узнали в вошедшей ту, о необыкновенной

красоте и богатстве которой до сих пор в Талмуде сохраняется столько рассказов.

Это была Мария, жена Паппы, жителя Магдалы. Царственная, но наглая красота ее известна была всему городу.

Бесшумно войдя, она бесшумно продолжала идти вперед, ни на кого не глядя, поглощенная внутренней мучительной работой души, ясно написанной на ее лице. Подойдя сзади к Незнакомцу, возлежавшему против Гамалиила, она остановилась.

Что думала она сделать?

Просто ли пришла послушать Учителя, слышала ли что-нибудь, что коснулось сердца ее, в Наине, где народ толпился, как всегда, возле Него и где пришли к Нему ученики Иоанна, только что заключенного в темницу, благодаря такой же женщине, как она?

Неизвестно. Но слезы текли по ее лицу, судорожные рыдания потрясали ее, и вдруг она не

выдержала, упала на колени и прижала лицо свое к стопам Учителя.

Муки ее отчаяния были очевидны. Очевидно было и ее жгучее раскаяние…

А Он?.. Он молчал и молча принимал выражение этого горького раскаяния потрясенной, разбитой человеческой души. Но свет, который в эти минуты озарял Его лицо, до этого дня еще никогда не брезжил на земле.

До этого дня тоже, разумеется, прощали, но как свысока!

До этого дня и жалели, но как издалека!.. Его же бесконечная жалость, казалось, наполняла пропасть, отделявшую Его от упавшего к Его ногам существа. Его прощение, казалось, стирало целую жизнь и созидало новую душу. И несмотря на его неподвижность и безмолвие, от Него веяло такой сверхчеловеческой благостью, что великий созерцатель-старец Иоадай пророчески поднял

руки, и Гамалиил расслышал, как он, точно сквозь сон, проговорил:

– Неизвестный гость часто бывает Божьим послом.

Но Иоадай был единственным провидцем. Остальные гости как бы оцепенели в грозном молчании. Возмущенные неслыханною дерзостью поступка, они негодовали и ждали первого слова… Вообще было бы невероятной наглостью, если бы женщина, будь она чиста, как пламень, – подошла и коснулась бы раввина, то есть учителя. Было бы бесчестием, если бы раввин допустил всякую женщину до этого. Но падшую женщину!.. Женщину, одна встреча с которой считалась осквернением!

Тишина в зале была предвестницей бури, и, должно быть, эта тишина и заставила грешницу несколько опомниться. Она вдруг точно испугалась, что слезы ее, падая на ноги Пророка, могут сделать их нечистыми, и с воплем

отвращения к самой себе стала целовать их и быстро вытирать своими волосами, но потом почувствовав, что и этого мало, разбила алавастровую вазу и полила непорочные ноги драгоценным нардом.

Замешательство в доме Симона при этом достигло крайних пределов.

Гамалиила охватило точно физическое страдание, симпатия его к Незнакомцу погасла, мечты разлетелись в прах.

Садок и Измаил, переглядываясь с другими возлежавшими, стали пожимать плечами.

Сам хозяин Симон, стараясь отвратить внимание гостей от происшедшего, начал давать разноречивые, сбивчивые приказания слугам и торопить рабов с блюдами.

Иоханан бен Закхай с видом победителя произнес слова из Экклезиаста:

– Добрая слава важнее драгоценного помазания.

Ученики неизвестного Учителя, совсем смущенные и оробевшие, тихо переговаривались, не смея поднять глаз. И вдруг в этой зловещей тишине раздался чистый ясный голос:

– Симон, Я имею нечто сказать тебе.

– Скажи, Учитель, – отозвался Симон с натянутостью.

Слегка презрительное выражение его лица, изменившиеся манеры и тон ясно обнаруживали все происходившее у него на сердце.

– У одного человека, – продолжал голос, – было два должника. Один был должен ему 500 динариев, другой 50. Но так как они не имели чем заплатить, он простил им обоим. Скажи, который должен был более возлюбить его?

Покровительственная важность, почти пренебрежение к такому «немудреному» вопросу промелькнули на лице хозяина.

– Думаю, – сказал он деланно равнодушно, – тот, которому больше простил.

– Правильно ты рассудил, – проговорил Учитель и затем, повернувшись к рыдающей женщине, Он продолжал:

– Симон, видишь ты эту женщину?

Дрожь пробежала по телу фарисея.

Это было уж слишком!..

Видел ли он эту женщину, эту падшую тварь, осквернившую его очаг, произведшую этот скандал?

Глаза всех были устремлены на нее с выражением отвращения, а он, видел ли он ее? Он чистый, он «отделенный»!..

Да с каким наслаждением он выгнал бы ее, очистил бы свой дом от ее присутствия!..

Ясный и глубокий голос между тем продолжал:

– Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла их. Ты целования Мне не дал, а она, с тех пор, как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не

помазал; а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много.

С полузакрытыми и полуоткрытыми губами Иоадай слушал Учителя, и выражение у старца было такое, точно он слышал музыку арф, окружающих Святое Святых. Симон молчал.

И вдруг отчетливо в тишине прозвучал голос, обращенный к первой грешной жене, в смиренной смелости, несмотря на потемки своей больной души, пришедшей к Нему.

– Прощаются тебе грехи твои!

Не один Симон вздрогнул при этих словах. Дрогнуло все собрание. Никогда еще подобные речи не касались человеческого слуха. Возлежавшие и непрошенные гости стали перешептываться, стараясь понять смысл этих слов, запрещенных устам человеческим, и, забыв на время свою презрительную гордость, внутренно безмолвно вопрошали себя:

– Кто это, что и грехи прощает?

Страшно побледнев, Гамалиил тоже повернулся к хозяину лицом и чуть слышно прошептал:

– Да кто же это? Скажи!

Симон фарисей тихо отвечал:

– Иисус из Назарета.

А Учитель, не желая гасить курящегося льна их слабой веры, по-прежнему обращаясь к женщине и покрывая ее благостью небесной любви, сказал:

– Вера твоя спасла тебя. Иди с миром!

IV.

После первой минуты оцепенения Гамалиил с ужасом спросил себя: «А Сусанна? Видела ли она происшедшее?..» И почти тотчас же, в то время, как еще возжигали благоухания, обычные во время праздничных обедов, он поднялся с ложа и простился с хозяином, желая, как он говорил, вернуться домой до первой стражи. В

действительности толпа и тут становилась ему невыносимой. Замечания, которыми перебрасывались вокруг него, были ему отвратительны. Кроме того он чувствовал, что наступили минуты великой важности для Сусанны и для него самого.

Велев позвать сестру, он вышел из залы, но когда молодая девушка в своих светлых праздничных одеждах, ниспадавших складками до белых сандалий, подошла к нему, он – великий учитель в Израиле – не нашел что ей сказать. Думая об ее чистой душе, не зная, как коснуться ее, он чувствовал себя на краю головокружительной пропасти.

Они поехали не спеша рядом тем ленивым шагом, в котором как бы воплощается вся восточная лень, сотканная из сладких грез.

Долго ехали они в полном молчании, придерживаясь пословицы: жизнь долга, ее хватит

для всяких дорог, как хватит часов для всяких разговоров.

Наконец Сусанна подняла покрывало, подставила лицо ветру, дувшему с озера, и первая заговорила:

– Теперь ты видел Его: что скажешь?

– Ты действительно хочешь знать все, что я думаю? – отвечал насмешливо раббан.

Девушка молча кивнула головой.

– Всю правду!

– Хорошо. Так вот, когда Иоадай указал мне на Него – я почувствовал к Нему необычайное влечение. Я отдыхал душой, глядя после Садока и Измаила с их ненавистью в глазах, на Его дивно-спокойное лицо! Отдыхал после Иоханана с его наглыми манерами, – глядя на Его голубиную простоту. Раз даже невольно мысленно произнес текст: «Дух Божий на Тебе»… Я хотел заговорить с Ним, хотел пригласить Его к себе, сначала сюда, в виллу, потом в Иерусалим. Говорят, Он очень

беден. Моя дружба была бы Ему полезна, дала бы Ему положение… Несмотря на то, что я держу себя далеко от галилеян и вообще от тех, кто учит, сам нигде не учившись, я хотел сделать безумную вещь… И кто знает, к чему бы это все повело… Кто когда читал книгу будущего?.. Но вошла эта женщина!..

Яркая краска бросилась в лицо Сусанны. Гамалиил продолжал:

– С этой минуты, что могло быть общего между Им и мною? Одно то, что Он допустил к Себе эту грешницу, что Он принял ее, доказывает, что Он даже не знает Моисеева закона… Не знает или презирает наше предание, наши обычаи… И больше этого! В моих глазах Он сделал величайшую ошибку. Он нарушил гармонию Своей жизни, не удержавшись вне оскорбительных уступок на недосягаемой от них высоте. Ты не была в зале, не видела, как эта тварь целовала Его

ноги, умывала духами и слезами, утирала их распущенными волосами!..

– Я… мы видели все это через полуотворенную дверь внутреннего двора, – прошептала Сусанна.

Гамалиил посмотрел на сестру.

– Может быть, и лучше, что ты видела. Это больше всего того, что я мог бы сказать тебе, должно убедить тебя… Если бы Он был пророк, – Он знал бы, кто эта женщина, он не позволил бы ей прикоснуться к Себе, не подверг бы Себя с одной стороны осквернению, с другой – презрению раббанов!.. Или Он думает перевернуть все житейские мудрые постановления? Но такие пятна не смываются. А если мы, раббаны, перестанем охранять внешность, до чего дойдет народ в своей распущенности?..

В старину учили, что каждое нововведение – опасность. Я лично думаю, что каждый должен дышать свободно и по мере своего разумения, но ниспровергать внешние преграды защиты

невозможно. Это – даром возмущать души. К чему Он затронул нас, учителей, и где же? В нашем доме!.. Если бы Он был убелен сединами, то есть достиг бы уже возраста, приближался бы к тому часу, когда человеческие пути освещаются светом с того берега, берега вечности, – можно было бы думать, что Он видит то, что не видят наши колеблющиеся души, как например Иоадай…

Гамалиил вдруг остановился, пораженный ослепительной мыслью.

– «Иоадай»… Как он смотрел на Него! Он точно пил слова этого незнакомого Учителя, как пил бы из самого источника жизни. Он воздел к Нему руки с таинственными словами. И в те минуты, когда я почувствовал себя особенно далеко от этого Галилеянина, душа Иоадая, казалось, слилась с Его душой где-то далеко от нас…

Сильным движением воли Гамалиил отогнал от себя воспоминания и громко продолжал:

– Если тебе нравится этот молодой Учитель, жаль, что мы именно сегодня были у Симона. Лучше было бы для нас, если бы мы не слышали слов: «Прощаются тебе грехи твои». Что это? Кто может прощать грехи? Человек этот – безумец! Пророки никогда так не говорили. Не *дерзали* говорить так. Они проповедовали раскаяние. Они говорили: «Покайтесь, бросьте ваши греховные стези. И Господь, может быть, простит вам…» «Может быть…» Он же переступил все границы. Слушая Его, не знаешь, кто говорит… Человек?.. Бог?.. Неужели Он думает, что Своим прощением, как Бог, Он создает новую душу?

– Он, может быть, уже создал ее, – робко прервала Сусанна и быстро продолжала: – заметил ли ты выражение лица Марии из Магдалы?

– Нет, – отвечал Гамалиил с холодной надменностью. – Что мне эта женщина? Ради Него я желал бы отдалить ее от Него, потому что я сам

чувствовал к Нему необычайное влечение. Но в сущности, что мне до всего происшедшего?..

– А я, я так страдала… – тихо сказала Сусанна. – Так страдала, так вглядывалась в происходившее, так старалась понять… И, мне кажется, я поняла…

Изредка свежий ветерок дул с озера, принося с собой запах лилий и гиацинтов.

Конечная линия горизонта таяла, сливаясь с медно-красным золотом заката. Небольшие волны с монотонным шумом вечно-начинающейся жизни ложились почти у ног лошадей. И в этой вечерней гармонии музыкальный голос девушки звучал особенно мягко и трогательно.

– Да, я ужасно исстрадалась, я тотчас узнала эту женщину. Я раньше как-то раз встретила ее и тогда отвернулась, чтобы не видеть ее. Ведь на таких нельзя смотреть… Но я не знала, я не думала, что она так красива. Когда она вошла и приблизилась к Нему, – я содрогнулась от гнева и отчаяния… Зачем, зачем она смела прикоснуться к

Нему?.. Какой же Он пророк!.. Видение Даниила предстало предо мною… Женщина эта была для меня камнем, о который преткнулись ноги мои…

Сусанна замолчала.

С глубокой нежностью Гамалиил посмотрел на нее.

– Твоя душа слишком влекла тебя к Нему, – с жалостью проговорил он.

Сусанна не опустила своих чудных правдивых глаз.

– Не знаю, брат. Не знаю, слишком ли влекла меня моя душа к Нему; знаю только, что Он дороже мне всего на свете, дороже жизни, тебя… О, я знаю, что ты любил и холил меня, как родная мать!.. Но не страдай. Я люблю Его совсем иначе, чем тебя, чем всех. Он вне земного для меня. Какое счастье, что я смею, наконец, открыть тебе мою душу!.. Когда я увидела и услышала Его впервые, на склоне Курн-Эдина, – все, что есть во мне лучшего, все мои стремления к высшему, все, что в вашем

учении вы забываете, иссушая этим души, – моя вера, любовь, сознание и жажда глубокой чистоты – проснулись во мне. Знаешь, правда проснулась, точно с шумом расправляющихся крыльев. Да! Он говорит слова жизни! Он исцеляет тело, но во сколько раз больше души… Когда Он впервые взглянул на меня, мне показалось, что завеса, которая скрывает Святое Святых, отдернулась и коснулась моего лица. Священный и вместе радостный страх охватил меня. Да! Он – великий пророк. И мне думается: не Тот ли Он, Который должен придти?..

Гамалиил снисходительно улыбнулся.

– О, вечно юный энтузиазм! Вечный псалом из Песни Песней!..

Но Сусанна продолжала:

– Не могу словами выразить, как я выстрадала, когда эта женщина начала целовать Его ноги. Я опустила драпировку, которую держала в руках, чтобы лучше видеть Его. Мне показалось, что

ледяная пелена охватывает мое сердце, что все становится темно в моей душе, как в могиле… После я узнала, что Он сказал ей, а тут я уж ничего не слышала и не видела… Но через несколько минут я встретилась с ней на заднем дворе… Этон ебыла прежняя женщина!.. Жена и дочери Симона подошли к ней и стали глумиться над ней. А она, она не только не рассердилась, не возмутилась, нет… но она сквозь слезы только посмотрела на них… Ах, что это был за взгляд!.. Нет, у меня ясное чувство, брат! Не она коснулась Его, а Он, допустив ее до Себя, привлек ее к Себе, Он очистил ее. И знаешь?.. Тогда точно солнце взошло в душе моей. Я так гордилась моей чистотой, тем, что я не такая, как эти падшие…

– Ты и вправе гордиться, – прервал ее Гамалиил с гордостью.

– Нет, больше не вправе, – отвечала Сусанна. – Кто мы все перед Ним? Все такие маленькие, мелочные, ничтожные, жалкие! Если мы и не

делаем зла, то как часто только потому, что господь избавляет нас от него, устраняет его с нашей дороги. Как я тебя благословляю, брат! (Сусанна вдруг повернулась лицом к Гамалиилу). Как благословляю тебя за то, что ты все сделал, чтобы уберечь меня от лукавого и всякого зла и искушения…

Видимо умиленный, великий раббан взял маленькую ручку сестры, приподнял ее к своему лбу, потом поднес к губам. Сусанна крепок сжала его честную, твердую руку, ведшую ее до сих пор по жизненному пути, и добавила, глядя прямо ему в глаза:

– Брат, я не должна гордиться моей чистотой. А ты… ты не гордись своим знанием, своей ученостью. Не говори больше никогда: «Это Галилеянин», «этот месиф» (неученый). В Нем Самом свет, которого ни одна книга не даст тебе, так как только иногда проблески этого света заметны в людях. Мне кажется, за эти недели я

научилась большему, чем за всю мою жизнь. Говорить я не умею. Я высказываю тебе мои бессвязные мысли, как они приходят мне в голову. Но мне положительно кажется, что восходит новый день, который ярко озарит жизнь и все, в ней совершающееся. Ты думаешь, я ошибаюсь? Да?.. Умоляю тебя, скажи: я ошибаюсь, по-твоему?

Наступило молчание. Слышны были только шаги лошадей по дороге. Гамалиил долго сосредоточенно глядел в сторону; потом, будто решившись на что-то важное, взглянул на сестру и ответил ей с строгим выражением лица:

– Наши отцы говорили истину. Избави нас, Боже, учить Закону женщин. Я сам впал в эту ошибку… Что ж! Теперь поздно каяться. Выслушай только то правило, которого я придерживался всю мою жизнь. *Создай сам для себя авторитет, чтобы заглушить свои сомнения, и не плати ни одной димы, не взвесив ее.* Надо смотреть сквозь пальцы, пропускать беспрепятственно то, что

почему-нибудь несколько противоречит древним постановлениям. Иоханан, Измаил и другие самые знаменитые раббаны, впрочем, не одни знаменитые, а большинство наших фарисеев, и старики в народе стоят за то, чтобы убивать восстающих против Торы-Шебекетеб, то есть писанного закона, и еще важнейших правил закона устного, то есть предания – Торы-Мебеалпи. Они учат и тебе приказали бы ненавидеть нарушителя, кто бы он ни был. Я же требую от тебя только благоразумия и хладнокровия. Не старайся больше видеть или слышать Того, кто увлечет тебя помимо твоей воли. Будь цельной натурой, не иди ни на какие уступки… Будь выше их. Не отвергай того, что составляет ядро нашего учения, то есть изречения: «Мы отделились от нечистых народов земли; мы не как все». В этих словах все наше существование. Они удерживают нас от многих падений. «Месиф», сын народа, не может понять этого. Ты же

оставайся ученицей великих учителей. А время… время покажет остальное…

Снова наступило молчание, но на этот раз молчание было давящее.

Уязвленное сердце девушки замыкалось в себя. Сомнения охватывали ее душу. Разве могла она думать, что она права, когда благородный и сердечный великий раббан был против нее? Впрочем, через некоторое время она решилась еще раз сделать последнюю, так сказать, попытку и обратилась с просьбой к Гамалиилу:

– Брат, спросим Иоадая… – прошептала она: – что он скажет.

Гамалиил поглядел на девушку и потом согласился. Сердце его сжималось при виде ее печального лица. Они условились о дне и часе для посещения кроткого старца, и между ними водворилось окончательное, долгое, тяжелое молчание.

……

Блестящий летний день, день солнечного праздника, сгорел и сменялся теперь грустными, сырыми сумерками. Небольшие волны с печальным шумом разбивались о берега.

V.

За несколько суток до назначенного дня для посещения Иоадая Гамалиил, выйдя утром из дома, увидел прибитую к его воротам дощечку. На таких дощечках, по обычаю того времени, сообщались важные вести. На этот раз вести были тревожные: кроткий созерцатель Иоадай был при смерти и желал в последний раз видеть Гамалиила и Сусанну.

Вести эти, как гром, поразили брата и сестру: так они были неожиданны!.. Удивлению и горю внуков Гиллеля не было границ.

В последний раз, когда они видели Иоадая у Симона, в старце не было заметно никаких

признаков болезни или слабости, и потому, несмотря на его почти столетний возраст, никому и в голову не приходила мысль о его близкой кончине.

Быстро собрались в путь Гамалиил и Сусанна с твердым намерением остаться с раббаном до его конца.

Жил Иоадай недалеко от них, всего в пяти-шести милях.

Его скромный, уютный дом был выстроен на первых склонах холмов, возвышавшихся над светлым Геннисаретским озером.

Домик был крошечный, полутораэтажный: две комнаты наверху, одна внизу. На плоской крыше – терраса с утрамбованной землей, покрывавшейся летом нарциссами и гвоздикой. С утренней зарей лучи восходящего солнца золотили дом, и весь день лучи эти так заливали его, точно в нем был вечный праздник света, – единственный праздник, любимый великим созерцателем. Виноградная

лоза окружала скромное жилище зеленым трепетным кружевом, цепляясь вьющимися побегами за деревья и перекинувшись даже до финиковой пальмы с узловатым стволом. Пальма эта почти весь год приносила плоды и давала спасительную тень от нестерпимо-яркого, знойного солнца. Большую часть дня Иоадай проводил в этой тени. Три четверти века перед тем, в день своей свадьбы, старец, тогда еще совсем молодой человек, вместе с своей юной, прекрасной невестой посадил эту пальму. Оба они любили священные слова: «Мудрый сядет под своим фиговым деревом и лозами». Из года в год дерево стало расти, покрываться плодами и распростирать свои ветви, сначала над «молодыми», потом над веселым роем их детей… Дети выросли, рассеялись по лицу земли. Некоторые умерли. А дерево все росло, ствол его все выпускал новые листья, придавая дому и саду

оттенок тихой задумчивости, как годы придают человеку седины и печали…

Много последних лет Иоадай и верная его подруга Анна вели одинокую жизнь в своем жилище. Теперь настала пора для отхода старца…

Анна с благодарностью и ласковой нежностью встретила Гамалиила и Сусанну, но седая, старая голова ее тряслась от горя, и слезы заливали лицо.

– Со вчерашнего дня, мне кажется, он уже не узнает меня, – всхлипывая, проговорила она. – Но на вид он не страдает. Сначала я даже не поняла, что он болен. Он только стал ходить с трудом, и это меня испугало. Потом он не вышел в сад, остался в алии. Потом весь день пролежал на циновке… У него ведь постели нет. Я дала ему всякие лекарства: пальмового вина, натерла его благовонным маслом. Ничто не помогло. В наши годы поздно надеяться на лечение…

Старушка жалко улыбнулась.

– Он точно бредит, – продолжала она, – вспоминает прежнее время… Бог сподобит, и уснет тихо, когда Господь даст ему Свое великое лобзание… Но Господь должен был бы призывать вместе тех, кто столько лет…

Рыдания заглушили голос старушки. Сусанна нагнулась и сначала молча поцеловала ее, потом стала говорить все, что обыкновенно говорится в подобных случаях: слова надежды на возможное выздоровление, слова, которыми утешают безутешную скорбь… Потом они поднялись на террасу. Часть ее была затянута сверху тканями, так что образовывалось нечто вроде комнаты. Иоадай казался уже недвижимым. Глаза его были закрыты. Руки скрещены на груди. Лицо бело, как мел.

С благоговением – сначала Гамалиил, за ним Сусанна – поцеловали его руки и приложились ко лбу.

Потом Гамалиил налил в рот старца несколько капель возбудительного лекарства, захваченного им с собой на всякий случай. Иоадай не двинулся, но на лице его забрезжила улыбка: он, видимо, узнал друзей. Через несколько минут он начал говорить еле слышно, с большими расстановками.

– В день Пасхи учителя собрались в притворе храма… Они учили и спорили… И голоса их неприятно звучали… Гиллель давно умер… И вдруг вошел Отрок и сел посреди нас… Истинно слова Божии из уст Дитяти на этот раз надо было слушать, как из уст синедриона, Моисея, Самого Бога Благословенного… Все дивились разуму и ответам Его…

Иоадай остановился, точно припоминая что-то.

– Отец! – тихо обратился к нему Гамалиил с такою нежностью, точно он говорил с маленьким ребенком. – Отец, тут возле тебя Сусанна, дочь твоей души и моей; Бог привел ее к тебе, чтобы ты мог безмолвно беседовать с нею.

Снова улыбка проскользнула по лицу умирающего.

– Он говорит… милости… милости хочу, а не жертвы… Как может злое сердце славить Бога… Он сел среди нас… И такой дал ответ, трогательный в своей невинной простоте, неизмеримый по своей глубине… Левий воскликнул: «Он всех нас заставит молчать…» Все глумились над нею… Он же сказал: «Прощаются тебе грехи твои…»

– Бредит! – грустно прошептал Гамалиил.

Иоадай же продолжал:

– Я узнал Его… Я узнал бы Его, если бы был на том берегу… Я промолчал… Что мог я сказать тебе, сыну моему… Я не хотел таиться от тебя… Но что мог я сказать положительного?.. А еще и то: в каждом сердце есть недоступные уголки… Даже другу, даже сыну они недоступны, непонятны, и потому невозможно открыть всего… всего благоухания души. Притом там, где коснется рука Божия, там тишина… А рука Божия запечатлела во

мне воспоминание о Нем в храме… И как давно, давно, мне кажется, это было!.. Но Он не помнит меня… Потом эта плачущая женщина… А у Садока какое было дьявольское лицо… Горе тому, кого свет слепит… Горе!.. Как часто искал я Его в жизни и не находил ни на одном пути… А Гамалиил спрашивает: «Кто это?» Как сказать, кто Он!

Задыхаясь от волнения, Сусанна слушала старца.

Гамалиил обеими руками бережно приподнял его голову. Жалкая лампочка, прикрепленная к крыше алии, трепетала и меркла.

Небо сияло звездами.

– Сын мой, – проговорил вдруг Иоадай слабеющим голосом, – Сусанна тут?

– Да, я тут, отец мой. Я не уйду никуда, – ответила девушка и через мгновение добавила, – мы оба никуда не уйдем.

– Хорошо, – прошептал Иоадай. – Прочти мне из Книги Исаии. Свиток под моей головой.

Сусанна достала свиток, раскрыла его листы, переложенные полинявшей шелковой материей, и голосом, прерывающимся от волнения, начала читать:

«Вот Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него и возвестит народам суд. Не возопиет и не возвысит голоса Своего и не даст услышать его на улицах».

Старик подхватил и продолжал жалобно:

«Трости надломленной не преломит и льна, еще курящегося, не угасит… Еще курящегося… Еще!.. Кто скажет, сколько времени пройдет, когда душа совсем погаснет?.. И может ли она когда-нибудь *совсем* погаснуть?.. Ах, как бы хотелось увидеть Его еще раз перед тем, как умереть!..

– Кого увидеть? – любовно спросил Гамалиил. – Скажи, я пойду и приведу его к тебе!

– Нет!.. Не можешь, – прошептал Иоадай. – Это… Отрок из храма… Сусанна, голубка кроткая, иди

спать. Сойди к бедной моей Анне. Она плачет… Старческие слезы оставляют глубокие следы… Скажи ей, что она была дорога мне каждый день моей жизни… Я хотел бы, чтобы она отдохнула теперь… Вы обе придите ко мне утром…

Вскоре на руках Гамалиила старик задремал.

Одна ночная стража стала сменяться другой… Долгое молчание – тихим бредом, потом спокойными, прекрасными словами. Раз даже Иоадай, казалось, пришел в полное сознание. Он с нежностью вспомнил учителя своей молодости Гиллеля. Позднее он стал беспокоиться, тревожно расспрашивал: был ли Иезекия действительно Мессией в глазах Гиллеля?..

– Гиллель ничего не утверждал бесповоротно, – отвечал спокойно Гамалиил. – Ты знаешь, как он был осторожен, мягок, осмотрителен, и ты сам больше его знал, чем я. Я был ребенком, когда он умер.

С усилием Иоадай стал шептать:

– Он никогда ничего не говорил мне по этому поводу. Никогда… Правда, устаешь ждать!.. Более четырех тысяч лет!.. От всего устаешь!.. Ах, и особенно от жизни, от жизни такой долгой, как моя… Есть темные вещи…

Ночь становилась прозрачней, звезды бледнели, – и вдруг, без перехода, розовый оттенок захватил все небо, землю, серые стены из неотесанных камней, окружавшие смиренное жилище, и благозвучное озеро. Сизые и белые голуби встрепенулись и стали перелетать с ветки на ветку, расправляя крылья и воркуя.

С зарей пришла и Анна на свой пост безграничной любви. Она молча посмотрела на престарелого спутника своей жизни, и губы ее дрогнули.

Перемена, происшедшая за ночь, была страшная.

Сусанна поднесла к лицу Иоадая связанные, сильно благоухающие шаронские розы, – старик не двинулся.

Неожиданно блеснул первый победоносный солнечный луч и позлатил его белую, как лунь, голову, его желто-восковый лоб и руки. Это был радостный привет нарождающегося дня… И день этот, к счастью, осветил не одну картину смерти…

В лучах золотистого света, еле различаемый, – так далеко Он был еще от дома Иоадая, – двигался, шел Кто-то, спускаясь с холма. Мало-помалу Он приближался к убогому жилищу… теперь был в нескольких шагах от него… да, это не было видение… В те дни в благословенной тогда Галилее это было реальное, почти ежедневное явление: Иисус Христос сходил утром с горы, куда Он обыкновенно шел по вечерам и где пребывал всю ночь в молитве.

Иоадай выпрямился в лучах ослепительного, утреннего света, и потухающий взор его с непередаваемым выражением отчаяния, ожидания и мольбы впился в Приближающегося.

И вдруг восторженная улыбка озарила его лицо.

– Отрок, Отрок храма! – прошептал он.

– Иисус из Назарета! – проговорила Сусанна и бросилась к перилам крыши.

Иисус проходил теперь возле самого дома.

В чистом сиянии летнего утра Он шел, сопровождаемый учениками, в кротком величии, отпечатанном на Его челе от внутреннего, безмолвного общения со Своим Отцом и Богом, и не *шехина*, видимый чувственный свет, окружала Его, а красота полной святости и мира.

– Господин мой! – прошептал Иоадай, изнемогая от волнения.

И обессилев, он откинулся на ложе, отыскал, как во сне, руку Гамалиила, сжал ее и еле внятно зашептал:

– Послушай… Отрок в храме… Неизвестный Гость у Симона… Это *Он*, Божий посланник… *Он*!..

С этими словами, в празднике души, и преставился несколько минут спустя великий созерцатель.

.....

Вечером того же дня друзья на руках снесли тело Иоадая в могилу, которую он сам при жизни выбил себе в скале, в конце одной из аллей.

С этой минуты Сусанна вполне отдалась заботам об его одинокой вдове. Ей хотелось увезти старушку, вырвать ее из опустевшего, грустного дома, но обыкновенно кроткая, покорная Анна решительно воспротивилась этому. Она объявила, что хочет остаться доживать свой век там, где жил ее муж, что решила умереть там, где он умер, решила идти по его следу до конца… Смиренная жена, она безмолвно присутствовала при агонии мужа, не вполне отдавая себе отчет в происходившем, истомленная обрушившимся на нее горем. Но она видела, что Иоадай умер с восторженной улыбкой на устах, и считала это благодатью Божиею к ним обоим. Боль разлуки от этого стала для нее менее острой, надежда на

свидание сделалась почти уверенностью, и все мысли ее, как это обыкновенно бывает у простых сердцем, слились в одно желание, одно стремление: сидеть, не двигаясь, в родном гнезде, у очага, пока не настанет и ее час, час встречи с Иоадаем.

Гамалиил, слушая ее речи, невольно преклонялся перед логикой ее великой любви.

Сам он чувствовал себя обуреваемым головокружительными сомнениями.

Авторитет закона, который он воздвиг в душе своей, чтобы раз навсегда избавиться от колебаний, не удовлетворял его теперь.

Неожиданное прохождение Иисуса мимо дома Иоадая могло еще быть простою случайностью.

Не смущали его также и последние слова старца: он мог сказать их в предсмертном бреду.

Но его смущало и волновало то, что в светлые часы, в минуты вдохновенного наития – Иоадай сказал и повторил несколько раз: «*Это Божий*

Посланник»… Вот это были тревожащие, знаменательные слова. Что, если бы они оказались истиной? Что, если бы Галилеянин Иисус оказался посланным Богом, тем обещанным Пророком, Которому надлежало придти?.. Слова, сказанные однажды Никодимом, вдруг тоже вспомнились Гамалиилу. «Мне пришла мысль, от которой я еще и теперь дрожу», – сказал тогда Никодим…

И Гамалиил теперь с удивлением оглянулся на себя. Что сталось с ним самим? Откуда эта слабость, равняющая его нравственно с теми, которых он до того считал бесконечно ниже себя, с теми, с кем у него не было ничего общего, кто, как мошкара, летит на каждый луч, кто ждет и зовет Мессию, как непреложную истину…

Какое доказательство дано было ему? В чистосердечной искренности своей души Иоадай мог все же ошибаться. Разве до него не ошибались многие высокие умы? Например, когда появился

Феодас? Да и после, при появлении Иуды Голонитского?

Ведь со времени римского владычества мессии рождались на каждом шагу. Что ж, теперь настал черед и ему, Гамалиилу, отдать дань патриотическому «безумию»?.. Единственным выходом тут, при полном смятении мыслей, могло быть лишь одно: выжидание, пока будущее не покажет, в чем истина, в чем ошибка.

– Если Человек сей Посланник Божий, – решил Гамалиил, – Он объединит все враждующие народные партии, освободит народ Израилев, и Божье знамение – успех будет идти с Ним и за Ним. Но Сусанна?.. Сусанну совесть требовала оставить в покое. В великом благородстве души своей Гамалиил больше не мог признавать за собой права связывать убеждение сестры и решил поговорить с ней.

Раз вечером, прогуливаясь взад и вперед по тихой, уединенной аллее сада Иоадая, он увидел

девушку у пещеры, где лежало тело старика. У евреев существовало верование, что после смерти душа усопшего много дней бродит около своих останков. И паломничества к могиле с первых часов разлуки потому считались дважды благословенными.

Опершись спиной о камень, которым была завалена пещера, Сусанна стояла во весь рост, не двигаясь, и издали походила на большой белый цветок, выделявшийся на темном фоне камня.

Заметив Гамалиила, направлявшегося к ней, она пошла к нему навстречу, внутренним чутьем угадывая, что тревожит, гложет и мучает учителя.

– Не упрекай себя ни в чем, – сказала она ему, как только он начал говорить, и вся тонкость ее души сказалась в ее тоне и словах. – Я слишком тороплюсь. Я не сообразила, что все это такой огромной важности. Не будем спешить с нашим решением.

– Да, не будем! – с облегчением отозвался Гамалиил. – Если Он ошибается, Его дело погибнет. Если же он – Истина…

Раббан остановился и с усилием продолжал:

– Я не могу бороться против Бога…

Порывистая благодарность к Отцу всех людей наполнила сердце Сусанны. Она почувствовала, что в душу ее с этой минуты влилась сила, почувствовала, что она готова на все, на всякие страдания, на долгие ожидания, лишь бы дождаться «Света»… Борьбы с братом не предстояло; все упрощалось, все уяснялось. Лицом к лицу стоял только один вопрос: кто же Иисус из Назарета?

Но вместо того, чтобы мудрствовать, в ту же минуту с смиренной любовью девушка предала душу свою в руки Божьи, вполне веря, что Господь прорежет тьму в ее сердце лучом правды, как некогда огненным облаком Он прорезал и осветил ночь в пустыне для ее праотцев…

Легкий восточный ветерок то шевелил высокие стебли трав, то спадал, и наступала полная, невозмутимая тишина.

И такая же полная тишина, полный мир, казалось, исходили ото всего окружающего и любовно окутывали и людей, и смиренную гробницу, высеченную в скале, в глубине одной из аллей.

VI.

Итак, внуки великого Гиллеля решили выжидать, но выжидать как долго?.. Это трудно было определить, а между тем здоровье Сусанны, потрясенное всем происшедшим, требовало большого ухода. Решено было вследствие этого оставаться в имении «Кафаргалама» всю осень, потом и зиму, – если только можно назвать зимою вечную весну берегов Галилейского озера.

Сусанна с радостью схватилась за эту перемену своей житейской обстановки. Ее утешала мысль, что таким образом она будет находиться в самой сфере деятельности Иисуса из Назарета и гораздо ближе к Нему, чем в Иерусалиме.

Через любимую служанку свою Сарру она стала собирать все сведения, какие могла, о земной обстановке, окружающей Иисуса, о людях, ему близких, и многое узнала.

Оказалось, у Иисуса была многочисленная родня и все большею частью люди высокой жизни идеальных, хотя и чисто еврейских стремлений.

Сыновья от первого брака питателя и кормителя Его Иосифа: Иаков, Иуда и Иосия, которые так же, как и их отец, строго соблюдали закон и самые его малейшие постановления. Иаков был на 14, а кто говорил и на 20 лет, старше Иисуса. Про него, между прочим, было известно еще и то, что он сопровождал отца своего, Марию и младенца

Иисуса во время бегства их в Египет*. Иуда занимался земледелием, и у него была семья**. Кроме братьев, у Иисуса оказались еще и сводные сестры: Саломия и Мария, дочери Иосифа, и все братья и сестры были старше Матери Его.

У Саломии были взрослые дети: Иаков и Иоанн Зеведеевы, рыбаки, ученики Назарянина, раньше бывшие учениками Иоанна, называемого Крестителем. Сводная же сестра Его Мария была замужем за Клеопой, дядей своим, братом Иосифа и, как говорили, была, как сестра, дружна с Матерью Иисуса. Сын же ее и Клеопы Симеон, так называемый сродник Господень, был на 19 лет старше Иисуса*.

Кроме того, Сусанна узнала, что родственник (Лук. I, 36) Иисуса, Иоанн Креститель, был

---

* Греч. Мин., Четьи Минеи. Память его 23 октября. «Жития Святых» Филарета и др.; 2 стих. на веч. 26 дек.

** .Память его 19 июня. Греч. Мин., Чет. Мин. Два внука его, известные под именем «деспосинов», в царствование Домициана были схвачены и привезены к императору, который боялся встретить в них претендентов на престол. Однако бедный, смиренный, простой вид их, крестьянское платье, мозолистые руки и ответы, что они земледельцы, владеющие около 2 ½ земли десятинами земли (39 плетрами), и что царство Христа не от мира сего, – вполне успокоили государя. Он отпустил их с миром и даже прекратил гонения в Иудее (Евсев., ист. Домициана, еп. Флери). Оба эти деспосина были епископами.

* Память его 4 января и 27 апреля. Он был епископом Иерусалимским после Иакова и в правление Аттика был распят на кресте в 106 году по Р. Хр. 125 лет от роду (Греч. Мин., Чет. Мин. Жит. Свв. 12 и 70 Апп. Ив. Крылова).

заключен в темницу замка Махерон и томился там уже давно. Узнала и то, что братья и родственники Иисуса не веровали в Него, как в Мессию, и однажды, взяв с собой кроткую Матерь Его, пришли к Нему, чтобы помешать Ему в Его проповеди и взять Его под свой присмотр (ср. Мрк. III, 21).

Узнала еще, что один из учеников брата ее Гамалиила, Варнава, ушел от своего учителя и последовал за Иисусом и что другой ученик, Савл, из фарисейской семьи, возненавидел всей душой учение Иисуса и хотел всеми силами противодействовать ему.

Служанка Сара познакомилась также с последовательницей Иисуса, Иоанной, женой Хузы, домоправителя Ирода, и передавала Сусанне то, что слышала от нее и от слуг ее.

И эти рассказы Сары наполняли душу девушки тревогой, тоской и негодованием на правителя Галилеи Ирода Антипу.

С детства слышала она о тяжелых временах, целые сотни лет переживаемых родным ее народом. Знала историю Симона, архиерея и вождя, от которого евреи вели новое летоисчисление, который явился через 446 лет после разрушения Иерусалимского храма.

Помнила она рассказы Иоадая о том, как народ иудейский общим советом, в благодарность Симону-архиерею, воздвиг на горе Сионе столбы, на которых прибил медные доски с начертанным на них рассказом о подвигах и заслугах Симона; и знала, что на этих досках вырезано было также постановление: «Быть Симону и его потомству вождем и архиереем, пока не придет вечный Пророк».

Вот эти слова *пока* часто останавливали на себе внимание девушки, как и многих евреев, и возбуждали во всех нетерпеливое ожидание.

А вести из замка Махерон доходили между тем самые тревожные. Ирод не выпускад Крестителя

из темницы и мучил узника еще и тем, что приказывал его бледного, изнуренного тюрьмой и недостатком воздуха, приводить к себе в роскошные залы дворца и беседовать с ним.

Ученики Иоанна и ессей Манаил, совоспитанник Ирода**, пытались, насколько возможно, облегчать нравственные страдания Иоанна; Манаил доводил до сведения Ирода мнение народа о Крестителе и этим надеялся спасти жизнь того, кто называл себя «гласом вопиющего в пустыне». Ученики безгранично смиренного Иоанна, – сказавшего про себя и Иисуса Назарянина: «Ему надо расти, а мне умаляться», – пошли к Иисусу, находящемуся тогда в Наине, и спросили Его:

– Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого? – и принесли великому мученику в его темницу ответ: «Блажен, кто не соблазнится о Мне».

** Деян. XIII, 1.

Слова эти были лучом в той страшной тьме, в которой был оставлен, казалось, Иоанн всеми на земле, даже самим Родственником своим, о Котором он же свидетельствовал народу, как о возлюбленном Сыне Отца. И слова эти принесли Предтече тот мир, который дается не от мира сего и который приготовил душу его к готовившейся ему участи.

VII.

Прошла зима. Сусанна, как ни стремилась, ни разу не видела Иисуса. Она слышала только ото всех и отовсюду о словах, которые Он говорил, и о чудесах, которые Он совершал. Но судьба была точно против нее: ни разу Он не встретился ей, хотя она часто ходила туда, где думала Его встретить.

Снова наступил месяц адар, когда однажды утром Сусанна, встав с ночного ложа, подошла к окну, взглянула в сад и… отшатнулась.

Неподалеку от дома, в аллее, Сарра, бледнее пепла, разговаривала с, видимо, только что пришедшим, судя по пыльной одежде, взволнованным слугою Хузы, домоправителя Ирода.

Быстро накинув на себя плащ, девушка спустилась вниз и по лицам других встретившихся ей слуг, притихших и бледных, еще сильнее почувствовала, что случилось что-то ужасное. Она вышла в сад и позвала Сарру. Та обернулась на ее голос и, увидев ее, пошла к ней. За Сарой медленно последовал и посланный из дома Хузы, знакомый Луке, ученому мужу, философу и художнику родом из Антиохии Сирийской, которого тоже по виду знала Сусанна и который стал последователем, а потом и учеником Назорея.

– Что случилось? – спросила Сусанна.

– Вот его прислали… он пришел из замка Макор*, – отвечала Сара, – и говорит, что в ночь третьего дня Иоанну отрубили голову.

Вся кровь прилила к сердцу девушки. Она еле устояла на ногах и, в юной силе отчаяния, негодования и ужаса, подняла руки и закрыла ими лицо.

Через минуту, совладав с собою и приказав идти за собою посланному и Саре, она вошла в дом.

Гамалиил был у себя, погруженный в чтение Гемары (часть Талмуда), когда девушка вошла к нему и передала страшную весть.

Дух захватило у раббана, но при виде впечатления, произведенного казнью на сестру, он постарался быть спокойным и ободрить ее.

– Не надо так пугаться, – выговорил он, – может быть, это простые толки, слухи. Мало ли что говорят… Ирод знает, как народ чтит Иоанна… Кто принес это известие?

---

* . Макор или Махерон – крепость, в которую заключил Иоанна Предтечу Ирод Антипа, находилась близ Себастии. Построена Александром Ианнеем.

Сусанна сказала.

– Пусть он войдет сюда, – приказал Гамалиил.

Через минуту взволнованный слуга Хузы стоял в комнате великого учителя и рассказывал.

– Была ночь – говорил он. – Ирод с вечера по случаю дня своего рождения давал великолепный пир вельможам и всей галилейской знати. Пир был совершенно римский, с огромным количеством яств и вин… Все гости и сам Ирод очень веселились, много ели и пили, и уже все во дворце надеялись, что все пройдет сравнительно благополучно, как на обыкновенном пиру. Вдруг раб вышел из залы пиршеств и по дороге передал всем встречавшимся ему, что Ирод, исполняя желание невестки и жены своей Иродиады, приказал отрубить голову Иоанна и принести в залу.

– Никто не поверил ему, – продолжал слуга, задыхаясь. – Хотя все знали, что от *нее* всего можно ожидать… Но все же никто не поверил. Во

дворце произошел переполох. Побежали к Иоанне, супруге Хузы… Сам он был в зале пиршества, но он ничего не мог сделать… Четвертовластник был пьян и поклялся Саломии, племяннице своей и дочери своей жены, что он даст ей все, что она ни попросит… А она попросила голову Крестителя… И вот побежали и разбудили палача, и он встал и пошел в темницу. Я и несколько других слуг – мы тоже побежали вслед за палачом и через некоторое время увидели, как он отпер дверь темницы, вошел в нее, запер дверь… и потом, после ужасных минут ожидания, когда нам слышались или чудились стоны… он вышел, тяжело дыша, со сверкавшими, как у шакала, глазами и вынес, держа за волосы, голову только что им убитого Пророка…

Гамалиил невольно закрыл глаза.

– Она была страшна, эта голова, – продолжал слуга. – Кровь лила из горла, то есть снизу, заливала пол; глаза были открыты и необычайно

выпуклы, синие губы подергивались предсмертными судорогами.

Сара не могла более слушать и, зарыдав, выбежала.

По ее лицу давно текли слезы.

– И вот, эту голову понесли по коридорам и лестницам и внесли в залу пиршеств, и Ирод увидел ее. А Саломия взяла ее, положила на золотое блюдо и побежала с ней радостная к матери своей.

Сусанна взглянула на брата и показалась ему такой бледной, жалкой, что он, как мужчина и философ, тотчас захотел чем-нибудь ободрить ее.

– Римский пир и римское преступление, – тихо заговорил он, стараясь говорить спокойно, равнодушно. – Многие римские женщины благородного и высокого происхождения требовали голов своих врагов. Фульвия взяла голову Цицерона и колола иглой его мертвый язык. То же делали и другие. Иродиада, жена

Филиппа, брата Ирода, жила в Риме и научилась у римлян всем обычаям… Вот и результат.

Гамалиил пожал плечами.

В тот же день вся Галилея узнала о совершившемся злодеянии и содрогнулась, а недели через две, вечером, Сусанна в алии беседовала с братом и двумя-тремя друзьями, узнавшими еще подробности происшедшего.

– Говорят, что язык его она тоже колола булавкой, – рассказывал Гамалиил. – И голову куда-то спрятала. Ее никто нигде не видел после той ночи. Тело же его она, – *все она*, не он, – велела выбросить за стены на съедение шакалам, собаками коршунам. Боится, чтобы голова не срослась с телом, если их похоронить в одном месте.

– Кто она?.. Откуда она, эта нова Иезавель?.. – спросила Сусанна, чувствовавшая, что в голове ее мутится от всех этих рассказов и подробностей.

– Она – родная племянница своего мужа, Ирода Антипы, – отвечал Никодим. – Дочь Аристовула. А Аристовул был, как и наш Ирод, сын Ирода Великого, женатого четыре раза. Одна из жен Ирода Великого была Мариамна, дочь Симона священника. У нее был сын Ирод Филипп, первый муж Иродиады.

– Я знаю, – подтвердила Сусанна.

– Да, – отозвался Никодим. – Ты теперь знаешь: Филипп был сын от Мариамны Симоновой, Аристовул – от Мариамны Гиркановой. Нынешний Ирод Антипа еще сводный брат от третьей жены, самарянки Малфаки, а от четвертой жены, Клеопатры, Филипп, четвертовластник Итуреи… Иродиада была сначала замужем за одним своим дядей, потом ушла от него и вышла замуж за другого. Вот отчего Иоанн и восставал так против Иродиады и говорил, что не годится Ироду, самому женатому на аравийской княжне, дочери

царя Ареты, – быть женатым на племяннице своей и жене своего брата.

– Вот отчего она и казнила Крестителя, – тихо добавил Гамалиил, – потому что такие женщины ни перед чем не останавливаются. Надо было заставить его замолчать. Вот и *заставили*.

– Ужасные времена мы переживаем, – сказал ученик Гамалиила Соломон. – Приближается конец долготерпению Божию. Куда ни взглянешь, о чем ни услышишь – один страх берет.

– Шестьдесят, семьдесят лет назад, сорок, тридцать лет было тоже не лучше, – ответил Гамалиил, качая головой.

– Ирод Великий, который избил младенцев в Вифлееме, – продолжал он, – избивал священников и знать, избивал членов синедриона, велел задушить при себе любимейшую жену свою Мариамну, дочь Гиркана; утопил, будто играя с ним, нечаянно, брата ее, прекрасного 17-летнего юношу, которого он же сделал первосвященником,

– предательски убил Гиркана, тестя своего, дядю своего Иосифа, трех сыновей своих, тещу свою Александру…

– Ее нечего жалеть, – опять перебил Соломон. – Помните, когда дочь ее Мариамну вели на казнь, она так боялась, чтобы ее самое не казнили, что при всем народе стала осыпать бранью эту свою несчастную дочь, восхваляла Ирода и говорила, что смерть Мариамне ей поделом… Мне мой отец рассказывал!..

– Бог отцов моих! – тихо взывала Сусанна.

Как девушка и дитя фарисейской, то есть «отделенной» от житейской грязи, семьи, она, несмотря на все свое широкое образование и глубокое умственное развитие, – понятия не имела о ближайшей, текущей жизни, окружающей ее, как окружают человека незаметные ядовитые испарения из болот.

– И до Ирода не лучше было, – выговорил молчаливый, острожный Никодим. – Вспомните

хоть только, как Аристовул, сын Иоанна Гиркана, по взятии Иерусалима велел повесить на крестах более 800 человек перед холмом, на котором он пировал с своими собеседницами, и как, когда казненные еще дышали, заставил избивать перед их глазами их жен и детей… Да, – помолчав, добавил он, – давно уже наступили страшные времена… Везде ужасное растление нравов… И так как последний из Маккавеев, Антигон, наш вождь, был казнен в Антиохи по просьбе Ирода и казнь эта совершилась в последний год шестидесятой седьмины Даниловой*, – то исполнились времена… Отнят Носящий властительный жезл от потомства Иуды…

Никодим проговорил это тихо, проникновенным голом и умолк. Гамалиил и Сусанна поняли, на что он намекал. Великое безмолвие водворилось в алии, но это безмолвие говорило «больше всех слов».

* .Иос. Фл. XIV, гл. 15, 2 – 10, 14 и гл. 16.

– А Он только что исцелил расслабленного в доме сборщика податей Матфея, – прошептал Соломон. – И потом другого при Овечьей купальне… Вообще, где Он – там дыхание чудес… Говорят, сегодня насытил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек…

– Но многие уже начинают восставать против Него, – заметила дочь Никодима. – В день пира у Матфея ученики убиенного Иоанна, который проповедовал пост и покаяние, поколебались и с удивлением спрашивали Его учеников, зачем Он ест и пьет с мытарями? То же и фарисеи. Они негодовали на Него за этот пир с грешниками.

– Да, а Он им тогда ответил: «Разве вы не читали: милости хочу, а не жертвы?» – волнуясь, сказала Сусанна. – То есть любви хочу, которая не считает унижением вступать в общение с грешниками для спасения их душ; а не жертв хочу, хотя бы вы зарезали на алтаре тысячи баранов… Это новые, удивительные слова!..

– Он – великий Учитель, – вздохнул Никодим. – Величайший!.. Но сможет ли Он переделать весь мир? Наши «отделенные» начинают уже явно упрекать Его в том, что Он исцеляет в субботы. Отчего не подождать до другого дня? И при Овечьей купели чудо было тоже в день седьмый…

Сусанна слушала начавшиеся по этому поводу рассуждения раббанов, молчала и думала об ответе, данном Иисусом ученикам Иоанна на пиршестве у Матфея. Он сказал им тогда: «Когда отнимется у них жених – тогда будут поститься». Что это значит? И она сопоставляла эти слова со смертью Крестителя, и страх за Иисуса наполнял ее душу сомнение боролось с восторженной надеждой: Мессия Он или нет?

Приближался день Пасхи, и Гамалиил и Сусанна решили вернуться в Иерусалим.

Путь они выбрали через Вифанию и Масличную гору, желая, как всегда, еще и еще раз насладиться красотой этого пути и въезда с этой стороны во

святой град. Однообразные и бесплодные холмы Иудеи, сероватая даль горизонта, голые печальные скалы на заброшенной, забытой земле – представляли странный контраст сравнительно с тем раем земным, который они покидали, – но они приближались к Иерусалиму, и все, всякая красота бледнела, стушевывалась перед этим названием «Иерусалим».

Начиная с Масличной горы, сама дорога, окаймленная оливковыми деревьями, пинами, миртами и пальмами, с двумя вековыми, громадными кедрами на горе Елеонской, пристанищами бесчисленного количества голубей, – становилась прелестной.

У этих кедров первосвященник Ханаан (евангельский Анна) выстроил лавки для продажи голубей, приносимых в жертву в храм; и с этой торговли Ханаан и его братья получали громадный доход, так как цена голубя одно время

доходила до баснословной цифры, – червонца за каждую штуку.

Неожиданно, при повороте дороги, показывался белый Иерусалим, окруженный двойной стеною, точно фантастическое явление, весь в башнях и дворцах из мрамора и золота.

С одной только стороны города можно было свободно входить в него. С других сторон естественные глубокие овраги, по которым текли потоки Кедрон и Киссон, окружали величественно воздымавшийся город и делали его недоступной крепостью.Сто башен царственной мантией защищали его. Издали вырисовывались самые разные грозные, массивные и недавно выстроенные бойницы, называвшиеся одна – Гиппикусовой, другая – Фазоэлевой и третья – Мариамниной. Ближе, в прозрачном чистом воздухе, ясно возвышались четыре холма: *Сионский*, украшенный, словно венцом, дивным дворцом Ирода с прекрасными садами, с залами,

облицованными санталовым деревом, инкрустированным жемчугом и драгоценными камнями; холм *Везевский*, с новым городом, находящимся пока вне стен Иерусалимских; *Акрский* – холм, застроенный языческими домами, театрами, термами и цирком для игр. На склонах всех этих холмов ютились живописно разбросанные базары, рынки, низенькие дома с плоскими крышами-балконами и редкими, удлиненными окошечками; сбегали искривленные улицы, некоторые крытые каменными сводами, и благоухал «сад роз», воспетый раввинами.

Четвертый холм, *Мориа*, возвышался на первом плане, несколько поодаль от других холмов, и на нем, будто в горделивом отчуждении, блистал вознесенный над всем городом храм Бога Единаго, – чудо из чудес, которому вечно предательски угрожала башня Антония, выстроенная неподалеку от него, как бы для его защиты, но соединенная с ним лестницею, по которой

спускались легионеры и подавляли всякие возмущения, происходившие обыкновенно во время праздников.

О, этот Иерусалимский храм! «Тот, кто не видел его, не знает, что такое красота!» – говорили раввины.

Разноцветные камни его фундамента были врыты в землю, острием книзу, на глубину трехсот футов. Это одно уже было гениальной смелостью зодчих. Над фундаментом, утопая в темно-лазуревой синеве восточного неба, смело высились портики с тремя рядами стройных колонн: террасы, одна над другой, массивный алтарь, целое сверкающее море мрамора и золота, балюстрады, галереи, золоченые двери и наверху действительное святилище – «неос» мистичное, беспорочно-белого цвета*.

При первом взгляде на храм со склонов Елеонской или Масличной горы человек невольно

* Νεως или ναος – храм.

останавливался, пораженный и потрясенный изумительной красотой дома Божия и богатствами, собранными на него. Что был воспетый храм Соломона в сравнении с этим храмом, выстроенным ненавистным Иродом, потомком Измаила?

Бедная лачуга, и лачуга, столько раз разрушаемая, с оскверненным алтарем и жертвенником! В последний раз это разрушение произведено было в 168 г. до Р. Х., и когда 200 лет назад Иуда Маккавей захотел очистить храм и обновить в нем богослужение, – ему в воспетом храме Соломона представилось такое жалкое зрелище, что он заплакал: святилище было пусто; жертвенник осквернен; врата сожжены; в дворах, как в лесу или на горе, разросся кустарник; комнаты притвора не существовали. Через 20 дней кое-как богослужение в храме было возобновлено, сложен был новый жертвенник, но самый храм с этих дней был все же не больше как развалины.

Ирод взялся за обновление этой развалины. Ирод перестроил весь этот жалкий остаток былого величия, оставив одни стены Святилища и Святаго Святых… И теперь блики на золоченых кровлях Святилища сверкали, как лампады, при блеске заходящего солнца; вокруг Святаго Святых витало сияние, и золотые кисти винограда в человеческий рост висели над золотыми же воротами, как живые.

Гамалиил и Сусанна были оба чистокровные евреи, и потому для них обоих дороже всего на свете был Иерусалим. Но не столько красота и великолепие города и храма приводили их в восхищение, сколько вообще святость избранного Богом жилища.

В целом мире не было другой земли, другого места, где бы жил Господь и куда бы стремилась так лучшая часть их души.

Приближаясь к городу, между рядами лавок, где продавались всевозможные птицы, овцы, волы для

жертвоприношений, Сусанна не замечала ни толпы, ни грязи, ни стад и в восторженном порыве пела стихи из псалмов Давида:

«Иерусалим, выстроенный, как твердыня непреоборимая. Да будет мир в твоих стенах и богатство в чертогах твоих. Ради дома Господа, Бога нашего, желаю блага тебе» **.

И продолжала с еще большим восторгом:

«Ибо избрал Господь Сион; возжелал его в жилище Себе. Это покой Мой на век. Здесь вселюсь, ибо Я возжелал его. Там поставлю светильник Помазаннику Моему. Врагов Его облеку стыдом!»** *.

В этот год к этим псалмам у девушки примешивалась, нет больше, – сливалась с ними, новая мысль. Никодим рассказывал, что Иисус из Назарета часто учил их в притворах храма. Значит, стоя в толпе, она могла услышать Его, скоро

. Из CXXI псалма ст. 3, 7 и 9.

* **. Из CXXXI псалма.

услышать! До праздника Пасхи оставалось всего два дня. Не может быть, чтобы Он не пришел в Иерусалим праздновать Пасху с учениками…

VIII.

У города был уже праздничный вид. Везде раскинулись «гостиницы» на открытом воздухе, то есть шатры с коврами и подушками, разостланными на земле.

У этих гостиниц толпились целые караваны паломников, и все они не то пели, не то тянули на одних нотах священные псалмы. Драпировки спускались перед домами богатых и бедных, указывая, что есть для странных и неимущих свободные места у очага.

Миллионная толпа собралась в стенах Иерусалима, а народ все еще прибывал и, не вмещаясь в городе, разливался по окрестностям до Масличной горы и Вифании.

С трудом прочищая себе дорогу, Гамалиил и Сусанна медленно двигались, направляясь к своему дому. Громадная площадь «Ксистус», простиравшаяся на восток от Сионского холма, под дворцом первосвященническим, тоже была запружена: паломники, дети, на ослах и верблюдах, пеший люд, – все это сидело и стояло разбросанными группами, где и как попало, на открытом воздухе или под колоннадами, украшавшими площадь. Сусанна с восторгом глядела на собравшегося Израиля. С душой, полной светлых надежд, она доехала до родного дома. Он возвышался как раз против храма, неподалеку от Царского моста, красивые пролеты которого, покоясь на Тирапеоне, соединяли холм Сион с холмом Мориа.

И как только девушка вошла в свой дом, за его толстые и мирные стены, и устроилась с братом, первою мыслью ее стало – натянуть перед дверью дома пестрый занавес. Каждый год делала она это,

радушно открывая двери странным единоплеменникам, но в этом году она особенно старалась и волновалась, натягивая занавес. Тайной ее мыслью было: кто знает, может быть, Иисус из Назарета, проходя мимо, войдет в их дом; может быть, Он сядет за стол, как Он сел тогда у Симона фарисея. Может быть, это случится как раз на Пасху, и Он совершит тогда символическую древнюю трапезу!..

Но настал великий праздник и прошел, а Он не пришел ни к их дому, ни в храм, ни в Иерусалим… Говорили, что Он ушел далеко, что Он продолжает Свое служение в Десятиградии, в пределах Тирских и Сидонских, у язычников… Пошли дни за днями, недели за неделями, а Он все не возвращался. Наступил месяц цветов нисан, за ним месяц ижар, то есть светлый май под восточным лазуревым небом, потом светозарный сиван, знойный таммус и месяц плодов аб. Аб сменился элулом с виноградным сбором.

А Его все не было.

Сусанна теперь уж не могла дать себе отчета: ждет ли еще она Его прихода, или нет?

Но люди вокруг нее, но народ, ждал и волновался. Когда приближался какой-нибудь праздник только и слышался тревожный вопрос: где Он? И слухи, касавшиеся Его, были самые разноречивые.

Одни веровали в Него, потому что Он творил добро. Это были люди простые. Другие считали Его обманщиком толпы. Это были те, которых Он обличал, власть имеющие и богатые. Они не спорили, не рассуждали, они просто относились к Нему с презрением. Между собой же они говорили: разве кто-нибудь из нас может верить этому Человеку?

Боязливый Никодим молчал. Гамалиил держался вдали от всяких предположений. Он снова стал давать уроки, и снова молодежь, горячая, жаждущая знания, нахлынула к нему, все

более и более восхищаясь его учением, продолжавшим носить особый отпечаток веротерпимости, свободы и широты, – отпечаток, так не подходивший к учению раббанов вообще. Но в этой свободе и широте чувствовалась теперь примесь усталости. О Мессии он никогда не упоминал. Думал же он о Нем постоянно.

Наступил длинный месяц тишри (наши сентябрь и октябрь), а с ним и целый ряд праздников.

Первым настал «день очищения», единственный день в году, когда первосвященник в белых одеждах переступал страшный порог Святилища и входил в Святое Святых. После великого поста в этот великий день он приносил жертву за свои собственные грехи и за грехи всего народа и прогонял в пустыню козла отпущения с клочком пурпуровой ткани между рогами.

В описываемые времена в течение уже восьми лет первосвященником был Иосиф Каиафа, зять

Ханана. В семье Ханаана, благодаря хитростям и интригам, власть первосвященника держалась уже в продолжение полувека.

Четверо его родных сыновей и зять, чередуясь с Кантеросами и Фабиями, занимали 50 лет первосвященнический престол. Народ ненавидел и презирал их всех, без исключения, и ненависть эта дошла уже до того, что при встречах с ними в толпе тихо произносились те проклятия, которые впоследствии евреи громко кинули им в лицо:

Горе дому Бетосов! Да будут прокляты они, потому что они подняли на нас свои секиры!

Горе дому Ханана! Да будут прокляты они, потому что язык их жало змеи!

Горе дому Кантеросов! Да будут прокляты они, потому что перья их несут клевету!

Горе дому Измаила бен Фабия! Да будут прокляты они, потому что длани их отяжелели на нас! Они первосвященники; сыновья их заведуют

сокровищницей, зятья их составляют стражу храма; слуги же их побивают нас палками.

……

Спустя пять дней по окончании празднования «дня очищения» начинался радостный праздник Кущей. Он продолжался неделю, от 15-го до 21-го тишри. В это время, в память странствования Израиля по пустыне, весь народ должен был жить в шалашах, сплетенных из листьев, и ничто не могло сравниться с красотой и живописностью Иерусалима в эти дни.

Всюду: на кровлях, во дворах, на площадях, в садах возвышались легкие постройки, превращая святой город, в мягком, светлом месяце октябре, в прелестный букет зелени.

В храме совершались ежедневно общественные, установленные законом жертвоприношения, доходившие в первые дни до тринадцати, в последующие дни до семи быков за сутки.

Бронзовые тяжелые ворота отпирались с полуночи и пропускали кроме того всю ночь скот для частных жертвоприношений.

Для заклания пятисот этих частных жертв еле хватало священников.

Сусанна редко ходила в храм, если того не требовали обязательные службы, но зато часто посещала синагоги. В храме громадный алтарь, сложенный из неотесанных камней «Бет-Крема», шириною и длиною в 14 метров, алтарь, сплошь залитый кровью и ежеминутно еще обагряемый новой кровью, приводил ее в ужас и трепет. Три священных неугасаемых костра горели вокруг него. Один костер на восток для пожрания жертв; другой на юг, сложенный из благоуханного санталового дерева, которое вдобавок обливалось еще духами, чтобы заглушить отвратительный запах горелого мяса и шерсти; третий костер на север, чтобы огонь был всегда наготове для поддержания первых двух костров.

Сусанна из своего легко-лиственного шалаша, выстроенного на кровле дома, видела в темноте ночи пламя от этих костров, слышала мычание и рев убиваемых животных и часто, просыпаясь ночью, не могла заснуть от криков жертв.

Тогда она невольно начинала мечтать об иных жертвах, жертвах Тому, Кому надо поклоняться в духе и истине, как говорил Иисус Назорей.

Мысли ее еще были неясны и смутны для нее самой, но девственная душа ее, как это часто бывает, уже что-то чувствовала, предвосхищала и возносилась к Богу, как кадильный дым…

В других же фарисейских семьях, наоборот, в эти последние годы особенно точно придерживались буквы закона и по примеру великого Шаммая, противника Гиллеля, даже над постелями родильниц строили шалаши, чтобы появляющиеся на свет дети встречали и соблюдали праздник Кущей как следует, по закону.

IX.

Наступил последний и самый торжественный день праздника Кущей. В этот день, по обрядам того времени, все благочестивые евреи должны были быть в храме и все должны были придти туда, держа в правой руке «лулав», – пучок из ветвей мирты, оливы и ивняка, а в левой – «этрог», лимон, символ обетованной земли.

С раннего утра «верные» разделялись на три группы.

Одни присутствовали при приготовлении к жертвоприношению. Другие сопровождали священника в Матцу в долине Кедронской, чтобы нарвать ветвей ивы или вербы для украшения части алтаря. Остальные шли в Силоамскую купальню.

Сусанна всегда присоединялась к последним. Она любила смотреть, как черпали воду из купальни, вспоминая при этом воду, истекшую из

камня в пустыне. Она любила произносить древние благодарения за целый ряд чудес, явленных Богом единственно евреям и для евреев, – чудес, отделивших их от других народов. Правда, расовая гордость примешивалась тут к молитвенному настроению, но эта гордость отчасти была бессознательной, отчасти законной; мысленно она выражалась в девственных душах словами: «Мы действительно ведь не такие, как другие».

В это утро, поднявшись с зарей, Сусанна присоединилась к радостной процессии. Священник спустился к подножию Офела и погрузил золотой кувшин в Силоамский пруд. Потом вслед за священником все снова поднялись по горе к храму с пением псалмов и сопровождали левита до третьих южных, так называемых «Водных», ворот, где процессию встретили звуки серебряных труб.

Сусанна, отстав от процессии, прошла громадным двором «язычников», пересекла «Гелл», – пространство, куда ни один язычник не смел проникнуть под страхом смертной казни – поднялась по 14 ступеням и прошла под Коринфскими воротами, теми дивными воротами из цельной бронзы, над которыми вздымалась башня, окруженная исполинскими колоннами. Двадцать четыре человека еле-еле могли при дружных усилиях отпереть и запереть створки ворот, отягощенных сплавом меди и олова удивительно тонкой ручной работы.

Теперь Сусанна очутилась во «дворе женщин».

Служба в храме ясно развертывалась перед нею во «дворе священников». Этот «двор», не имевший над собой крыши, состоял из террас, поднимавшихся одна над другою. Первосвященник стоял перед жертвенником, лицом к святилищу.

Одежды его в этот день были роскошны. Поверх льняного, нижнего платья надет был «меил» темно-голубого цвета, доходивший до колен. Подол меила был заткан золотом и пурпуром разных тонов, а поверх вышивки были прикреплены золотые, сладкозвучные колокольчики, гармонично звеневшие при малейшем его движении. Чресла священника и грудь его покрывал «эфод»* с цветами святилища: голубым, пурпуровым, белым и алым, и четырехугольный нагрудник (пекторал), усыпанный великолепными камнями – символом двенадцати колен Израилевых, – ослепительно сверкавшими на солнце. На голове его была надета изогнутая в форме цветочной чашечки «митра», придерживавшаяся на голове повязкой, на которой ясно выделялись начертанные слова: «Святыня Иеговы».

* Короткая верхняя одежда из двух кусков материи с застежками на плечах.

Видимый так издали, сквозь облака фимиама, в сверкании золота и драгоценных камней, с пальцами, обагренными кровью заклания, первосвященник, стоя перед алтарем, наполненным зарезанными жертвами, действительно походил на служителя какого-то священного, но страшного божества. И народ чувствовал это и падал ниц на помост храма в безмолвном поклонении всякий раз, как левиты начинали громко трубить в священные трубы.

Совершавший службу в этот день подошел к жертвеннику с золотым кувшином. За ним шел левит, который должен был возлить вино. Они шли между шпалерами из четырех сот священников. Подойдя к левой стороне жертвенника, они остановились и стали вливать воду и вино в серебряные сосуды: вино в сосуд, стоявший на восток, воду – в сосуд, стоявший на запад.

Народ вдруг громко, в один голос воскликнул: «Воздень руку!» И символическая вода, долженствовавшая напоминать воду, истекшую в оно время из скалы, потекла на неотесанные камни жертвенника на виду у всего народа. Потом в глубокой тишине раздался резкий звук флейты, возвещавший о начале «галлела», или аллилуя.

И тотчас в ответ началось пение псалмов крайне простого напева, чередуясь с музыкой священных инструментов – лютней, называемых «небел»; кифар, или гуслей, называемых «киннар», и органов, называемых «софар».

О, эта храмовая музыка! Эти хоры тысяч исполнителей! Эти левитские и детские чистые голоса! Это рокотанье арфы, убаюкивающее душу целого народа в одной мечте!..

Каждый стих «галлела» заканчивался народным громким возгласом: Hallelu Iah! то есть «хвала Тебе, Иегова!» Священные слова 113 и 118 псалмов изредка также громко повторялись всей толпой, и

каждый присутствовавший вытягивал при этом руку к жертвеннику и потрясал пучком мирты и ивняка.

Семь раз в этот день процессия священников в белых одеяниях обходила вокруг жертвенника в память взятия Иерихона. В эти дни, когда вспоминалось одно прошлое с единой мыслью о будущем, страстно молились о ниспровержении язычества и о пришествии царства Божия, и это царствие Божие, то есть «будущее», полное земных радостей и благоденствия, призывалось в таких пламенных словах:

«Спаси нас, молим Тебя, о Иегова!»

«О, Иегова, молим Тебя, пошли нам благ!»

«Благословен Тот, Который грядет во имя Иеговы!»

После этих слов всякий раз наступало минутное, но полное молчание. Только слышался легкий замирающий рокот арф, и тот переставал, улетал к небесам…

И вдруг, в минуту, когда народный энтузиазм достиг своего апогея, раздался голос:

«Кто жаждет, иди ко Мне и пей…

«И кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» *.

Голос был громок и так звучен и силен, что несмотря на мягкость интонации, был слышен на другом конце огромного храма. Сердце Сусанны затрепетало от радости, точно темневшее тучами небо прорезал солнечный луч.

Да, это был Он, Он, Иисус из Назарета, Тот, Кого она уже не смела ни ждать, ни даже мысленно звать. Наконец-то Он пришел в храм! Наконец-то Он говорил в храме и говорил, как имеющий высшую власть, как великий Учитель!

Она слушала Его восхищенная, вдохновленная счастьем и радостью.

Не одни рыбаки и простолюдины галилейские слышали теперь Его! Его слышал теперь весь

* Ев. Иоанн. гл. 7, ст. 37 – 38.

Иерусалим, весь ученый еврейский мир, весь храм, начиная с первосвященников и кончая служителями, весь синедрион!..

А Он, Он говорил, как Царь!.. Да Он и был Царем! Он должен был быть Царем! Мысленно Сусанна несла к Его ногам и царственный почет, и восторженную толпу, кричащую победное «осанна». И сама она в своей еврейской душе уже пела Ему хвалебный гимн, именно как Царю, жаждала Его победоносного торжественного вступления в их среду, как Освободителя! Раз Он звал всех, всех жаждущих, всех изнемогающих на жизненном пути, всех нищих, всех голодных – конечно, Он был тот Освободитель, тот Владыка, которого Израильтяне ждали, называя Его Мессией. Сусанна лично ждала Его, как Целителя душ! Ее влек к Нему духовный и священный голод. Ее первая молитва при встрече с Ним была именно об утолении этого голода. И блаженство чистых сердец, о котором возвестил Иисус тогда, в

нагорной проповеди, она реально, в известной мере, ощутила в самой себе после Его проповеди.

С тех пор она молилась, страдала, и умственный горизонт ее расширился. Сначала, по примеру Иисуса, она перестала презирать Марию из Магдалы и вообще кого бы то ни было. Затем мало-помалу внешняя, так сказать, материальная чистота стала казаться ей недостаточной: она стала сдерживать себя в своих мелких, земных, житейских желаниях, в мелких эгоистичных порывах и стремлениях. Душа ее предчувствовала, что для того, чтобы узреть Бога, надо или сохранить, или приобрести ту кристальную прозрачность духа, которая одна достойна отразить в себе, то есть воспринять, Бога.

Но как можно было ей увидеть Бога, когда никто не мог видеть Его и не умереть? Этого она не знала, но ничто ее уже не смущало. Она знала одно, – что она пойдет к Нему, когда Он позовет ее,

потому что Он сам сказал: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей».

Впечатление, произведенное Его словами на народ, было поистине чудодейственно. Поднялась суматоха, движение. Все захотели Его видеть, стали отыскивать Его. Называли Его пророком, Мессией. И тотчас же возникли споры и пререкания.

– Не сказано ли, что Мессия придет от семени Давида? – говорили одни.

– Сотворит ли Христос большие дела, чем Этот, когда Он придет? – восклицали другие.

«Мессия придет во мгновение ока! – толковал какой-то раввин. – И никто не будет знать, откуда Он. А Этот – сын плотника, и мы все это знаем». И раввин отходил, пожимая плечами. А споры между тем разрастались. Слышались уже пререкания и брань.

Начальник храмовой стражи вошел в расступившуюся при виде его и снова

сомкнувшуюся толпу, прошел до Иисуса, остановился, слушая Его, и, задумавшись, отошел.

Сусанна услышала, как Ханан, вне себя, спрашивал, отчего он не взял под стражу Галилеянина, и твердый ответ солдат, их начальников и служителей: «Никогда человек не говорил так, как *Он*». Увидела после этого ответа безумный гнев фарисеев и услышала их исступленные, неистовые крики: «Да что, вас тоже подкупили? (прельстили). Глядите, уверовал ли в Него кто из учителей народных или членов синедриона? А этот народ – невежда в законе, проклят он!»

Звуки колокольчиков, между тем, на «меиле» первосвященника примешивались к крикам, брани и проклятиям.

Первосвященник, окончив службу, должен был, подчиняясь унизительному обычаю, пойти в сопровождении римской стражи снять священные одежды и отдать их ей на сохранение. И как ни

привык он к этому обычаю, как ни были саддукеи вообще равнодушны к игу, поработившему их родной народ, иногда все же горечь этого унижения давала и им себя знать. «Но, конечно, нечего было и думать, чтобы Сын плотника мог разрушить башню Антония! Он мог вызвать мятеж, бунт, но не больше! Римляне же, по всей вероятности, воспользовались бы этим бунтом и окончательно разграбили бы богатейший город!»..

Так думал и Каиафа, и он, идя под стражей, криво и злобно усмехнулся. Колокольчики продолжали весело звенеть при малейшем его шаге, и их праздничный лепет странно звучал в возраставших сумятице и беспорядке.

Сусанна стала искать знакомого лица. Гамалиил ушел до окончания жертвоприношения. Фарисеи и книжники собрались в «Газит», то есть залу Совета. Иисус же был окружен несметной толпой народа, и она не смела подойти к Нему.

Вдруг она заметила замужнюю дочь Никодима. Молодая женщина с восторженным выражением лица, казалось, тоже, как и она, Сусанна, как и многие, ждала чего-то.

Сусанна пробралась к ней, и обе они стали прислушиваться к тому, что говорит народ. Многие уже уверовали в Него. Казалось, еще мгновение, и раздадутся победоносные крики…

Но вот завеса, отделявшая Газит, поднялась. С сухими, важными и презрительными лицами члены синедриона вышли из залы, громко переговариваясь.

За ними показался и Никодим. Он шел как будто пришибленный, приниженный и смущенный.

Сусанна и его дочь быстро нагнали его, когда он был уже у колоннад во дворе женщин.

Он взглянул на свою дочь, и взгляд его, должно быть, сказал ей что-нибудь таинственное, тревожное, потому что радость ожидания, светившаяся в ее лице, мгновенно померкла,

сменилась страхом и вопросом. Но Сусанна была вся еще под обаянием происшедшего, не заметила этого и, указав Никодиму на возбужденную толпу, проговорила:

– Иисус Назорей там. Взгляни. – Они зовут Его великим пророком, Мессией. Они все бегут к Нему. Погляди, как видна их любовь!...

Никодим остановил ее взглядом.

– Погляди, как они Его ненавидят, – тихо сказал он, указывая на удалявшуюся группу священников и старейшин, и тотчас добавил: – Не должно Ему оставаться здесь. Если бы Он знал их, знал, с какой яростью они хотят погубить Его, Он, может быть, ушел бы…

– Ушел бы? Отчего? – спросила Сусанна. – Что могут они? Что в их ненависти? Разве господь не сказал Помазаннику Своему: «Я направлю стопы Его. Головы их разобью о камни и положу их к подножию ног Его»? Иисус из Назарета все это знает. Если мы так долго ждали Его, значит, Он сам

дожидался, чтобы час Его настал. В молчании Он препоясался силою для борьбы. Теперь он пришел в полноте этой силы Своей, пришел, чтобы победить!..

Снова Никодим переглянулся с дочерью и еле слышно, будто сам для себя, прошептал: «Он пришел, может быть, для того, чтобы умереть…»

X.

Вся радость Сусанны погасла с этой минуты. Слова Никодима, что бы она ни делала, похоронным колоколом звучали в ее ушах. Правда, она им не вполне верила. Если Иисус был Мессия, – как убеждало ее какое-то внутреннее чутье, – Он не мог умереть, как не мог быть осужден на смерть и Советом священников.

Он мог со временем уснуть великим сном, убаюканный хвалами Своего народа, основав и утвердив царство мира, открыв новую счастливую

эру, о которой возвещали пророки. Это можно было еще допустить, как можно было допустить и то, что Он, как Илия, со временем, поднимется на небо в огненной колеснице, не пройдя «часом великой тьмы». Всем праведным Своим Господь ведь обещает Избранного Своего, Святого Своего, Единственного, Христа Своего. Что же может тут сделать злая воля людей? «Посмеется Господь над советами нечестивых и злых. И сотрет их с лица земли, как прах, возметаемый ветром». Чего же пугаться, чего бояться?

А между тем разумная вера Сусанны сильно колебалась. Иисус Назарянин оставался для нее непонятным. Он не отвергал народных восторгов, когда они кричали: «Это Христос! Это Мессия!» Но Он не требовал никаких внешних отличий, величаний или титулов. Слепое воодушевление часто бывает ошибочно. В Него верили, потому что Он творил чудеса. Но и другие ведь творили

чудеса, пророчествовали, были избранниками Божиими и кончали страшной смертью!..

Кровавые драмы из родной истории вспоминались девушке: герои Маккавеи, головы которых были за родину отсечены мечом, одна за другою, все семь на глазах матери, потом сожженной; пророки, которых люди в ярости своей или ослеплении убивали, от времен кроткого Авеля до времен великого Исаии, распиленного надвое; Захария, сравнительно еще недавно убитый между жертвенником и алтарем… И многое множество людей, имена которых остались неведомыми, которые пришли в мир, только чтобы принести ему душу свою, и искупили вину свою, состоявшую в том, что они не понравились сильным и богатым, – искупили тем, что погибли от острия железного или от града каменного!..

Да, сколько крови выпила вообще эта земля, эти дороги и площади за все столетия! Сколько святых и великих погубил этот жестоковыйный народ!

Содрогаясь при этих мыслях, Сусанна поднимала руки к небу, взывая к Богу об одном, – чтобы он помиловал и спас от постыдной смерти Иисуса, даже если Он был только пророк, а не Мессия.

Наступившие после этого дни были для девушки полны тревоги и мучительного страха.

Иисус каждое утро бывал в храме. Сусанна вместе с дочерью Никодима ходила слушать Его, и в душах обеих робость боролась с восторгом. Теперь наступили времена великой борьбы, лукавых вопросов, бесконечной травли и ловушек. Иногда по одному, иногда группами по двое, по трое и больше, фарисеи и саддукеи подступали к Нему, просили разрешить всевозможные недоумения, бесконечно у них возникавшие, старались уловить Его в слове и отходили от Него

смущенные, потерпевшие поражение, вопрошая себя: «Где Сей изучал Писание?».

На Сусанну и ее подругу некоторые Его слова производили впечатление пророчеств и растравляли все сильнее их опасения.

Он говорил: «Вы ищете убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас*... Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня**... Но вы ненавидите Меня и ищете убить Меня. И вот Я ухожу и, куда Я иду, не можете идти***... Вы не верите, потому что вы не от Бога»...

Споры в народе от низшего до высшего класса разгорались все сильней, несогласия росли, горькие распри увеличивались. Однажды Сусанна увидела, что самые ярые Его противники схватили каменья и хотели побить Его****. В другой раз

---

* Иоан. VIII. Ст. 37.

** Иоан. VIII. Ст. 42.

*** Ср. Иоан. VIII. Ст. 21 и 40.

**** Иоан. VIII. Ст. 59.

волнение народное достигло высшего предела из-за слепорожденного.

Рассказывали, что Назарянин исцелил его, а он известен был всему городу, как слепой нищий, слепой от рождения. Сама Сусанна отлично знала его, так кА часто, поднимаясь по горе в храм, подавала ему милостыню. Звали его Каледонием*.

Прозревший теперь Каледоний без устали твердил собравшимся вокруг него толпам: я был слеп, а теперь я вижу. И также без устали люди в толпе сомневались в его словах, схватывались с ним и ожесточенно опровергали его. Между тем родители его говорили то же, что и он, говорили народу и самим священникам. Шум от этих споров и беспорядок от приливавшего народа к исцеленному был неописуемый.

Гамалиил ежедневно теперь бывал в храме и то останавливался у Царских Врат, то шел во двор женщин, откуда целыми часами глядел на

* Чет. Мин. 4 января.

молодого Учителя, слушая Его иногда один, иногда же с Никодимом, а иногда с другом Христа, фарисеем Лазарем. Чаще всего, впрочем, он бывал один, и это никого не удивляло: так известен он был своей отчужденностью и неразговорчивостью.

Раз вполне спокойно, со строгим, задумчивым лицом он позвал к себе бывшего слепого и спросил:

– Как открылись у тебя глаза?

Каледоний отвечал:

– Человек, которого называют Иисус, сделал брение, помазал мои глаза и сказал: «Пойди, умойся в купальне Силоам». Я пошел, умылся и прозрел*.

Фарисеи, увидя, что Гамалиил разговаривает с исцеленным, подошли к нему и закричали с раздражением:

– Да где же Иисус?

* Иоан. Гл. IX.

Каледоний отвечал:

– Я не знаю.

Тогда снова поднялся говор и крики, но уже на другой почве. Опровергать чудо исцеления не было возможности: оно подтверждалось ежеминутно; но кто-то из фарисеев выдвинул новый довод и против чуда, и против Назарянина.

Каледоний был исцелен в субботу, следовательно, – заявили книжники, – Иисус не от Бога, так как Он не хранит субботы.

Гамалиила всего передернуло от негодования.

Как, исцелить в субботу не Божье дело? Не Божье дело спасти, освободить от недуга, от убожества человека? Вернуть его здравым и жизнерадостным к жизни – все это богопротивное дело?

– Как может грешник творить такие дела? – холодно спросил он и обмерил всех фарисеев взглядом.

Никто не ответил ему.

Гамалиил встал и удалился. В душе его так же, как у Никодима, шевелилось и зрело тяжелое предчувствие. Он понимал, что наступила и шла великая, окончательная борьба между юдаизмом со всеми его традициями, созданными мало-помалу раббанами разного времени, – или иначе, не традициями, а со всем сором и пылью, затвердевшими, густыми слоями покрывшими первоначальный вдохновенный Авраамов закон, – и кротким Учителем, уверенным в Своей миссии, смелым в Своих горьких и страшных обличениях, пренебрегающим всякой земной опорой, надеющимся только на помощь истинного Бога.

Борьба, видимо, была неравная. С одной стороны сила, могущество, власть над народом, – власть жизни и смерти, власть, не гнушавшаяся ни суевериями, ни предрассудками для порабощения каменных сердец… С другой – полное земное одиночество, выражающееся в единоличной

борьбе с царством тьмы, в вдохновенных возгласах:

– Этот узкий формализм – это смерть и для души и для каждой веры. Бог есть Дух. Вы можете понять его и приблизиться к Нему, только если будете добры, милостивы, чутки, правдивы, но не напоказ только, а в самой глубине ваших душ. Только дух животворит. Плоть (материя) не пользует нимало. Он послал Меня. Я и Отец – одно. Я есмь путь, и истина, и жизнь.

С страстным интересом Гамалиил следил за смертельным поединком. Всю неделю праздника Кущей и последующие за ним дни он почти не выходил из храма. Душа, учение Христа влекли его к себе и подчиняли его душу и ум.

Каждый ответ, которым Иисус поражал Своих противников, обличая одним простым словом их хитроумные и коварные замыслы, – каждый такой ответ вызывал на лице Гамалиила умиленную

улыбку, какая бывает у доброго учителя при сознании, что ученик его перерос.

Он преклонялся перед Иисусом, он сознавал Его благородство и одинаковую величавость в словесных схватках с ненавидящим Его сонмом ученых, который Он без гнева усмирял одним спокойным жестом. И мало-помалу свершилось чудо: Гамалиил, не переставая сомневаться в миссии Назорея, прилепился к Нему всем сердцем, полюбил Его всей душой во всех проявлениях Его характера: полюбил Его святое негодование, нежное благоухание Его притч, полюбил Его притчу о Добром Пастыре, которую Он сказал в эти дни, и глубину Его самобытного учения, которое заставляло его, Гамалиила, задумываться часами.

Никогда, однако, Гамалиил сам не поговорил с Ним. Никогда не вопросил Его. Он только издали изучал Его и вскоре стал непоколебимо верить в великую красоту души Иисуса.

Тогда иная задача представилась уму раббана. Если Иисус был Христос, то есть Помазанник и Избранник Божий, – Господь должен был освободить Его от рук Его врагов, несмотря на все неравенство сил. Если же, как ему казалось правдоподобнее, молодой Назарянин был только Пророк, возлюбленный Богом за чистоту Своих мыслей и жизни, но Пророк, увлекающийся несбыточной мечтой, обманывающий Сам Себя в Своем рвении – словом, если Назарянин был только человек, а не Бог, – тогда… тогда надо было спасти Его. Надо было оградить Его от собственных неосторожных поступков и от ярости людской. Дойдя до этого решения, Гамалиил твердо положил себе в случае усиления опасности предупредить Иисуса и даже предложить Ему свое гостеприимство.

Раз, вечером, у великого раббана собрались друзья: Никодим с его дочерью, Лазарь Вифанийский и известный богач Иосиф

Аримафейский. Сусанна была тут же, в комнате. Она недавно лично познакомилась с женой Хузы, Иоанной, и была вся захвачена рассказами ее о кончине Предтечи.

Эти рассказы не выходили у нее из головы, и теперь, когда говорили о родственнике убитого Иоанна, она, содрогаясь, вспоминала о том, где, в каком месте Иоанна нашла голову мученика*. Гамалиил между тем передавал друзьям свои соображения и решение: предупредить Иисуса в случае неминуемой опасности. Никогда в жизни своей великий раббан не возвышался до такого красноречия и такой нравственной высоты, как в этот вечер. В благородной душе своей он давно победил первое чувство самолюбивого страдания. Теперь он не хотел отстранять сестру – дитя своей души – или кого другого от чуждого влияния. Напротив, хотя сердце его глодала еще, может быть, невидимая язва, – положив руку, по

* Чет. Мин. 24 февраля.

еврейскому обычаю, на темноволосую голову Сусанны, он поклялся спасти, если возможно, Иисуса Назарянина.

Девушка взяла с головы руку брата и притянула ее к своим губам.

Она уже почти вполне уверовала в Христа. Он все еще сомневался, но, исходя из совершенно различных воззрений, они сошлись на главной мысли: надо спасти Пророка. И для нее этого было довольно.

Тогда началось обсуждение вопроса. Никодим верил в Иисуса, но боялся иудеев. Иосиф Аримафейский говорил, что ждет только знака, чтобы предоставить в распоряжение Иисуса целый отряд восторженных, пламенных патриотов. Лазарь ужасался жестокосердию фарисея Иссахара, говорившего об ответе Христа относительно подати кесарю как о трусливом ответе.

– «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу…» Это ответ трусливый, – твердил Иссахар.

Гамалиил поднял голову и, оглядев присутствовавших, пророчески ответил:

– Не всем дано понимать высочайшее благородство, величайшую философию… Не один Иссахар будет такого же мнения. Пошлость понятна многим и половине из этих многих мила. Вспомните: Бога – понял один Моисей. Народ же вместо Бога выбрал себе для поклонения идолов… Также и Иаков. Он поклонялся Богу живому, а жена его Рахиль, уходя с мужем из дома отца, украла у Лавана кумиров*… Великое недоступно пониманию большинства… Велика тайна и в словах Его о подати кесарю. Великая свобода духа в них.

Сусанна поглядела на брата с восхищением. Душа ее ликовала.

* Кн. Бытия, гл. XXXI.

Далеко за полночь беседовали в доме великого раббана. Когда ж все разошлись, девушка из своей комнаты взглянула на звездное, безбрежное небо и прошептала:

– «Верую, Господи! Помоги *его* неверию».

XI.

Прошло несколько недель.

Иисус перестал бывать в храме. Для Сусанны это было успокоением так же, как и для дочери Никодима. Они теперь постоянно видались, как видались и с сестрами фарисея Лазаря, особенно Марией, складом ума, кротостью нрава, девичьей чистотой и верой в Иисуса похожей на Сусанну. Обе они юные, восторженные, образованные, жаждущие истины, обновления и пришествия Мессии, радовались, что Иисус пока недоступен для мести фарисейской, и все они надеялись, что наступи же время, когда имя Назарянина

перестанет быть камнем преткновения и соблазна для народа.

Надежды их, однако, были напрасны. Народ волновался по-прежнему; образовывались все новые и новые партии.

Прошло еще несколько недель. Стояла зима. Наступил праздник Обновления. Иисус снова пришел в храм и ходил в одном из бесчисленных его приделов, называемом Соломоновым. И как только увидели Его, – тотчас народ, словно море во время прилива, бурными волнами окружил Его и страстно, почти с упреками и угрозами, стал вопрошать Его:

«Долго ли держать Тебе нас в недоумении? Если Ты Христос, то скажи нам прямо»*.

Для всех присутствовавших и видевших происходившее, ясно было, что этим вопросом исчерпывалась вся внутренняя жизнь Иерусалима, так сказать, вся его душа. Праздник Обновления

* Еванг. Иоан., гл. X, ст. 24.

назывался у евреев «Ханукка» и, как и все праздники, был собственно историческим празднованием торжества еврейской национальности над другими религиями. Религия, Бог – начало мистическое – тут отсутствовало, было на втором плане, вернее, предоставлено было «месифам», народу. Интеллигенция, саддукеи уже ни во что не верили. Но идея национальности в них, как всегда, была жива. Ханукка учредил Иуда Маккавей в память победы своей над Антиохом Епифаном, собственно над его военачальниками. В 168 г. до Р. Х., через два года после того, как Иерусалим был взят, храм разрушен и иудеям велено под страхом смертной казни прекратить всесожжения, жертвы и возлияния в святилище, уничтожить празднование суббот и пр., то есть велено было потерять свои национальные черты, – прислан был из Антиохи какой-то философ-афинянин с царским указом ввести у евреев идольское

служение. Так оно и было исполнено. Храм иерусалимский превращен был в капище и посвящен Зевсу Олимпийскому, притворы же его стали служить залами для возмутительных оргий или вакханалий.

Но не прошло и шести лет, как явился избавитель Иуда Маккавей. Он разбил войско Лисия военачальника, и храм был вновь посвящен Богу Живому, Единому, живущему в сердцах людей всех времен.

Появление Иисуса Христа в день Ханукка в храме вызвало, естественно, взрыв патриотической надежды. Иудея, как и при Маккавее, была порабощена, если не сириянами, то римлянами. Высшие классы, князья и саддукеи, дружили с поработителями и дружили ради собственных выгод.

Оскверненный Антиохом жертвенник, то есть его камни, все еще лежали на храмовой горе, в приличном месте, дожидаясь Пророка с

особенным повелением относительно этих камней.

Иисус пришел в храм и не только в храм, но в притвор, древнейший по материалу, из которого он был сделан, – Восточный или Соломонов, и пришел в радостный день 25 дня месяца хослева, следовательно, не гнушался присоединиться к патриотической радости…

В мыслях иерусалимлян невольно проносилось: не скажет ли Он что о древних камнях жертвенника? И нетерпение, и восторг охватывали умы евреев.

Может быть, Назарянин действительно Обещанный Вождь, Новый Царь; может быть, у Него, как у Иуды Маккавея, есть уже горсть храбрецов, равная войску?

Воинственный пыл разгорался еще и при виде трофеев, золотых венков, щитов и ярких украшений, прибитых ради праздника к колоннаде притвора.

Христос взглянул на всю эту толпу, бушевавшую вокруг Него, и снова, усиливая смысл Своих прежних слов: «кесарево – кесарю, Божие – Богу», – отделяя дух от плоти, которые на земле нераздельны и неслиянны, отвечал:

– Я сказал вам, и не верите. Дела, которые Я творю, свидетельствуют о Мне.

И затем, как бы желая победить сердца тех, кто не верил в Него разумом, Он добавил:

– Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут во век, и никто не похитит их из руки Моей.

В этих словах было все: и величайшее откровение, и вся внутренняя этика учения Иисуса, и историческое указание пути, и пророчество, и необъятные горизонты для еврейского народа во все времена. Но Иудеи не поняли и не хотели понять Мессию в возвышенном и духовном смысле! Им нужен был

только мессия политический. Отказаться от государственности, от политической жизни; одухотвориться настолько, чтобы поверить в Него, как в Сына Божия, равного Богу; принять Его учение, как Божеское, и разлиться по всей земле животворящим потоком; стать дрожжами, чтобы смесить из всего плотского, человеческого теста одно духовное тесто, – словом, потерять душу свою, национальность свою, чтобы обрести ее во всем человечестве, – этого евреи не понимали и не хотели понять.

И ярость их разыгралась. Стоя в тени колонны, Сусанна слушала Учителя. Он ходил в притворе недалеко от сокровищницы и, говоря последние слова «Никто не похитит их из руки Моей», прошел мимо нее. В первый раз после смерти Иоадая Сусанна видела Его вблизи, видела Его взор, и взор этот был куда грустнее и печальнее, чем раньше.

Иисус прошел… И вдруг в каком-то наитии девушка почувствовала, что Он жизнь Свою отдаст, лишь бы сохранить в руке Своей их ничтожные колеблющиеся души! Слезы брызнули у нее из глаз.

Когда она оправилась и хотела броситься к Нему, чтобы сказать Ему, как полно ее сердце безграничной преданности и веры в Него, народ и фарисеи неистовствовали, грозили закидать Его камнями, кричали: «Ты человек, а делаешь Себя Богом!»

Толпа бушевала, как море. Потом опять наступила сравнительная тишина и словно издали, в тумане, девушка расслышала слова:

– Не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги. Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, – Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий?..

Крики усилились, увеличились, в храме произошла суматоха, послали, как и раньше, за стражей, чтобы схватить Его, но Он уклонился от них и через некоторое время вышел из храма.

Сусанна с ревущей толпой последовала за Ним, но когда она вышла, Он уж был далеко.

Дрожа, она остановилась у входных ворот, и вдруг, точно луч света, осветил ей смысл «дня искупления».

В один миг она припомнила, мысленно увидела до мельчайших подробностей страшную сцену: левитов, священников, первосвященника Каиафу в белых одеждах, – всех их, изгоняющих в пустыню козла отпущения. Она увидела несчастное растерянное животное, бегущее, как сумасшедшее, посреди криков и проклятий народа, толпы, с *грехами* этого народа, изображенными красным лоскутком, привязанным между рогами.

Прообраз был очевиден.

Галилейский Учитель спускался с храмовой горы под градом оскорблений.

Извне Он был ничем отмечен ими, но в сердце Его сочилась кровь из глубокой раны, нанесенной Ему «в доме Того, Кого Он любил».

Солнце заходило в свинцовых тучах, окрашенных темно-красными, точно кровавыми лучами. Минутами дул страшный ветер, предвещавший ненастье. А Он шел, изгоняемый ими из дома Отца Своего, и было что-то до того ужасное, до того раздирательное в этом удалении, что Сусанна не удержалась и, рыдая, невольно крикнула слова пророка Исаии:

– Он один взял на себя наши немощи и понес наши болезни, а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижаем Богом*.

XII.

* Исаии гл. LIII, ст. 4.

Снова пошли недели за неделями. Иисус ушел опять за Иордан*, в местность, называемую Переей, где некогда крестил Иоанн. Сусанна с братом все чаще видалась с фарисеем Лазарем и его семьей, и Гамалиил все больше поощрял дружбу своей сестры с обеими женщинами. Марфа нравилась ему преданностью брату и деятельным характером, Мария – пленительной чистотой и строгой и вместе задушевной вдумчивостью. Также по душе было великому раббану и спокойное достоинство, разлитое в атмосфере всего дома Лазаря.

Вскоре, однако, после праздника Обновления спокойствие это было нарушено: сам хозяин заболел. Гамалиил несколько раз посетил его, надеясь, что болезнь вот-вот пройдет, и дом симпатичной семьи снова повеселеет и оживится, но раз утром к двери Гамалиила слуга, как недавно об Иоадае, прибил извещение: Лазарь умер, – и

* Еван. Иоан. гл. X, ст. 40.

Гамалиил, прочтя это извещение, тотчас с Сусанной отправился в Вифанию. Когда они вошли в дом Лазаря, все там уже говорило о смерти.

Плакальщицы раздирали воздух криками, и резкие звуки флейт мрачными диссонансами вторили им; в комнатах, по еврейскому обычаю, седалища и скамейки были опрокинуты, циновки и подушки разбросаны по полу.

Тело Лазаря было уже вынесено на кровлю и положено в алии, обвязанное пеленами, надушенными миртой и алоем.

На голове покойного лежал погребальный плат, но без всяких украшений, какие в те времена употреблялись на востоке вообще и в Иудее в частности. Гамалиил и некоторые другие фарисеи требовали для погребальных обрядов полной простоты, отсутствия роскошных одежд и предписывали обыкновенные льняные саваны. Марфа и Мария, по-видимому, были с ними в принципе согласны.

Вскоре погребальная процессия тронулась.

Настоящего погребального ритуала у евреев не существовало, гроб не сопровождался ни членами иерархии, ни даже каким-нибудь духовным пением.

Впереди шли плакальщицы и музыканты, смотря по богатству семьи усопшего более или менее многочисленные.

Покойный лежал в открытом гробу. Друзья его несли этот гроб, постоянно сменяясь, несмотря на обыкновенную краткость пути от дома до семейной усыпальницы.

За гробом шли женщины (в Галилее они шли перед гробом, так как через них «смерть вниде в мир»). За женщинами плакальщицами и родственницами следовали родственники, друзья, простой, бедный люд и те, которые примкнули к шествию по дороге от нечего делать, из любопытства и пр.

Сусанна, не поговорив ни с кем из домашних Лазаря, пошла за гробом вместе с толпою.

Обычай требовал, чтобы на пути следования или у самого склепа, вернее пещеры, произнесены были речи. В этот день стал говорить Гамалиил.

Плакальщицы перестали вопить, флейты замолкли. Все стали слушать великого раббана с должным вниманием. Не подражая никому из ораторов того времени, превозносивших обыкновенно покойников и воздававших им преувеличенные похвалы, Гамалиил стал просто развивать известное и любимое изречение: «Он станет восходить от света к свету».

Казалось, это была обыкновенная, хотя и последняя, беседа с другом – фарисеем, беседа, из которой изъяты были ненужные мелкие спорные обсуждения. Великая душа раббана, казалось, просто торжественно и любовно лишь выливалась в дружеском и горьком «прости», отдаваясь вся тяжелой минуте.

В глубине же своего «я» Гамалиил невольно изумлялся, как Тот, Который считался другом Лазаря, не презрел грозившей Ему опасности и остался теперь далеко!

Глаза великого раббана невольно в толпе искали Его, и Ему самому, относившемуся с равнодушным презрением к похвале и восторгам толпы, казалось непонятным собственное чувство, собственное желание, чтобы Тот, Кого он слушал столько раз, послушал сегодня и его!..

Погребальная процессия подошла к пещере. Подобие коридора вело в нее. Семь или восемь углублений или лож, высеченных горизонтально, виднелись в ней посередине и по бокам. В верхних углублениях покоились уже родители Лазаря. Его положили напротив входа, без гроба, просто на голый камень углубления. Тело его было обвито, как и раньше, пеленами сверх савана. Голова и лицо закрыты платком.

Положив тело, из пещеры вышли и завалили отверстие ее изготовленным для того камнем «голал», плотно закрывавшим вход.

Затем снова раздались жалобные крики. Плакальщицы стали раздирать на себе одежды, вырывали волосы и корчились, точно в судорогах. Потом все вернулись домой, и описанная церемония, требуемая обычаем, сменилась другой. Все сели на пол и в молчании стали ждать, чтобы заговорил кто-нибудь из членов семьи. Раньше сказать слова утешения не дозволялось.

Многие плакали, потому что смерть Лазаря была горем не только для сестер его: многие искренно его любили, как любил, например, Максимин, ученик Христа*.

Через некоторое время то тут, то там стали раздаваться короткие фразы. Большею частью повторялось все одно и то же изречение: «Бог есть Судья праведный».

---

* Чет. Мин. янв. 4-го.

Некоторые закутывались с головой в плащи и вполголоса размышляли о ничтожестве телесном, о человеке, который вянет и гибнет, как трава! От времени до времени все вставали, сходились и снова, как подкошенные, опускались на землю…

Так длилось до начала похоронного обеда – «хлеба траура», как говорилось тогда, – который соединял «пришедших плакать» за несколькими общими столами. Десять чаш осушалось после этого «хлеба траура» в память усопшего, душа которого, как думали, присутствовала при трапезе и наблюдала за словами и поведением всех.

Марфа и Мария упростили похоронный ритуал, насколько было возможно. Гамалиил, с своей стороны, не любил этих обычаев, освященных стариной.

Он ушел рано домой, усталый, грустный, и Сусанна так и не успела поговорить с осиротевшими сестрами. Впрочем, она знала, что скоро вернется в их дом.

По еврейским традициям в числе дел милосердия на первом месте стояло утешение страждущих. Сусанна по своему характеру особенно любила это дело, а придти в дом Марии и Марфы само по себе уже было для нее радостью. В их доме она всегда надеялась услышать что-нибудь об Иисусе.

Теперь она тоже надеялась узнать, что Он из-за врагов не вернется в Иерусалим, надеялась узнать это и вместе страшилась!

Чем больше крепла ее вера, тем сильнее росло ее убеждение, что враги не смогут восторжествовать над Ним, и тогда непреоборимое желание увидеть Его скорее охватывало ее.

В своей мистической душе она мечтала подойти к Нему, как некогда Сара, жена Авраама, подошла к ангелам и Богу, чтобы поклониться Ему и служить Ему.

На четвертый день после смерти Лазаря она снова пошла в Вифанию и, войдя в дом в залу, где

узкие отверстия, пропускавшие свет, были закрыты в знак траура, – привыкнув к темноте, отыскала глазами Марию, подошла к ней и села рядом с нею.

Дом сестер был полон евреями, пришедшими и из Иерусалима, и из соседних домов, и из ближайших мест в Вифанию, чтобы утешить сестер, и евреи эти большею частью были местной знатью. Несмотря на это, обе девушки уединились, и Мария стала сквозь слезы говорить о Лазаре, о любви, которая объединяла их, о глубоком горе, причиненном его смертью, о смерти вообще и о Друге, Которого вот уж четыре дня как предупредили и Который все еще не пришел.

Мария не удивлялась Его отсутствию, не жаловалась. Она твердо была убеждена, что именно так, как Он поступил, и следует поступить, но причину Его поступка она не могла объяснить.

Сусанна задумчиво слушала ее. Шли минуты и часы. День стал клониться к вечеру.

Неожиданно кто-то вошел и таинственно позвал Марфу. Она вышла, как хозяйка, к которой по необходимости обращались все за разными домашними делами и распоряжениями.

Никто этому не удивился. Все знали, что заботы по дому лежат на ней.

Но через несколько минут Марфа стремительно и, видимо, взволнованная вернулась, подошла к сестре и шепнула ей что-то. Сусанна сидела близко и расслышала слова: «Учитель здесь и зовет тебя». Мария взглянула на сестру и, побледнев, поспешно встала.

Она не знала, что добрая и энергичная, но недалекая сестра ее только что удостоилась слышать слова величайшей важности, которые не должны изгладиться до скончания века:

«Воскреснет брат твой… Я есмь воскресение и жизнь…»

Она не знала, что сердце Марфы подсказало ей ответ, недоступный ее уму: «Так, Господи, я верую, что Ты Христос»…

Она чувствовала только, что вот пришел Учитель, Друг Лазаря, Тот, кого многие из бывших у них в эту минуту знатных гостей ненавидят как своего Обличителя; что Он пришел и зовет ее…

И Мария быстро вышла из дома и быстро пошла навстречу Иисусу по дороге, указанной ей сестрой.

Сердце ее стучало, как молот. За ней встали гости и потянулись из залы в сад. Они думали, что она идет плакать к пещере, к Лазарю.

Но Мария вошла в сад и, тотчас выйдя из него, свернула на дорогу, ведшую в пустыню.

Недоумевая, что с ней, часть евреев последовала за ней, часть осталась в саду.

Сусанна, расслышавшая слова Марфы. Молча последовала за подругой, не отставая от нее.

За пределами селения, там, где дорога резко поворачивает в сторону, вдруг неожиданно они увидели Иисуса.

Его окружали ученики.

Мария бросилась к Нему и упала к Его ногам. Рыдания заглушили ее голос, но она, как и сестра ее Марфа, в первую же минуту при встрече с Ним сказала то, чем полны были души обеих.

– «Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой!»

Только эти немногие слова и могла выговорить она.

Горе ее было так велико и глубоко, что иных выражений не находилось. В них, в этих коротких словах, было все: все ее сердце, все ее упование и покорная любовь к Иисусу, – более, чем бывает к знаменитому врачу, от которого ждут спасения; более, чем к пророку… Слова эти значили: «Если бы Ты был здесь, несчастье не могло бы коснуться нас: Ты, благий, отвратил бы его от нас. Ты

знаешь, чем был для нас Лазарь. Ты знаешь, какая боль раздирает теперь наше сердце. Ты знаешь, как мы любили друг друга… Мы Тебя звали, а Ты не пришел раньше!»

Все это было в коротких словах, вырвавшихся у Марии.

Все это поняли, и многие при виде Марии, обливающейся слезами, тоже заплакали. Но эти слезы не были показными, не были воплями наемных плакальщиц, взвизгиваньем похоронных, платных флейт. Тут ясна была истинная скорбь, зияла рана, наносимая вечной разлучницей – смертью, проступал разрыв-трещина в жизни человеческой вообще, трещина, которую никакая жалость, никакое самое нежное сочувствие не в силах загладить, уничтожить…

Да, тут ясно видно было, что делает ураган, вырывающий одно существо и потрясающий другие до жизненных корней…

Сусанна тоже стояла перед лицом Подателя жизни и смертью, то есть той, которая весь мир погружает в скорбь.

Раньше она видела Иисуса среди всяких нужд, всяких несчастных, убогих и калек, на склонах Курн-Эддина, среди слепых, глухих и немых, и Он, проходя мимо них, исцелял их…

Его милосердие и благость были тогда безграничны, безбрежны, но тогда одновременно с чудесами Своими Он заявлял о Себе, как о Посланнике Божием.

Она видела Его позднее перед величайшим страданием, величайшим стыдом, величайшим нравственным падением и позором женщины… И Он простер руки Свои и простил, простил с тою жалостью, которая погребает под собою, или точнее смывает собою, все грехи…

Но через это прощение Сам Он становился на недосягаемую высоту, Сам приближался к Богу,

так как Единому Богу принадлежит в действительности право прощения…

Теперь у Сусанны невольно проносилось в мыслях: как Он отнесется к *этому* горю, к *этому земному* отчаянию перед смертью, перед вечной разлукой? Что скажет Он, – Он, покинувший Матерь Свою для проповеди людям, Он, учащий, что ради Него надо ненавидеть даже душу Свою? Что вообще думает Он о горниле испытания. Проходя через которое, обыкновенный человек чувствует себя раздавленным?..

Что жизнь для Него? Ведь не она важна, не важно земное короткое странствование. Не важны и безумные крики ужаса перед непостижимой тайной!..

Конечно, не важна и сама смерть, и отчаяние, и разлука земная… Но!.. И вот это «но» заставляло волноваться Сусанну, и муки и волнение ее были так сильны, что она не смела, боялась взглянуть в лицо Учителя, боялась встретить взгляд

недосягаемой духовной высоты, осуждающий все ее земные привязанности, отделяющий Его от людей!..

Мало-помалу, однако, ее непреодолимо повлекло узнать, что Он? Она медленно приподняла голову; содрогаясь, увидела в холодном свете зимнего дня Марфу и Марию, залитых слезами и стоящих на коленях, увидела плачущих евреев, окружавших их, увидела Иисуса лицом к лицу с человеческой скорбью… и…

Иисус плакал.

……..

XII.

Теперь они все шли к усыпальнице.

Воздух был холодный, но тихий, ясный.

Зябкие пальмы свернули на зиму свои перистые листья. По дороге, кроме матово-тусклой зелени оливковых деревьев, не попадалось ни

зеленеющего кустика, ни цветка. Ясный зимний свет лился на землю и ярко вырисовывал острые контуры серых камней и голые черные ветви редких деревьев.

Сусанна, как это всегда бывает в решительные минуты, двигалась машинально, ни о чем не думая. Глаза ее устремлены были на буквы, вытканные на подолах еврейских одежд, и она зачем-то пыталась, хотя безуспешно, прочесть, разобрать их. Буквы от движения прыгали, росли, увеличивались, переплетались и принимали какой-то странный, угрожающий вид. Дрожь пробегала по телу девушки, и священный ужас охватывал ее.

Кругом нее евреи шептались и говорили:

– Как Он любил Его! Не мог ли Он, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?

Воздух был так тих, что слышен был каждый звук, каждый шаг по твердой, гулкой земле.

Сусанна шла как во сне. Эти еврейские буквы стучали у нее в мозгу и запечатлевались огненными знаками.

Она думала одно: «Если бы Гамалиил был тут!.. Ах, если бы он был тут!..»

Подошли к саду, к двери гробницы. Это была пещера*, и камень лежал на ней.

Иисус говорит: «Отнимите камень».

Евреи переглянулись.

Что-то, как электрический ток, пробежало по толпе: как, отвалить «голал», то есть камень, на четвертый день после кончины человека?! Запах тления будет невыносим… Чего хочет Назарянин?..

Сестра умершего Марфа, выражая мысли многих, торопливо говорит:

– Господи! Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе.

Сусанна со страхом взглянула на Иисуса. – Четыре дня!

---

* Ев. Иоан. гл. XI, ст. 89.

Она слышала, знала, как быстро в их климате наступает разложение. И при том, ведь, на третий день душа перестает витать около тела!..

Иисус говорит Марфе: «Не сказал ли Я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию?»

Снова пронесся гул в толпе, но на этот раз никто не посмел ответить.

Подошло несколько людей к закрытому отверстию и отвалили «голал».

Серый сумрак осветил переднюю часть пещеры. Задняя с нишами-гробами тонула во мраке.

Толпа отшатнулась. Многие инстинктивно руками закрыли рот и лицо до глаз. Марфа отчаянно всплеснула руками и отвернулась.

Мария же нагнулась вперед и застыла, так же и Сусанна.

– Он хочет в последний раз увидеть его! – проносилось в голове Сусанны.

Ее била нервная дрожь.

Прошла минута.

Иисус возвел очи к небу и сказал:

– Отче, благодарю Тебя, что Ты услышал меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня, но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня.

Звук Его голоса потонул в тишине воздуха. Торжественное молчание царило в толпе. Сусанна, шатаясь, обессилев, закрыла глаза.

Иисус же воззвал громким голосом:

– Лазарь, иди вон!

С минуту продолжалась еще тишина, и вдруг, как огромный вал, движение ужаса всколыхнуло толпу. Многие бросились назад. В темноте пещеры начало двигаться что-то белое, бесформенное, принимавшее более определенный облик по мере приближения к выходу… И вдруг показался Лазарь, обвитый по рукам и ногам пеленами, с лицом, обвязанным платком.

Крик бессмысленного, панического страха вырвался у всей толпы. У многих глаза

остановились от ужаса. Сусанне показалось, что ей нечем дышать, что вот-вот грудь ее разорвется… Но через мгновение раздался голос Иисуса. Он приказывал освободить Лазаря от связывавших его пелен.

Порывистая, преданная брату, Марфа бросилась исполнять приказание Учителя. Мария же упала к Его ногам.

XIV.

Сусанна в жизни своей никогда не могла ясно и подробно припомнить, как она присутствовала при чуде воскрешения, как, несмотря на усиленные просьбы Марии остаться, вскоре отправилась с Сарой домой в Иерусалим, как дошла до дома и как, словно на крыльях, влетела к Гамалиилу.

В Вифании она успела уже повидаться с бывшим учеником Гамалиила, Варнавой, узнала от него,

что воскрешение Лазаря было не первое возвращение к жизни мертвого, – что раз, подходя к Наину и встретив по дороге к гробницам похоронную процессию, Иисус приблизился к открытому гробу, перед которым шла несчастнейшая из женщин, мать покойного, – вдова, потерявшая своего единственного сына – и, сжалившись над этой страдалицей, велел умершему тотчас встать и отдал его матери.

Сусанна слышала еще и раньше, от Вероники*, о воскрешении дочери Иаира. Теперь с безмолвным благоговением она слушала и Варнаву.

Неужели Иисус не Христос? – думала она. – Гамалиил тогда не поверил Веронике. Что же он скажет теперь? Это третье воскрешение!..

По дороге в Иерусалим она видела многих, торопливо возвращавшихся в святой город. Оживление, восторг и блестящие лица были

* По преданию, Вероника – исцеленная кровоточивая жена (Лук. VIII, 43 – 48). Греч. Мин. 12 июля.

всеобщими. Но лица некоторых поразили девушку странной злобой.

Проходя мимо них, из их уст, мельком, она услышала такие предположения неверия, такую клевету, что с каждой минутой стала все больше удивляться окаменению человеческих сердец.

Ведь она-то, и Гамалиил, и многие знакомые знали, видели, что Лазарь умер. Откуда же эти предположения? Откуда?

И ей невольно вспомнился рассказ Иоанны, вспомнилось, как уверовала жена царедворца, когда муж ее пошел молить Иисуса об исцелении их больного сына, и как, действительно, в этот час, когда Назарянин сказал Хузе*, что сын его выздоровел, – ребенка покинула горячка. Вспомнила, что и тогда, – как говорила Иоанна, – одни уверовали, а другие нет.

– Ах, отчего это, отчего? – мучилась минутами Сусанна, но скоро все сомнения ее затоплялись

* Сохранилось предание, что Хуза, домоправитель Иродов, был именно тот царедворец, сына которого исцелил Иисус Христос (Ев. Иоан. IV, 46 – 53).

ярким светом радости: Лазарь воскрес! Иисус воскрешает умерших! Брат Марфы и Марии воскрес, жив! Что до неверующих? Горе им!

И душа девушки летела в Иерусалим, к брату.

По дороге она увидела антиохийцев – мужа, жену и мальчика, шедших с просветленными лицами. В порывистом восторге, не помня, кто первый начал говорить, она познакомилась с ними и запомнила имя ребенка: его звали Панкратием (впоследствии этот самый Панкратий был епископом Тавроменийским).

На улицах совсем уже стемнело, наступила ночь, когда, наконец, Сусанна пришла в Иерусалим и дошла до Царского моста, недалеко от которого стоял их дом.

Гамалиил, опираясь локтями на перила, сидел на террасе и смотрел вниз.

Увидя сестру в сопровождении чужих, он хотел было улыбнуться ей, кивнуть головой, но она так быстро стала подниматься к нему на террасу по

лестнице, так возбуждены, взволнованы были ее движения, что сердце великого раббана сжалось страхом и предчувствием.

Не так давно, всего несколько недель или месяцев тому назад, были убиты римскими легионерами в Иерусалиме какие-то галилейские фанатики, и кровь их смешалась с кровью жертвоприношений.

В тяжкие времена, переживавшиеся Иудеей, всего можно было ожидать. Какие известия дошли до Вифании? И Гамалиил с тревогой стал ждать первого слова Сусанны.

– Лазарь Вифанийский воскрес! – крикнула девушка еще издали, на последней площадке лестницы.

– Лазарь, брат Марфы и Марии, воскрес! Иисус пришел и воскресил его! – повторила она, вбегая на террасу.

Тревога Гамалиила сменилась ужасом.

– Сошла с ума! – мелькнуло у него. – Помешалась!

С мучительным выражением вопроса он встал и подошел к остановившейся девушке.

– Я… мы все видели его! – продолжала Сусанна. – Мы все!.. Брат. Брат, не смотри на меня так!.. Спроси Сару, спроси вот этих чужестранцев, что внизу… Я не брежу, я не больна!.. Иисус воскресил его!..

Гамалиил поднял правую руку и нежно, осторожно положил ее на лоб девушки.

– Подожди! – упавшим голосом выговорил он. – Помолчи немного, успокойся!.. Ляг вот тут, а то лучше пойдем вниз в твою комнату!

И, бережно обняв, он хотел свести ее вниз, но Сусанна отстранилась от него.

– Мне больно, что ты не веришь мне! – сказала она. – Я так безумно торопилась к тебе, моему другу, брату и учителю. Тебе единому и первому я хотела передать, сообщить, что видела… Как

пришел Иисус в Вифанию… Сначала узнала об этом Марфа, потом Мария… Она побежала по дороге, ведущей в пустыню, и я бежала с ней. Мы увидели Иисуса на повороте. Мария бросилась к Его ногам, и когда Он увидел ее плачущую и нас тоже плачущих, Он Сам восскорбел духом и прослезился. Потом Он спросил: «Где вы его положили?» И мы все пошли к гробнице. И Он, подойдя к пещере, велел отвалить камень и сказал: «Лазарь, иди вон». И Лазарь вышел, завернутый в пелены. Марфа бросилась снимать с него свивальники, а потом Лазарь упал к ногам Иисуса. Не веришь мне, – спроси Сарру, спроси чужестранцев, которые были тоже в Вифании! Я им обещала приют и ночлег до Пасхи.

Гамалиил растерянно посмотрел на сестру.

– Что это, галлюцинация? – спрашивал он себя. – Но тогда откуда эти подробности?

– Хорошо, пойдем вниз! – сказал он громко. – Я тебе верю, но как же это? Я только что проводил его до могилы… Я ведь видел его мертвым.

– Да, он умер и воскрес! Воскрес! – повторила Сусанна. – Иисус воскресил его… Все фарисеи об этом теперь уже знают, весь синедрион! Ведь у Марфы и Марии было множество гостей. Почти все они слышали, как Иисус воззвал к Богу: «Отче, благодарю Тебя, что Ты услышал Меня!»

Великий раббан прервал сестру.

– Хорошо!.. Завтра утром я сам пойду в Вифанию и, когда вернусь, мы поговорим о происшедшем. Все объяснится. Не волнуйся только теперь.

Сусанна улыбнулась.

– Чего мне волноваться? – тихо проговорила она. – Жизнь и смерть в Его руках. Он – Господь! Моя, наша жизнь в Его руках.

Через минуту с полной кротостью и послушанием она. Как ребенок, сошла вниз и дала себя уложить. Когда она была готова, Гамалиил

вошел к ней в комнату, сел возле ее ложа и положил руку на ее лоб.

А еще через несколько минут она спала крепким, здоровым сном, уронив голову на подушку, затканную редкими цветами.

XV.

С ранней зарей великий раббан покинул Иерусалим. Ночью он успел переговорить с Саррой и чужестранцами, принятыми в их дом Сусанною. От них, пришедших в Иерусалим, чтобы очиститься, и от служанки он услышал то же, что и от сестры.

Мысли его путались. В голове неотвязно стучало: «Значит, наступило время освобождения? Значит, плотников Сын – Мессия? Но где же Его помощники?.. Где войско?..»

Гамалиил терялся в догадках.

После его ухода в Вифанию днем несколько раз приходил Никодим, стучался в дверь и, узнав, что великого раббана все еще нет, уходил с удрученным видом.

А в Иерусалиме между тем все говорили о чуде. Народ толпами шел в Вифанию. Саддукеи и хассидимы* волновались. В храм в залу совета поспешно созывались все члены синедриона.

Никодим приходил именно для того, чтобы тоже звать Гамалиила на это заседание, грозившее быть бурным. Но совет состоялся без великого раббана. Он вернулся из Вифании лишь в конце часа шестого и, возвратившись, не старался даже скрыть своего изумления.

– Действительно, Лазарь жив, воскрес, – сказал он встретившей его Сусанне. – Иисус из Назарета, как Илия Фесвитянин, воскрешает мертвых… Я видел Лазаря, говорил с ним. С каким чувством… Не могу тебе передать… На вид он такой же

* Так назывались тогда фарисеи.

кроткий, простой, радушный, как и прежде. Сидит, улыбается, говорит, отвечает на вопросы. В доме его множество народа. Все приходят на него посмотреть, удивляются… Каледоний там и Максимин. Эти словно свои в доме…

– А Иисус? – спросила Сусанна. – Ты видел Его?..

Гамалиил нагнул утвердительно голову.

– Видел. У меня вообще в доме Лазаря было такое чувство, точно я стою в скинии Моисея. Я не мог себе представить, до какой степени испытываешь повышенное настроение там, у них! Там точно кивот священный… Но все же… все же, кто знает, Мессия ли Он?.. Илия тоже воскрешал мертвых. А ни Моисей, ни Исаия, и никто из пророков вообще не говорят о Сыне плотника.

Сусанна, прижав к груди руки, молча слушала брата.

В глазах ее он читал себе укор.

– Ты говорил с Ним? – наконец после раздумья спросила она.

– Нет. Он был окружен такою толпою, что невозможно было подойти к Нему. Да я и не хотел. К чему?.. Несмотря на всю необычность происходящего, я не могу поменяться, то есть отказаться от своей рол Учителя. Меня спрашивают… Я никого не спрашиваю…

Сусанна опустила глаза.

– Никого! – думала она.

– Илия должен был три раза распростираться над умершим и взывать к Богу, чтобы душа его возвратилась в него, – помолчав, выговорила она тихо. – Иисус же просто приказал Лазарю встать и выйти из пещеры, и он встал и вышел. Так же просто воскресил Он и дочь Иаира. «Девица, встань!» – вот все, что Он сказал. И она воскресла…

– Так, так, – перебил Гамалиил. – Господь, видимо, помогает Ему… Но будущее покажет, Мессия ли Он… Надо ждать… Но я хотел тебе сказать, что я услышал от Лазаря. Лазарь сказал мне, что раз Иисус сказал: «Кто не против Меня, то

за Меня». И мне показалось, что Он сказал это и про меня, и показалось, что Лазарь умышленно рассказал мне об этом. Если бы я мог сделать что-нибудь для Него!.. Но что сделать?.. Иродиане*, я слышал, также боятся мятежа и вмешательства римлян, как и хассидимы, а если боязнь соединит саддукеев с ненавистными им фарисеями, – борьба будет не под силу!

Сусанна хотела что-то ответить, но в эту минуту вошел Никодим.

Он, видимо, был встревожен и тяжело дышал.

– Наконец-то я застал тебя дома, – выговорил он.

– Я был в Вифании, видел Лазаря, – начал Гамалиил.

Никодим взмахнул головой.

– Кто его не видел! Весь Иерусалим перебывал в Вифании. Только и речи, что о Лазаре… Вот это-то и горе… Весь народ кричит: Иисус – Мессия!

* Придворная партия евреев, сторонников идумейской династии Иродов.

Мессия, Избавитель!.. По улицам нельзя пройти: такое возбуждение, давка! Все мечты проснулись! Все чего-то ждут, надеются, боятся!.. Какие будут последствия происшедшего в Вифании…

Никодим развел руками.

Сусанна широко раскрытыми глазами смотрела на него.

– Какие последствия? – спросила она с недоумением.

Никодим, не обращая на нее внимания, продолжал.

– Я три раза сегодня заходил за тобою, учитель. Тебя все не было дома. Ты знаешь, Беф-дин* был наскоро созван.

Гамалиил насторожился.

– Да, весь синедрион полностью, кроме тебя. Но они этому были рады… Они боялись, что ты будешь за Назарянина, так как Иисус воскресил

* Синедрион.

Лазаря, твоего друга. Никто поэтому и не настаивал на твоем присутствии.

Никодим оглянулся и тихо, осторожно, шепотом добавил:

– Решено убить обоих – и Лазаря, и Иисуса, только не явно, а каким-нибудь тайным способом, не предавая Его суду.

– Бог мой и Защитник мой! – прошептала Сусанна.

– Кто же был? В совете кто участвовал? – мельком взглянув на сестру, спросил Гамалиил.

– Все были, – отвечал Никодим. – Особенно много царедворцев Ирода. Саддукеи Иоханан и Иссахар в своих перчатках, Самуил бен Фабий в великолепнейших одеждах… И Ионафан бен Уэзиил. Да, все… Положительно все!.. И Кантеросы, и Ханаан, и Каиафа, Иоанн и Александр, и Елеазар… Мануил, кажется, впрочем, не был. Я его не видал. И фарисеев было множество. Зато и шум, и беспорядок были невообразимы!.. Наши

первосвященники… купившие себе свое звание у Ирода!.. Сколько их?.. Я насчитал шесть… Были как помешанные. Они не говорили, а кричали: «Все бегут за Ним!.. Если мы оставим их, возникнет бунт. Придут римляне, разрушат город и разорят нас. Тогда что?»… Они, главное, думают о себе. Между Пилатом и Иродом, говорят, отношения плохие, и вот страх, чтобы Пилат не думал, что Ирод потворствует своим подданным, то есть галилеянам… На них противно было смотреть. Иоанн, сын Анны, утверждал, что Иисус возмущает чернь, толпу, Сам не имея никакой силы ниспровергнуть римское иго… что Он мечтатель в лучшем случае, а то так просто – обманщик… что пусть за Ним идут те, кому терять нечего…

Лицо Никодима сморщилось, как от боли.

– Александр Хананов утверждал, – продолжал он, – что диавол может совершить и совершает такие же чудеса, как Галилеянин, и в доказательство приводил Аполлония, индийских

магов, говорил, что Иисус одержим бесом… Елеазар говорит, что Он вносит в учение Моисея что-то новое, умаляющее это учение, приближающего выдуманного Бога к людям… Ты сам знаешь, как саддукеи в Бога верят!.. Бог живой у них лишь для народа, для неученых. Для них же нет ни будущей жизни, ничего… Есть одно: деньги… Иоанн предложил оценить голову Иисуса во столько-то, доказывал, что нужно подкупить народ предать Его. Самуил бен Фабий ухватился за эту мысль и, складывая и разглаживая угол своей пурпурной одежды, начал рассуждать о цене… Иссахар… тот трунил над всеми, хохотал и говорил, что судьбы государств и народов должны собственно решаться с кубком в руках, и потому он их всех зовет на великолепный пир; что пир этот он назначает в субботу, как продолжение священнических жертвоприношений!.. Все они были зловещи и жестоки, низки, подлы!.. Они, видимо, не забыли, как Иисус опрокинул столы

менял в храме и изгнал из него торгующих. А ведь доходы-то с этой торговли идут им!.. Вот и жаждут мщения!

– А фарисеи, наши хассидимы? – спросил Гамалиил.

– Наши отделенные… те выказывают менее подлости, но зато более постоянства в своей ненависти, – отвечал Никодим. – С презрительным и высокомерным видом они повторяли лишь одни слова Иисуса: «Горе вам…» И Иоханан говорил: пусть все анафемы Назарянина падут на Его голову, соединенные в одну анафему: «Горе Тебе, поднявшемуся на нас!..»

Никодим замолчал.

– А ты-то, ты ничего не сказал в Его защиту? – с страстным негодованием спросила Сусанна.

Никодим повернул к ней голову.

– Я протестовал, так же как и некоторые ученики Гиллеля и твоего брата. Будь благословен, Гамалиил! (Никодим повернулся к

раббану). Некоторые твои заступились за Него, не потому, что думали, что ты Его приверженец, но просто потому, что твое учение веротерпимо и против преследований вообще. Нас было всего трое или четверо, но все же мы твердо отстаивали Его, пока не встал Каиафа. Но когда *он* встал!.. все повернулось. Он встал и крикнул: «Вы разве ничего не видите? Лучше, чтобы умер один человек, чем если бы погиб весь народ!»

Слова эти были решающими: они склонили слабых на сторону иродиан, потому что иродиане вновь и еще сильнее стали кричать про Рим, про войну, про разрушение и гибель Иудеи и пр., – гибель, когда все по их словам так легко было успокоить ценой жизни лишь «одного Человека!» Правда, один – немного! Напрасно мы им говорили, старались сказать так, чтобы они услышали: что Иисус не бунтовщик, что если когда и хотели провозгласить Его царем, Он всегда говорил одно: «Царство Мое не от мира сего». Они

ничего не хотели слышать, кричали: «Толпа не понимает философии, она увлекает Его даже против Его воли».

Никодим остановился.

– Нет, судьба Его теперь уже решена окончательно, – добавил он чуть слышно. – Теперь это только вопрос времени…

– Мы вырвем Его из рук их! – взволнованно проговорил великий раббан. – Я самому себе поклялся спасти Его, предупредить Его об опасности. Теперь остается одно: удалить Его от размаха их ненависти. Филипп, четвертовластник Итурейский – правитель умный, человечный. В его области Иисус может прожить в полной тишине и мире. Мне говорили, что раз уже он скрывался в ней… Через 2-3 года, а может быть и раньше, волнения улягутся, тогда многое забудется. Жизнь – не стоячая вода: она идет, люди сменяют один другого и сами меняются. Иисус еще молод. Ему

есть время ждать. Его надо предупредить. Предупредить скорее через Варнаву или Лазаря.

– Но ты знаешь, за Ним следят, – беспокойно перебил Никодим. – Священники решили всюду разослать шпионов, и теперь уж, верно, они и разосланы. Эти дела делаются быстро. Если мы вызовем Варнаву, мы выдадим себя и возбудим подозрение и против Него. Тогда Ему не дадут уйти.

– Не могу ли я пойти в Вифанию к Марфе или Марии? – спросила Сусанна. – Я жизнь готова отдать, чтобы спасти Его! Ах, отчего женщины не могут участвовать в ваших советах! Мы не так ратовали бы за святое дело, как вы!.. Я не обвиняю тебя, Никодим, но удивляюсь, но удивляюсь, как ты не мог переубедить их, поразить простой логикой.

– Я был один против ста! – смущенно ответил Никодим.

– Что ж из этого! – прервала Сусанна. – Один против тысячи, когда за тебя истина!.. И причем тут ссора, которая будто бы между Иродом и Пилатом? Ирод не может быть обвиняем в потворстве галилеянам, потому что он сам боится, не воскресший ли Иоанн – Иисус и, как говорили фарисеи, сам хочет убить Назарянина. Причем же тут боязнь иродиан? Мне кажется наоборот: это не Иродовы козни. Они, сами первосвященники, боятся, боятся, что небо приблизилось к нам, и если Иисус – Мессия, воцарение Его будет особенно чудесное, благостное, без кровопролитий… Через какое-нибудь великое знамение Божие… Отверзется небо… и кончатся страдания людей…

– Если Он – Мессия, все это возможно… – произнес Гамалиил с расстановкой. – Но Никодим не мог так говорить в зале газита (совета). Неосторожностью можно погубить всякое дело, всякую мысль… Ты, Сусанна, людей еще совсем не

знаешь. Что бы ни говорил Никодим, переубедить их в Беф-дине он не мог!.. Когда ненависть вступает в союз со страхом за личную безопасность, ничто уже не может остановить решения. И вот что я еще тебе скажу: если, к несчастью, они захватят Иисуса раньше или позже и станут судить Его, знай, я не пойду в заседание синедриона, потому что не хочу быть бессильным свидетелем при гнуснейшем зрелище, которое тогда там разыграется… Знай это, Сусанна! Я поклялся Его спасти, и я сдержу свое обещание, то есть предупрежу Его. У Него душа полная света… И я хочу, чтобы Он знал, что старый еврейский раввин, вскормленный дыханием Греции, умрет, оставшись верным культу света и красоты. Хочу, чтобы Ему передали мои слова: «Если Ты, как многие захваченные своею миссией или мечтой, мало думаешь о жизни на земле и земной смерти, то Гамалиил велел сказать Тебе: на земле слишком

много тьмы, чтобы те, кто светят в ней, уходили преждевременно».

Слезы подступили к горлу Гамалиила, голос его сорвался, и он умолк.

XVI.

Толпы народа, шедшего из Иерусалима в Вифанию, увеличивались с каждым часом. Шли все: и веровавшие, и негодующие, и враждебно настроенные, и потому особенно любознательные, и равнодушные, рассудительные, и просто любопытные…

Необычайность случившегося разбудила самые ленивые умы. Вопросы: было ли то чудо, или просто пробуждение от долгого сна, или ничего не было и Лазарь преспокойно лежит в гробу, то есть пещере? – эти вопросы волновали всех.

Некоторые с горькой усмешкой вспоминали слова Назарянина из Его же притчи о бедном и

богатом Лазаре: «Если и мертвый воскреснет, не поверят» и, вслушиваясь в слова неуверовавших, говорили друг другу: «Не прав ли Он был?»

Но в общем чудо воскрешения Лазаря, которого знали многие, как фарисея, которого лечили и, так сказать, похоронили врачи, так как он умер не как бедняк, – без помощи и лекарств, – а наоборот, после тщательного лечения и ухода, – чудо это придавало имени Иисуса что-то таинственное, какую-то власть, грозную и могучую, не от мира сего. О Нем говорили с удивлением, почти со страхом. Марфа сказала: «Уже смердит», значит, было разложение. Она не могла сказать этого, если бы труп сохранился невредимым. Она ходила к пещере, по обычаю, все эти четыре дня и должна была знать… Значит, было настоящее воскрешение! Кто же Он тогда?.. Мессия? Христос?

И воспламеняющаяся душа народа пала ниц перед Помазанником Божиим. Но в этом признании Его Мессией чувствовалось все же, что

признание это не было ни бесповоротным, ни окончательным. Чувствовалось, что шумно выражаемая вера может погаснуть так же быстро, как быстро она возгорелась, – от какого-нибудь внешнего толчка. Чувствовалось, что известия, проникавшие в народ из римских источников, их философские системы, так же как суеверия, гаданья, волхвования и пр., – что все это уже расшатало чистую детскую веру израильского юношества, как расшатал ее и саддукейский атеизм и материализм. И вера в Иисуса была не истинной, твердой верой, а походила на лучи, упавшие на водную поверхность, позлатившие ее красотой яркого ослепительного блеска, но не проникшие ее насквозь: при первом облаке, затуманившем горизонт, эта красота должна была померкнуть, погаснуть…

Первые дни Гамалиил, страшась толпы, запретил Сусанне ходить в Вифанию, а когда он наконец разрешил ей навестить друзей, – он знал

уже, что Назарянин с учениками ушел куда-то из Вифании, но куда, – Гамалиил не знал. Только самым близким к Иисусу было известно, что Он ушел в страну близ пустыни, в город Ефраим*, отстоявший приблизительно на 35 верст от Святого города.

Узнав об этом, Сусанна заплакала.

– Так я могла увидеть Его и не увидела, могла услышать Его и не услышала! – думала она.

За последнее время кастовая отчужденность ее совсем умерла, и она не только не гнушалась, но жаждала общения с толпой, окружавшей Иисуса.

Наступил первый блестевший ранним весенним солнцем день. В Иудее вообще не замечается резких переходов от зимы к весне. Воздух смягчается постепенно, становится кристально-прозрачным неуловимо, и в это время даже солнечные лучи кажутся менее яркими и густыми,

* Иоан. XI, 54.

если возможно так выразиться, – чем обыкновенно в этой жаркой стране.

Легкая дымка покрывала сероватые холмы на горизонте, стушевывала резкие очертания, придавая даже бесплодным равнинам и скалам нежный, мягкий и вместе мечтательный колорит.

Гамалиил молился, взойдя на кровлю, в «алии».

Сусанна молчаливая, сосредоточенная, полная своих патриотических и мистических грез, озарявших ее лицо удивительной красотой, шла в сопровождении Сарры по улице, направляясь к Иоанне, жене Хузы.

Накануне она получила от нее извещение, что некоторые друзья Назарянина тайно соберутся у нее для дружеской беседы в резиденции Ирода Антипы, старом царском, или Асмонейском, дворце*.

Утреннее солнце позлащало храмовые крыши ослепительным блеском, и по мере того, как

* В новом большом дворце (который построил Ирод Великий), приезжая из Кесарии Филипповой на иудейские праздники, жил римский правитель Иудеи.

Сусанна стала удаляться от дома, вся красота Иерусалима стала развертываться перед ней. Вот высокие, несчетные башни с сверкающими кровлями большого дворца, вот его портики с колоннами из разноцветного мрамора; вот фонтаны и начинающие зеленеть аллеи его парка. А вот издали два беломраморных колоссальных флигеля, так называемые Царский и Агриппы. С них открывается на Иерусалим и храмы вид неописуемой красоты.

– Будет ли этот дворец Его дворцом? – подумала девушка, проходя мимо.

Когда она дошла до Асмонейского дворца, в который должен был приехать на праздник Пасхи, но еще не приехал, из Тивериады Ирод Антипа, солнце стояло уже высоко. Помещение Хузы было в одной из пристроек, и с невольным трепетом Сусанна, держась близко к служанке своей, вошла во двор древнего царского жилища, прошла его и подошла к двери Иоанны.

Ее уже ждали там и тотчас ввели в зал с мозаичным полом, род атриума, в котором собрались друзья Иисуса.

Иоанна приветствовала девушку, посадила ее возле себя и дала осмотреться и, поборов робость, успокоиться.

В атриуме было много народа, большею частью женщин, но между женщин выделялись некоторые мужчины. Кроме Никодима и самого хозяина, был еще известный в Иерусалиме богач и князь, член синедриона и знакомый Сусанне, Иосиф из Аримафеи. Были и знатные греки, посланные эдесским царем Авгарем. Они рассказывали, что царь их предлагает Иисусу переселиться к нему, в его государство и обеспечивает Ему свободу и полную безопасность. Был и совоспитанник Ирода Манаил. Поодаль, за триклиниумом, на ложе, покрытом аттальскими коврами, похожими на золотой штоф, сидела немолодая, молчаливая женщина, внимательно прислушивавшаяся ко

всем разговорам. К ней подходили и разговаривали шепотом то Никодим, то Иосиф. Она казалась чужестранкой – не то гречанкой, не то римлянкой. Тут же в комнате был и исцеленный сын царедворца, и дочь начальника синагоги, воскрешенная девочка лет тринадцати, и отец ее, сам Иаир. Разговоры велись самые разнообразные, но все сводилось к благоговейному и тревожному ожиданию, когда Иисус всенародно объявит Себя Христом.

Что Он это объявит, – никто в этом не сомневался; но когда это произойдет, – никто не мог сказать. На вопрос же одного из греков, куда денутся тогда римские правители и что будет вообще со всеми народами земли, ессей Манаил отвечал, что у пророков сказано: «О Нем благословятся все племена земныя», – значит, они, эти народы, не погибнут.

– Но вам римляне никогда не дозволят иметь своего царя! – заметил другой грек.

– Бог выше римлян, – отвечал Никодим и привел слова Соломона: «Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует сторож. Напрасно вы рано встаете, поздно ложитесь, едите хлеб печали, тогда как возлюбленному Своему Он дает сон». У нас, конечно, нет ничего для победы, но Бог Израилев через Помазанника Своего поможет нам победить весь мир, – добавил Никодим.

Чужестранка молча, одобрительно кивала головой. В то время не редкостью было вообще, что знатные римские женщины знали еврейские священные книги, посещали синагоги, соблюдали субботы и пр. Синагоги, или просевхи*, то есть молитвенные собрания, имелись в каждом городе древнего мира. Фарисеи проходили «море и землю»*, чтобы приобрести прозелитов.

Уже географ Страбон жаловался, что иудеи, несмотря на то, что они имели свое государство, разбрелись и поселились в каждом месте, забрали

* Деян. апост. гл. XVI, ст. 13 (греч. текст).
* Ев. Матфея, гл. XXIII, ст. 15.

в свои руки всю мелочную, а в некоторых местах и оптовую торговлю, были и учеными, и поэтами, и актерами, и даже певцами!

– Поскорей бы Он явно явил Себя миру! – вдруг сказала чужестранка и восторженными глазами обвела все собрание.

Тут была не одна чернь, – «невежда в законе», как уверяли иродиане. Тут собрались веровавшие в Иисуса люди, учители и князья народа; правда, собрались тайно, из страха преследования, но все же это не были подонки иерусалимского общества в житейском смысле. И чужестранка в порыве надежды, что наконец она обретет истину и душа ее успокоится, достигнет мира и счастья, рассказала, как долго, как давно искала она Бога, и не она одна, а все, кого она знала, все лучшие люди, с которыми она встречалась в жизни.

Отец ее, как и император Август, поклонялся египетскому богу Серапису. Мать и тетка – богине Изиде. Мать целовала таинственную погремушку

«систру», которую носили по городу изедины, страшные жрецы в длинных одеждах, с собачьими мордами вместо лица… Тетка простаивала целые ночи босая в храме богини, чтобы получить прощение в грехах… Вся семья покупала за сто яиц исцеление от «болезней осени» у готских жрецов богини камня Кибелы, бегавших нагими, с распущенными волосами по улицам Рима и жестоко бичевавших себя кожаными ремнями, так что кровь лилась у них из тела.

Иудеи внимательно, но с невольным презрением слушали рассказы чужестранки. Для них, не выезжавших из Иерусалима, все, что она говорила, было странно, дико, почти невероятно:

Как развитые люди могли верить в какую-то богиню «камень»*? Как они могли поклоняться Серапису или Изиде?

Один из посланных царем Авгарем – художник и человек ученый, которому велено было сделать

* Кибелла была огромным камнем, перевезенным из Галлии в Рим (Овидий, Тацит).

портрет пророка Иисуса Назарянина, видя впечатление, произведенное женщиной, встал и рассказал об искании философами Греции и Рима истины; рассказал об учении Платона, Пифагора, Цицерона, о том, что Цицерон сказал, отчаявшись примирить все непримиримые философские системы: «Которая из них истина, – знает лишь один Бог!» И что Платон писал: «Мы будем ждать того, будь он Бог или Богом посланный человек, кто научит нас нашим религиозным обязанностям и снимет повязку с наших глаз».

– Три века кончены, – добавил художник, – золотой, серебряный и железный. Круговорот завершен. Теперь должен снова настать золотой век. Вот почему, слыша об учении жизни и чудесах вашего нового Учителя, Иисуса Назарянина, мы склонны думать, что Он действительно обновит весь мир.

– Да, надежды у нас больше нет!.. – подтвердила чужестранка. – Или Он, или никто, потому что

чисто *ваше*, еврейское, учении ничего уже нам не может дать. Ваши саддукеи, когда говорят о загробной жизни, говорят то же, что и наши надгробные надписи: «Я был нечто и стал ничто. Ешь, пей, веселись и приходи». Или: «Меня не было, и я стал. Я был, и нет меня больше. А кто говорит иначе, тот лжец»… Ваши фарисеи только думают о внешней стороне: об очищении чаш, блюд, рук… Ваш храм своим торжищем напоминает храм Венеры на горе Эриксе!..

– Кто эта женщина? – спросила Сусанна, когда к ней подошел Никодим.

– Которая? – спросил тайный ученик Иисуса.

Сусанна осторожно, движением выставленного вперед лица показала на чужестранку.

– Это Клавдия Прокула*, – понизив голос, ответил Никодим и совсем уже шепотом добавил: – Клавдия Прокула, жена прокуратора, Понтия Пилата.

* В Еванг. Никодима сохранилось ее имя. Память ее 27-го октября (Греч. Минеи).

.....

Поздно вечером вернулась Сусанна домой из Асмонейского дворца. На сердце ее птицы пели «райские песни», как она выражалась. Уста же ее повторяли слова Давида: «Славлю Тебя всем сердцем моим. Поклоняюсь перед святым храмом Твоим. Прославят Тебя, Господи, все цари земные, когда услышат слова уст Твоих».

Лилии, распускавшиеся у заборов, благоухали, наполняя весенний воздух, как естественные кадила храма Божия, фимиамом и точно готовили путь Мессии.

Гамалиил встретил девушку вопросом:

– Что скажешь? Много вас было?

– Более ста, – восторженно отвечала Сусанна. – И знаешь, кто был?.. Жена Понтия Пилата. И она, и все непоколебимо уверены, что Он – Христос. Теперь только надо ждать Его пришествия, как Царя.

Гамалиил молча, с полным недоумением посмотрел на сестру. «Клавдия Прокула?» – прошептал он и покачал головой. В этот день он узнал из достоверных источников, что произнесенное синедрионом над Иисусом уже давно «малое осуждение», запрещавшее Ему вход в синагоги, показалось недостаточным; что положено извести Его тайно, а в случае неудачи решено предать Его «херему», то есть «великому осуждению», от которого не уходил живым ни один человек и которого боится до сего дня каждый еврей.

– Разве римляне спасут Его, как философа?.. – думал великий раббан и пожимал плечами. – Не похож Он на простого философа. Или Он обещанный, или самообольщающийся пророк, но философ!..

И великий раббан, еще и еще слушая сестру, печально и отрицательно качал головой.

XVII.

Целую неделю после собрания у Хузы Сусанна проходила в каком-то экстазе.

Она вновь жила крайне замкнутой жизнью, вновь занималась изучением Св. Писания, особенно пророков и псалмов.

Гамалиил помогал ей в трудных местах, и благодаря этой его помощи древнееврейский текст, доступный лишь ученым, непонятный обыкновенным людям, для Сусанны не представлял затруднений.

Время у нее шло незаметно, распределенное между упомянутыми занятиями, посещением храма и синагоги.

Об Иисусе слухи замолкли, или по крайней мере до нее не доходили.

В Вифании было тихо.

Сестры берегли Лазаря и под разными предлогами старались не допускать к нему толпы

любопытных. Друзья, чтобы не дать повода к разговорам и неудовольствию, тоже не посещали его.

Наступила пятница 31 марта 30 г. по Р. Х., или 8 нисана 780 года.

Через шесть месяцев ожидалась Пасха. Иерусалим с каждым днем все больше переполнялся паломниками. В долине Кедрона и по западным склонам горы Елеонской, точно распускавшиеся гигантские цветки, появлялись все новые и новые палатки и шалаши.

День начинал склоняться к вечеру. Гамалиил и Сусанна сидели на террасе, прочитывая и перечитывая священный свиток Исаии. В доме готовилась праздничная трапеза. На террасе росли теперь тоже лилии и гвоздика. В воздухе вместе с их ароматами разлита была вечерняя предпраздничная тишина. Вдруг раббан увидел внизу бывшего ученика своего Варнаву. Варнава

шел по улице, оживленно беседуя с другим учеником Гамалиила, Соломоном.

– Взгляни, кто идет к нам! – обратился великий раббан к сестре, и он многозначительно добавил: – значит, Иисус близко.

Сусанна, полная ожидания, радостно встретила гостей.

– Иисус в Вифании, – сказал Соломон, едва переступив порог, и затем приступил к рассказу о том, как только какой-нибудь час назад Учитель со всеми учениками пришел из Иерихона, пройдя по длинной, знойной, обнаженной горловине, ведущей из Иерихона к Иерусалиму.

– В этой горловине, – ты ее знаешь, – надо идти все время вверх по трудному, почти двадцати трехверстному подъему, – говорил Соломон, обращаясь к Гамалиилу. – И вдобавок в этой горловине постоянно ютятся разбойники, но Он один бесстрашно вошел в нее и пошел по тропинке вперед; ученики последовали за Ним;

народ же остался позади и только изумленно следил за Иисусом.

– Можно мне пойти в Вифанию? – спросила Сусанна. – Я успею дойти до начала субботы.

Гамалиил в нерешимости посмотрел на небосклон, потом на девушку. Он не знал, что ответить ей. Вифания лежала всего в полутора верстах от Святого города, но сестра могла все же запоздать и не добраться до селения до наступления «дня отдыха». Что было бы ей делать тогда?

– Нет, лучше не ходи, – отвечал он. – Ты знаешь, что предписан шехум-гат-шаббат, то есть субботний путь в две тысячи локтей, не больше. Если же тебе попадется на встречу кто из нашей братии, Гамалиила осудят, что он женщине из своего дома позволил такой нечестивый поступок. Лучше ступай завтра, по окончании шаббата.

– Не человек для субботы, а суббота для человека. Так учит Иисус Назорей, – прошептала

Сусанна и добавила громче: – ты ведь и сам не согласен с Шаммаем, последователи которого говорят, что субботство приложимо к людям, животным и вещам. Ты сам не велишь, как они велят, тушить лампу, зажженную до субботы. Не велишь останавливать капании масла из маслин, лежащих под прессом. Позволяешь петуху ходить с ленточкой, завязанной для метки на лапке… Не боишься этой тяжести для него. Отчего же ты не хочешь позволить мне?..

Гамалиил невольно улыбнулся и остановил девушку жестом.

– Да, но даже ходить в субботу по траве – это нарушение «толдоф» (выводных правил), – выговорил он, – а я их волей-неволей должен соблюдать! Ты сама знаешь, я не позволяю створаживать у себя в доме молоко при наступлении субботы, потому что это своего рода «постройка», а строить запрещено правилами

«абоф» (т. е. первичными правилами). Ты же хочешь довершить в душе твоей постройку.

Соломон пристально посмотрел на великого раббана и заметил:

– Иисус учит совсем иначе. Мы так понимаем Его учение: если ты делаешь какое дело в субботу от веры, то ты правильно поступаешь; ежели же ты делаешь не от веры, то твое дело – грех. По правила же вашим, фарисейским, нельзя в субботу потереть или натереть маслом поясницу, если она болит, нельзя рот пополоскать уксусом, если мучаешься зубами!.. Нельзя…

– Нельзя ободрить или утешить больного в субботу*, – с горечью перебила Сусанна.

– Это толкование Шаммая, не Гиллеля, и, ты знаешь, я его не придерживаюсь. Больше, я возмущаюсь им, – сказал Гамалиил и после короткого молчания добавил: – но даже наша река

* Книга юбилеев (Гогадоф).

субботствует, и я не могу позволить тебе нарушить шехум-гат-шаббат.

Сусанна опустила глаза. Она вдруг вспомнила, как ей рассказывали, что Иисус пребывал в послушании у Иосифа до самой смерти его, а Иосиф был муж праведный, то есть соблюдавший все требования Моисеева закона: давал десятины, ходил на годичные праздники, содержал установленные посты, тщательно соблюдал субботу, почитал великих раввинов, носил установленные кисти и филактерии, – вспомнила обо всем этом, подумала о смиренной покорности Учителя в течение почти тридцати лет Иосифу и хотела было подчиниться желанию Гамалила, но он сам сжалился над ней.

Его собственное изречение: «Река субботствует в священном городе» навело его на мысль, что источники, носящие перемежающийся характер в окрестностях Иерусалима, именно наполняют реку у Иерусалима на седьмой день, то есть заставляют

ее нарушать субботу. И, вспомнив об этом, он разрешил сестре отправиться к Марии.

Предшествующая Пасхе суббота называлась «шаббат гаггадол», то есть великая суббота, и, как само название ее указывает, должна была быть *особенной отрадой* для всех Иудеев, тогда как простые субботы должны были быть *простыми отрадами*.

Действительно, вообще в субботы запрещалось утруждать прислугу, то есть приказывать ей носить тяжести, зажигать огонь, колоть дрова, варить пищу. В дни отрад все должны были пировать, отдыхать, прославлять Бога… Даже бедняку предписывалось есть три раза в день!.. И надо сознаться, предписание это повергало немало нищих в отчаяние, так как они не могли, как ни старались, совершить субботу по установлениям закона.

Когда Сусанна в сопровождении Сарры и антиохийского семейства с маленьким

Панкратием прибыла в селение, оно было уже полно народа. Многие Иудеи пришли туда, потому что узнали, что Иисус там* и, кроме того, хотели видеть Лазаря.

Солнце садилось. Суббота только что начиналась. В доме Симона Прокаженного вечеря для Учителя была готова. Во всех домах хозяева и приглашенные приближались к столам, уставленным яствами, приготовленными накануне; Сусанна вошла в дом Симона, и тотчас началось благословение чаши субботнею праздничною молитвою «кидеш». Когда молитва совершилась, из чаши отведали вина все домочадцы.

Сусанна, как некогда в доме Симона фарисея, встала издали, чтобы смотреть на Иисуса, когда Он возлег, и на трапезующих с Ним.

Здесь не было, как там, врагов Его. Были только Его ученики, друзья и восторженные почитатели.

* Ев. Иоан. гл. XII. ст. 9.

Почти все смотрели на Него, как на Избавителя, Мессию и Царя, и больше всех так смотрели на Него сами хозяева. Слуги не допускались служить Ему, и то, о чем мечтала Сусанна для себя, исполняла Марфа: она, как некогда Сарра при посещении дома Авраама Богом, сама служила Господу.

Сусанна издали смотрела на нее и не то что завидовала ей, но желала быть на ее месте всей душой своей.

Женщины рассказывали ей, как недавно Саломия, дочь Иосифа от первого брака* и жена Зеведея, пришла к Иисусу и, кланяясь Ему, просила, чтобы Он сделал ее сыновей, а Его учеников и племянников Иакова и Иоанна, самыми приближенными к Себе людьми, когда наступит Царствие Его. Говорили об ответе Иисуса: по правую и левую руку от Него будут сидеть те, кому уготовано Отцом Его Небесным.

* См. предисловие от редакции, п. IV.

«Если бы это был Гамалиил!» – невольно думала Сусанна, слушая дальше рассказы о негодовании Его учеников на «сынов грома».

И девушке представилась вся преданность великого раббана, как главного советника Мессии и Царя, но она тотчас отгоняла от себя тщеславные помыслы.

Благоговейно-радостное настроение в доме Симона, вероятно – родственника Вифанийского семейства, росло.

Ученики рассказывали о только что происшедшем в Иерихоне обращении начальника мытарей, Закхея, – о том, как он обещал отдать всем, кого обидел, вчетверо, и о том, что Иисус сказал: «Ныне пришло спасение и дому Закхея»…

Передавали дивные притчи Учителя о многих званных и немногих избранных, о фарисее и мытаре.

Сусанна пила новые неслыханные слова и сравнения по мере великой жажды своей.

Ей хотелось сделать что-нибудь особенное для Иисуса, чтобы показать Ему преданность свою и любовь, и восторженную безграничную веру. Но как показать? Умереть за Него? Только!

Девушка оглядывалась на других присутствовавших, ища в их лицах вдохновения для какого-нибудь особенного поступка.

Но лица все, – кроме одного из учеников Его и еще двух-трех людей, – выражали те же чувства безграничной преданности, как и ее, и глаза их с ответным вопросом глядели на нее.

Сусанна взглянула на Марию.

В эту минуту та встала и проходила мимо возлежавшего Иуды, спеша куда-то. Она, казалось, одна знала, что надо было сделать. Лицо ее светилось вдохновением… И странный контраст с мучительною завистью и неверием, написанными на лице Иуды, представлял ее одухотворенный, девственный светлый лик, промелькнувший над головой единственного ученика из Иудеи.

Через несколько минут, – так же быстро, как вышла, – Мария вернулась.

Все оглянулись.

В руках ее была ваза, вмещавшая фунт нардового чистого драгоценного мира, стоимость которого в те времена за фунт достигала ста рублей.

Подойдя сзади к ногам Иисуса, как некогда блудница, она быстро стала на колени и тут же в избытке религиозного чувства помазала ноги Господа тем драгоценным веществом, которым цари при вступлении на царство дерзали помазывать лишь главы свои…

Весь дом наполнился благоуханием.

Сусанна, прижав руки к груди, смотрела на подругу.

Да! Мария сделала то, что требовала душа у всех, что удовлетворило внутренний запрос у нее, у Сусанны и у присутствовавших… Все было в этом помазании: и восторг, и скорбь из-за Его слов о

чаше, которую Ему придется испить, и обожание, и преданность до смерти, и вера, вера пламенная, безграничная!.. Все вылилось в нем: все мелодии, не могущие вылиться в звуки у других, несмотря на их страстное желание, все благоухание человеческого сердца, возвысившегося хоть на мгновение до понимания Божества.

Отныне не одна блудница, покаявшаяся в своих грехах, могла сказать, что «она много возлюбила!» Чистейшее, то есть в человечестве, в вдохновенном и гениальном порыве высшей поэзии духа – любви к Богу – преклонилось и коснулось ног Иисуса, и весть об этом должна была проникнуть всюду, где суждено было быть проповедану Евангелию!

Через некоторое время, однако, все изменилось. Как это всегда бывает в мире, высшая духовная красота не могла быть понята, оценена всеми, и сама она, как случайный гость земли, коснулась ее и отлетела.

Зависть Иуды и житейский расчет прежде всего спугнули ее.

– Зачем такая ненужная трата? – громко сказал Иуда, и Мария смутилась, а за ней смутились и многие.

Зачем такая расточительность? Сто рублей потрачено за раз. Разве Богу нужны какие-нибудь благовония или духи?.. Разве действительно не лучше было бы отдать эти деньги нищим? Или это было подражание блуднице?.. Мария хотела затмить блудницу?.. Смешаться с ней? Не отстать от нее? Как та, так и она?.. Нового ничего не придумала!.. Но той было в чем каяться, а ей?

И стыд за необдуманный, лишний порывистый поступок охватил ученицу Иисуса и ее друзей.

Но Иисус понял их смущение и на все времена благословил и возвысил драгоценный дар вдохновения Марии и ее неизгладимого стремления к Богу в ее и других глазах.

– Оставьте ее. Она доброе дело для Меня сотворила, – сказал Иисус. – Нищих всегда имеет с собой. Меня не всегда. Она тело Мое приготовила к погребению…

Содрогание пробежало от головы до ног у присутствовавших.

Величайшее вдохновение соприкоснулось со смертью, а через нее с бессмертием и Богом.

XVIII.

Утро 10-го нисана было особенно теплое, живительное. Апрель явно вступал в свои права.

За ночь распустилось множество цветов, и гуще стала молодая зелень деревьев в парке Иродова дворца.

Пилат медленно прогуливался по аллеям этого парка, и его окаймленная пурпуром туника красивым светлым пятном мелькала между деревьями.

Шесть лет тому назад благодаря покровительству начальника преторьянцев Сеяна он был назначен шестым (по преемству) губернатором Иудеи. С тех пор Сеяна не было уже в живых. Не только он, но и вся его семья в угоду императору Тиверию была казнена сенатом, и не только семья, но и все друзья и люди, имевшие с ним какие-нибудь сношения.

Пилат каким-то чудом уцелел. Оттого ли, что он был уже далеко, в Иудее, оттого ли, что воздерживался последние годы от сношений с императорским любимцем, получив от него все, что мог, – неизвестно.

Евреи его не любили, также как и он не любил их.

В этом отношении он был истинным сыном своего отечества. Презрение римлян к иудеям, жизнь, верования, обряды и суеверия которых им были непонятны, чужды и противны, доходило до того, что они уверяли, что у евреев свято то, что у

других народов считается оскорбительным; что евреи поклоняются голове осла, потому что осел во время великого бедствия – недостатка воды в пустыне – указал им источник; что субботу установили праздновать из лености и пр.

Сделавшись губернатором или прокуратором Иудеи, Пилат стал поступать с подчиненными с высокомерным насилием и страшной жестокостью. В первый же год, не считаясь и не желая считаться с фанатизмом обособленного племени. Он приказал ночью тайком перевезти из Кесари в Иерусалим серебряных орлов и другие значки легионов и этим привел в исступленное отчаяние евреев. Они сочли это за осквернение Святого города, в котором мог жить только один Бог – Иегова, тогда как на значках изображались языческие боги или император, причисленный в то время также к римским государственным божествам.

Толпы иерусалимлян бросились в Кесарию и там пять дней и ночей, обступив дворец Пилата, лежа на голой земле, головой в прахе, умоляли его велеть взять обратно ненавистные им идольские изображения, но Пилат не соглашался.

Также напрасно молила его уступить и жена его Клавдия. Для него она давно уже перестала быть тем поэтичным существом, каким была, когда была его невестою.

Он говорил теперь вслед за Катоном, что женщина большое зло на свете и что люди были бы несравненно счастливее, если бы могли обойтись без них.

На шестой день Пилат велел окружить мятежных евреев солдатами и грозился избить их всех поголовно, если они не уйдут, но евреи не тронулись с своих мест, продолжали лежать распростертыми на земле продолжали молить взять из Иерусалима орлы, угрожая в противном случае жалобой Тиверию.

Клавдия была сама не своя.

Увидеть Иерусалим, увидеть его храм. Единый во всем мире, избранный в жилище таинственным и единым истинным Богом – было мечтой почти всей ее жизни. В обход закона она поехала с мужем в Иудею, и вдруг теперь, едва Пилат был утвержден в должности и не побывал еще в Иерусалиме, – из-за его жестокости и упрямства бунт!..

Не зная, чем предотвратить беду, жена прокуратора принесла ему Священное Писание в переводе 70-ти и рассказала историю об иудеях, которых сожгли и избили враги, потому что они не оказывали сопротивления в субботу*.

– Завтра суббота, – добавила Клавдия. – Они не уступят. Ты их перебьешь и сам лишишься прокураторства. Теперь решай.

* I кн. Маккав. II, 33 – 38.

И Пилат сумрачно решил, то есть уступил, но с той поры презрение и ненависть его к иудеям усилились вдвое, если не втрое.

– Эти потомки прокаженных, изгнанных из Египта! – со злобной усмешкой говорил он про своих подчиненных и искренно верил в такое презренное происхождение еврейского народа.

Через год он вздумал выстроить акведуку, то есть водопровод для снабжения водой Иерусалима, страдавшего, как и теперь, недостатком воды. Мысль и цель прокуратора, очевидно. Были благие, но евреи не так посмотрели на них. Они боялись, что водопровод сделает святой город менее способным к обороне. Заволновались, что Пилат велел употребить часть денег из корвана, то есть церковной сокровищницы, на общественные работы, сочли за гнев Божий, что во время этих работ упала Силоамская башня, задавившая 18 человек, – и подняли мятеж.

Пилат пришел в ярость.

Ему, как римлянину, так естественно казалось общественные деньги употребить на общественные же постройки для блага горожан, страны, народа!..

Клавдия теперь тоже не могла заступиться за евреев. Она знала, что такое их вера. Их вожди первосвященники, священники, саддукеи и фарисеи. Знала. Что все Иссахары, Измаилы, Фабии. Хананы и пр., столько же заботятся об Иегове и народе, как Юпитер о римлянах; что имя Иегова существует у них только для острастки черни, для «проклятых в законе невежд»; что у высших классов бог один, – общий всем жрецам всех народов, – мамиона. Знала, что фарисеи надутые спесивцы, весь закон которых в букве…

И римлянка ничего не нашлась сказать в защиту того народа, который прежде казался ей непонятным, теснимым. Угнетаемым…

Пилат выждал два дня, потом велел своим воинам переодеться в иудейские одежды, спрятать под платьем кинжалы и мечи, и когда по его приказу толпа, осаждавшая третий день его дворец, не разошлась, он дал знак, – воины бросились и перерезали множество народа, не различая виновных от невинных.

В 780 год от основания Рима, или 30 г. по Р. Х., отношения между управителем и управляемыми были крайне обостренные.

После двух описанных бунтов было еще два довольно значительных, не считая других мелких, и после одного из значительных мятежей иудеи послали жалобу императору Тиверию.

Император сделал выговор проконсулу и велел ему отменить какое-то сделанное им распоряжение.

Тогда Пилат окончательно отвернулся от своих подчиненных.

Жизнь в Палестине с евреями для обихода, разговора и сношений стала казаться ему изгнанием, пыткой, но отказаться от власти, значения он еще не хотел.

Около этого же времени, то есть вскоре после падения Силоамской башни, Пилат через жену свою впервые услышал о новом еврейском Учителе, Иисусе Назарянине, появившемся в Галилее. Клавдия рассказала ему о поразившем ее самоё ответе Иисуса о Силоамской башне: «Или думаете вы, что те, на которых упала башня и задавила их, были более грешны, чем другие? Нет, говорю вам. Но если не покаетесь, все так погибнете».

В этих словах чувствовалось веяние нового, чистого, высокого Духа…

И с той поры Клавдия Прокула стала интересоваться новым учением.

Десятого нисана (2 апреля) дворец Ирода, называвшийся со времени перехода его в

пользование римского губернатора «Преторией», был, как и всегда во время пребывания в нем правителя, окружен солдатами. Их шлемы, щиты и копья ярким и красивым блеском блестели на солнце. Арабы сидели у ворот, скалили белые зубы на толпу и придавали сказочному великолепию резиденции еще более сказочный отпечаток.

Клавдия Прокула отдыхала у портала под одним из скульптурных портиков, украшавших пространство между башнями Цезаря и Агриппы, кормила ручных голубей и любовалась великолепным видом, открывавшимся на храм, город и окрестности.

Мычание и рев волов, приносимых в жертву на противоположной горе Мориа, изредка доносились до нее, и всякий раз она невольно морщилась, вспоминая виденную ею «гору дома», то есть двор язычников, – единственное место в храме, в которое она могла проникнуть, как язычница, – место, в котором вопреки закону

торговцы продавали волов, овец, голубей, а менялы и ростовщики расположились со своими бесчисленными столами и ларями.

О, что это было за место!

Пар, грязь, нечистота, зловоние, толкотня! Службы священников и пение левитов нечего и думать было слышать или видеть… И все же евреи смели называть этот скотный двор храмом, признавая его притвором, куда язычники должны были и могли приходить, чтобы молиться Богу Единому!..

Вдруг внимание жены проконсула было привлечено каким-то необычайным движением на улицах. Люди бежали по направлению к горе Елеонской, или Масличной. На кровлях домов появлялись женщины, старики, дети, потом тоже сбегавшие вниз…

На зеленых склонах самой горы Елеонской народу было видимо-невидимо. Палатки и шалаши паломников тонули в середине толпы,

окруженные двигавшимися людьми, словно муравьями. Люди срывали ветви деревьев, точно во время праздника Кущей, и с миртами и пальмами бежали дальше на самую вершину горы. На улицах непонятный восторг, казалось, охватывал все сильнее прохожих. Крики их стали смешиваться с песнопениями. Праздничное настроение стало развертываться с каждой минутой все шире, все больше и громче.

Вдруг на Тирапесоне показались фарисеи.

– Чего вы?! Чего вы?! – обращались они к народу направо и налево и качали головами и подымали с презрением и ненавистью руки. Но народ не слушал их. Улицы, ближайшие к горе Елеонской, стали усыпаться миртами, устилались одеждами.

Наверху, то есть на самой вершине Масличной горы, вдруг поднялось облако пыли, скрывшее, очевидно, встречную радостную толпу; потом два человеческих течения слились и, как могучая река, стали опускаться в город, потрясая пальмами и

«лулавами» – символами освобождения – и наполняя воздух ритмическими восклицаниями, напоминающими прибой волн:

– Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядый во имя Господне! Осанна!..

Каждый стих псалма еще рельефнее выделялся, выдвигался, как и во время праздника Кущей, громовым возгласом тысячной толпы.

– Аллелу-ия! (то есть хвала Тебе, Господи) Аллелу-ия!

Сердце жены правителя Иудеи забилось так, как будто один из голубей, которых она только что кормила, влетел в ее грудь.

– Вот это то, о чем они *тогда* говорили! – подумала она и, побледнев, не спуская глаз с двигавшейся процессии, стала ждать: как это все будет.

Пилату она не смела ничего рассказать, боясь его и не доверяя ему, но правитель Иудеи слишком презирал евреев, чтобы обращать внимание на

уличные беспорядки. Башня Антония была ему порукой, что все кончится благополучно. К мятежам ему было не привыкать, а духовный мир жены его нимало не интересовал.

XIX.

Сусанна, как и другие, услышав радостные клики народа, вышла в алию, потом на террасу.

Сердце ее учащенно билось. Накануне, поздно вечером, по окончании субботы, она вернулась в Иерусалим и сразу теперь даже не сообразила, что бы это могло быть. Взглянув по направлению к Масличной горе, она остановилась, как вкопанная. Сердце ее подсказало ей истину. Да, это был Он! Он, как Царь, как Мессия, торжественно вступал в Свой город, и народ, поняв это, готовил Ему царскую встречу…

Вся наследственная, национальная гордость проснулась в ней при этом зрелище. Сердце

наполнилось предвкушением победы. Она почувствовала, что да, она тоже приветствует Его, как единого благословенного Царя земного среди всех властителей мира; почувствовала, что этой-то земной славы, этого земного ореола Ему и не хватало до сего дня даже в ее глазах!.. Но теперь зато все было в Нем: святость, милосердие, кротость и, как венец, – победа, о которой мечтали все. Он являлся теперь Победителем… Иерусалим принимал Его, как Мессию Своего, как обещанного Помазанника, как Христа!

И Сусанна, не сознавая, что говорит громко, повторяла слова псалма: «Се Царь твой грядет кроток и смирен… В эти дни возрадуется земля, и возликуют острова… Народу будет перед Ним, как зерен песка морского»…

Дети, бегущие по улице, подняли головы, взглянули на нее, подхватили ее слова, и голоса их под безоблачным, бездонным небом понеслись

особенно чисто и серебристо-звонко, словно на крыльях хвалы:

– Благословен Грядый во имя Господне! Осанна в вышних! Благословен!...

Он приближался теперь к Царскому мосту, среди народного моря… Теперь был в ста шагах от моста… Ехал Он не на лошади (роскошь, как уже было сказано, редко встречавшаяся тогда в Иерусалиме), а на обыкновенно употреблявшемся для езды в Иудее животном, – на осле, и ничто в Его безоблачно-кротком, непроницаемо-грустном и углубленном в Себя взгляде не говорило о гордыне удовлетворенного Царя и Победителя…

Напротив, за радостью блестящей завесы настоящего Он, казалось, провидел безбрежные волны страдания грядущего.

Но ни Сусанна, ни кто другой не замечали этого. Все были слишком полны впечатлениями переживаемых блаженных минут.

Вдруг девушка опомнилась:

– Что же я-то? Я-то! – чуть не воскликнула она. – Все встречают, а я стою на кровле, как безучастная зрительница!

Бежать на гору за оливковыми или пальмовыми ветвями нечего было и думать. Учитель был близко. В Иерусалиме же, кроме известного «сада роз», воспетого раввинами, не дозволялось законом иметь сады.

Сусанна оглянулась, сорвала две-три лилии, посаженные на террасе, и бросилась вниз к порогу своего дома.

Узкая улица, вымощенная белым мрамором, была заполнена людьми в ярких одеждах и массивных чалмах. В руках все несли мирты, пальмы, цветы.

Картина поражала и трогала своей живописной восточной прелестью.

Все двигались медленно, так как улицы были запружены.

Его ученики вели под уздцы осла.

Победные клики неслись с оглушающей силой…

В толпе говорили:

– Это Он воскресил Лазаря!..

Народ кричал и проталкивался вперед, чтобы лучше видеть Его, быть ближе к Нему:

– Учитель, запрети ученикам Твоим (кричать).

Наступила мгновенная тишина, точно все готовы были повиноваться Его приказанию. Но вот раздался Его голос:

– Если они умолкнут, то камни возопиют.

У фарисея промелькнула злобная судорога на лице. Ему, казалось, припомнили слова пророка Аввакума, обличавшего их в жестокости и алчности:

– Камни из стен возопиют, и перекладины из дерева будут отвечать им.

Народ снова закричал:

– Осанна Сыну Давидову!

Сусанна взглянула на хассидима и на его глазах бросила лилии к ногам пророка из Назарета.

– Больше я Тебе ничего не могу дать, – без слов, восторженно и трепетно говорила она всем существом Учителю. – Но если бы я могла, Ты знаешь, я принесла бы на Твой путь все розы Шарона и все пальмы Эн-Гадди!

……

Торжественное народное шествие продолжалось только до подошвы горы Мориа. Сусанна шла в толпе. Дальше идти с пыльными ногами законом не дозволялось. Потому большинство народа должно было покинуть своего Мессию, чтобы совершить омовение. Иисус же вошел в храм, то есть в первый двор его, или гору дома.

Мозаичного пола его не было видно за грязью. Колоннады были полны гуртами рогатого скота, овец и клетками голубей. Великолепный портик походил на огромный базар. Там сидели менялы, звонко отсчитывали деньги, бранилась и толпилась огромная толпа иноземных

богомольцев, менявших свою монету с языческими изображениями на священные полсикли, необходимые для внесения подати. Менялы-ростовщики требовали 12 процентов за промен, из-за этого отовсюду неслись пререкания.

Иисус оглянулся, увидел алчные глаза менял и торгашей и так же, как три года назад, во время Своей первой Пасхи в Иерусалиме, стал очищать храм.

И странное дело: иродиане и хасидимы, то есть все, что было правящего, высшего, интеллигентного в народе – все это время искали Его, чтобы убить Его, велели народу донести о Нем, если узнают, где Он пребывает… Теперь же Он Сам, так сказать, отдавался в их руки, лишал пасхального дохода первосвященников Анну, Каиафу, Александра и др. И они, в этот удобный момент, имея постоянно стражу под руками, молчали, не брали Его, а только со страшным, подавленным гневом смотрели на Него и на то, как

торгующие и покупающие выводили свой скот из двора, выносили клетки, меняльные столы и лари и располагались на улицах, прилегающих к храму…

Сусанн с народом тоже смотрела на происходившее. Закон *требовал*, чтобы в храме не было никакой продажи, но закон этот давно не соблюдался, хотя многие всем сердцем своим присоединялись к словам Исаии и Иеремии:

«Дом Мой есть дом молитвы, а вы его сделали вертепом разбойников».

Вдруг Сусанна почувствовала чье-то легкое прикосновение к плечу. Она оглянулась. Перед ней стояли две женщины в обыкновенных народных женских плащах.

– Что надо? – спросила Сусанна.

Одна из женщин на мгновение отдернула с своего лица покрывало.

Сусанна взглянула на нее, и улыбка осветила ее лицо.

Перед ней была Клавдия Прокула.

Через несколько времени двор был очищен. Иисус запретил даже проходить через него с сосудами, то есть употреблять его, как простой коридор или прихожую, и стал учить.

Он говорил о пшеничном зерне, которое должно сначала умереть, прежде чем принести плод свой, говорил о Своем пути к славе через унижения, говорил о Своей крестной смерти…

Народ сотнями начал тесниться к Нему и дивиться Его учению. Приходили всевозможные больные. Он исцелял их и на Его возглас: «Отче, прославь имя Твое!» с неба, как бы в громовом весеннем раскате для глухих мира сего, пришел ответ тем, у кого уши имели слышать не одни звуки земных голосов: «И прославил, и паки прославлю!»

В этот день Клавдия Прокула и многие язычники, а также греки, посланные Авгарем, услышали, увидели впервые, что значит служить в духе истины Богу Единому.

XX.

Радость часто бывает мимолетной, и мимолетной она была для уверовавших в Иисуса Назарянина после Его входа в Иерусалим.

Гамалиил с высокомерным неудовольствием присутствовал при этом входе, прогуливаясь по обыкновению со своими учениками в храме под колоннадами. Он видел происшедшее, слышал восторженные клики толпы и ни на одно мгновение не поверил в прочность народного энтузиазма. Он знал изменчивый характер иудейской массы, в особенности жителей провинций, которые составляли большинство, устроившее Иисусу триумфальное шествие. Он видел бессильную злобу священников, подошедших к Иисусу во время изгнания торгующих и спрашивавших Его: «Скажи нам, какою властью Ты это делаешь? И кто Тебе дал

власть эту? И прикажи детям замолчать. Слышишь ли, что они говорят?»

Великий раббан не понимал цели пришествия Иисуса в Иерусалим.

«Или Он не верит в благорасположение друзей Своих, или Он хочет умереть!» – говорил он.

Но и то, и другое предположение наполняло сердце раббана горечью и досадой.

Тучи, видимо, быстро собирались над головой Пророка из Назарета, а Он, казалось, бросал вызов самой грозе!

Оставалась еще одна надежда. Восстанавливая против себя священников, лишая их части пасхального дохода (в день изгнания как раз выбирался пасхальнй агнец и таких агнцев в Иерусалиме закалывалось 260000), Иисус тем самым создавал Себе, так сказать, оплот среди фарисеев и книжников, исконных и непримиримых врагов саддукеев, их материалистического учения и нарушений закона.

Гамалиил надеялся, что именно эти причины послужат поводом для примирения хассидимов с Иисусом, но и эта надежда так же быстро погасла, как и все остальные. Не прошло двух дней после изгнания торгующих из храма, как Назарянин с тем же святым укором и гневом на устах и челе изрек на книжников и фарисеев осьмикратное «горе».

Он не пощадил ни их широких филактерий, ни кистей необычайно величины, ни длинных одежд, ни длинных молитв, и невежественную ученость, ни ханжество, прикрывающее алчность, ни объядение и пьянство, ни всю мерзость их внутреннего запустения!

И не пощадив их, Он в их глазах изрек Сам Себе окончательный херем.

– Торжество и экзальтация этого торжества увлекает, губит Его! – восклицал Гамалиил. – Он забывает всякую осторожность. Слова Его бичуют больнее огненной лозы… Что же? Он надеется, что

энтузиазм толпы защитит Его от возмездия великих мира сего, от смерти? Напрасно!.. Правда, Он говорит и повторяет, что Он пришел «для часа сего», но если бы Он увидел близко этот час позора, крови и неотвратимой смерти, – Его покинуло бы Его теперешнее стоическое спокойствие. Ему мнится, что Он всемогущ, как Бог!..

Ходя взад и вперед по роскошной зале алии, Гамалиил, волнуясь, горячим тоном, хотя с большими расстановками, произносил эти слова.

……

Был вечер первого дня Пасхи. Месяц у евреев был лунный, в 28 – 29 дней, причем через несколько лет наступал високосный год, имевший вместо двенадцати обыкновенных тринадцать месяцев – два адара (марта). Первый вечер Пасхи начинался всегда 14 нисана (апреля), и таким образом Пасха *фиктивно* не была переходной, на

самом же деле она никогда не праздновалась, хотя бы приблизительно, в одно и то же время (считая европейскими, солнечными месяцами), отчего и происходила страшная путаница, тем более, что ее наступление определялось и первым весенним новолунием, и полями, покрытыми новыми колосьями. Пасха праздновалась семь дней, причем только 1-й и последний день были днями отдыха, кроме субботы. Во 2-й день можно было делать все дела, так как 15-го нисана Бог вывел в путь иудеев из Египта, и потому возможно было и судить, и казнить.

Лучи заходящего солнца красным золотом обливали хрустальные чаши, приготовленные на праздничном столе.

Сусанна с трепетом прислушивалась к словам брата, наблюдая за приготовлениями к празднику праздников.

На ней была белая одежда, легко затканная золотыми цветами, и белый вуаль,

придерживаемый на голове тремя жемчужными нитками.

С непередаваемой нежной и изящной заботливостью девушка смотрела за тем, чтобы все приносимое на стол было как можно вкуснее, красивее и «по закону».

На столе стоял уже «афикомен», род хлеба без дрожжей (нынешняя еврейская «маца»), «харозет», смесь различных плодов, вымоченных в уксусе, и «шажидэ», молодой барашек – будущий алтарный дар. На вечерю, как это всегда делалось (и делается евреями до сих пор), Гамалиил позвал несколько близких знакомых и друзей (званых по закону должно было быть не более десяти). Между ними у Гамалиила должны были собраться бедные соседи, а также Никодим и Иосиф Аримафейский.

В большинстве еврейских домов женщины и в этот великий праздник трапезовали отдельно, но Гамалиил требовал, чтобы у него все были вместе. Сусанна удалялась лишь тогда, когда давались

пиры исключительно для хассидимов или для раббанов.

В этот вечер она приготовлялась есть со всеми вместе и с тонким художественным вкусом украшала низкий стол гирляндами красных анемон, переходя с одной стороны на другую со снопом пурпурных цветов в руках.

Гамалиил между тем продолжал высказывать свои мысли и чувства.

– Но как Он был велик! – говорил он с невольным восхищением.

– Какое в Нем захватывающее, всепокоряющее красноречие! Если бы ты слышала, как произносимые Им обличения и сравнения легко и свободно слетали с Его уст! «Вы платите десятину с мяты, аписа и тмина и оставляете справедливость, милость, веру…» Что за удивительные, богатейшие сопоставления! Что за горькая ирония: бесконечно малые величины, ничтожнейшие крупицы закона и с другой

стороны вечные, непреложные требования закона, который дан человеку в совести его до скончания веков! А это: «Горе вам, что строите гробницы пророкам и украшаете памятниками праведников; и говорите: если бы мы были в дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в *пролитии* крови пророков. Змеи, порождения ехидны! Дополняете же меру отцов ваших!..» Слышишь ты, что за великий вызов, что за бестрепетное отношение к смерти!.. И все эти слова, как град, как каменный дождь падали на священную корпорацию, к которой принадлежу я… И вот я, слыша все эти горькие и слишком искренние правды, я хотел бы возмутиться против Иисуса, должен был бы возмутиться против Него!.. А вместо того сердце мое наполнялось восторгом, я чувствовал необычайную приподнятость, я преклонялся перед величием Его девственной души, не знающей сделок с человеческим лицемерием, низостью, пошлостью и подлостью. Он, как

чистейший пламень, как огонь на Синае, извлекал истины, живущие в человеческой совести, – и бросал их на наши головы… Да, Он недостаточно еще пожил на свете, чтобы приобрести снисходительность, созидаемую в нас житейской усталостью и презрением ко всему. Всех не переделаешь, и не только всех, но никого не переделаешь!.. Он слишком молод!.. Слишком… А между тем, пока я слушал Его, я несколько раз спрашивал себя: да молод ли Он? Он слишком высок для молодости… Непостижимо, недосягаемо высок!.. И вся душа моя взывала к Нему: продолжай, Учитель! Ибо в эти минуты Ты пишешь величайшие страницы еврейской истории. Никогда человек не говорил так, как Ты! Ангел, явившийся Исаии, должно быть, коснулся раскаленным углем Твоих уст!.. И одновременно сердце мое сжималось от страха за Него и жалости к Нему, и мне хотелось крикнуть Ему: «О, Сын мой, замолчи! Ведь они убьют Тебя!..»

Тяжело дыша, Сусанна слушала брата.

С утра ее томили тоска и предчувствие неминуемого бедствия. В ушах, неизвестно почему, звенели похоронные флейты.

В эту минуту вошел один из гостей, Иосиф Аримафейский.

– Мир тебе, равви! – обратился он к Гамалиилу. – На этот вечер по крайней мере будь спокоен. Иисус в Иерусалиме и будет совершать Пасху у человека, Ему преданного… Ученики Петр и Иоанн приготовили Ему все необходимое по закону. Горница предоставлена Ему. Она устлана и убрана… В доме этом Он в безопасности, да и никто из врагов Его не знает, где Он совершает Пасху. Все думают, что в Вифании, как числящейся по толкованию в пределах Иерусалимских.

У Сусанны отлегло от сердца. Радушно и приветливо пошла она навстречу бедным приглашенным, входившим в роскошную залу, и ласково усадила их на ложи вокруг стола.

Гамалиил облобызал мужчин. В этот вечер он с особенным проникновением совершал все старинные обрядовые постановления гостеприимства. Слова Иисуса: «Если творите милостыню, все будет чистым для вас…» не покидали его сознания, – и в этот вечер он действительно казался священнослужителем домашнего очага и его хранителем: спокойная величавость исходила от него.

Благословение чаш совершилось после омовения рук.

Разделили горькие травы, положенные на пресном хлебе.

Гамалиил омочил пучок травы в «харосет» (приготовленный их фиников, изюма и уксуса), благословил его, съел и раздал такие же пучки всем присутствующим.

Никодима все еще не было.

Наступила минута, когда младший из присутствовавших должен был спросить по обычаю: что означают эти обряды?

Маленький Панкратий, покраснев, смущенно, но внятно проговорил требуемые ритуалом слова.

Гамалиил поднял каждое блюдо и дал положенные законом объяснения.

Он указал на травы, – горькие, как горечь порабощения и рабства; на хлеб, изготовленный в страхе и тайно от покорителей, потому без дрожжей, хлеб изгнания и печали, тяжелый и вредный для пищеварения и здоровья; указал на красный цвет харосета – символ смеси извести песку и воды, из которой Израиль в долгие годы египетского пленения строил постройки в городах Рамзеса и Фитоме; наконец взял в руки и поднял пасхального агнца, испеченного на двух крестообразно сложенных прутиках гранатового дерева, – агнца, долженствовавшего умилостивить гнев Божий.

Лицо Гамалиила стало очень серьезным. Он пространно объяснил закон искупления, выкуп грешных людей Праведным, объяснил, что агнец этот только пророческий образ. Привел слова Исаии о Мессии:

– Как агнец, Я молчал и не отверз уст Моих.

Красноватый солнечный отблеск в узких окнах в это время перешел в кровавый оттенок.

Гамалиил остановился, умолк и закрыл глаза.

С ним это теперь часто случалось.

Сусанна смотрела на него.

Иосиф Аримафейский прошептал: «Учитель теперь тоже совершает Пасху».

Все благоговейно промолчали, но маленький Панкратий вдруг громко сказал:

– Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядый во имя Господне!

Все переглянулись и тотчас запели первую часть великой аллилуии:

– Славьте Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его (Пс. CVI).

По закону Пасха, или бдение Господу, должна была продолжаться всю ночь, то есть покуда агнец не будет весь съден (не оставляйте его до утра, – говорил Моисей), а потому и в доме Гамалиила она затянулась до глубокой ночи.

Часы шли за часами. После четвертой благословенной чаши вина, которая передавалась из рук в руки и от которой все должны были отпить, запели славословие псалма:

– Дом Израилев! Уповай на Господа: Он наша помощь и щит (Пс. CXIII)!

После славословия Сусанна попросила позволения встать и удалилась. Ее примеру последовало сирийское семейство и соседи.

Гамалиил остался вдвоем с Иосифом.

Вдруг оба они вздрогнули. Кто-то тихо и таинственно стукнул во входную дверь… Раз, два…

Через несколько минут Никодим смертельно бледный вбежал в алию и упал на лежанку.

– Иисус взят! – проговорил он.

Он едва мог выговорить слово.

– Стража повела Его к Ханану и Каиафе. Все кончено.

Гробовое молчание воцарилось в горнице. Потом Гамалиил лихорадочно заговорил:

– Суд, конечно, сегодня ночью? Да?

– Да. Они созвали большинство членов синедриона. Из уважения к тебе, они говорят, не хотят тревожить тебя в эту великую ночь!

– Ну, конечно! – с горечью перебил Гамалиил. – Лицемеры, предатели! Они не доверяют мне!.. И правы, что не доверяют!..

– Где они схватили Его? Неужели в доме, где Он совершал Пасху? – гневно воскликнул Иосиф Аримафейский. – Они не смели взять Его в доме. Дом по закону – святыня.

– Они схватили Его в селе Гефсимании, то есть в ее оливковом саду, – прервал Никодим, ломая руки. – В Гефсимании, куда, как они знали, Он часто ходил молиться. Иуда из городка Кариота, Его же ученик и друг, предал Его, как предал Давида ближайший друг его… Я издали, с террасы, нечаянно увидел, как кто-то шел с сборным отрядом из слух Ханаана, стражи и частью гарнизона с башни Антония с тысяченачальником во главе… Воины были вооружены мечами, у слуг в руках были дреколья и факелы. О, что это было за шествие! – хватаясь за голову, простонал Никодим. – Что за шествие! Меня как меч пронзил. Я подумал: не за Иисусом ли?.. Я издали последовал за солдатами. Потом я увидел, что пошли и многие другие: священники, старейшины и начальники храмовой стражи… Ах!.. И как Иисус встретил их, – Сам вышел к ним… вместо того, чтобы укрыться в темноте и чаще деревьев!.. А это можно было

сделать. Что у Него было за лицо, что за глаза, полные скорби и такой благости… такой!..

Никодим не мог продолжать.

– Теперь все кончено! – через мгновение добавил он сквозь слезы шепотом.

Раббаны молчали. На лица их легла смертная тень.

– Бог так судил! – выговорил наконец Гамалиил не своим голосом. – А Бог – Судья праведный. Христа Своего Он не отдал бы в руки злых! Сей человек заблуждался. Его мечты были слишком прекрасны… Пойдите в суд, – перебил он сам себя, – узнайте, возможно ли еще что сделать для спасения Его. Если есть хоть какая-нибудь надежда, призовите меня…

Иосиф Аримафейский и Никодим спустились вниз, вышли из двери, и темная ночь поглотила их.

Гамалиил поглядел им вслед, запер дверь и медленными шагами направился к комнате Сусанны.

Казалось, он постарел на десять лет. Нерешительно остановился он у порога комнаты сестры.

С поразительной ясностью мозг его вдруг представил ему первую встречу Сусанны с Учителем, вечер на террасе в Кафаргаламе, ее жажду нового светлого учения… Иоадая… Да!.. Все это был мираж!.. Сон. И вот теперь действительность!..

Постояв у двери комнаты девушки, великий раббан почувствовал, что он не в силах рассказать ей о случившемся. Он прислушался к ее быстрому, прерывистому дыханию. Она точно давно предчувствовала грядущие бедствия и раньше еще, как голубь в скале, искала приюта, крова, спасения в сильном учении Иисуса. Теперь что ж? Удар, сокрушающий скалу, раздавит и голубицу!

Гамалиил поднял руки с отчаянным внутренним воплем: «Господи, молю Тебя! Сжалься над слугой Твоим! Если возможно, спаси Его!»

XXI.

Рано утром на следующий день проснулась Сусанна. Встав, она с удивлением узнала, что Гамалиил вышел из дома еще до рассвета и до сих пор не возвращался. Удивление девушки скоро переросло в беспокойство. Она стала расспрашивать прислугу, требуя от нее правды, но вся прислуга, точно сговорившись, отвечала одно: раббан просил ее не беспокоиться; его вызвали по спешному делу. Он просил ее не выходить из дома до его возвращения.

Тяжелое предчувствие охватило Сусанну, но некоторое время, повинуясь желанию брата, она заставляла себя дожидаться его дома. Потом не вытерпев, накинула темный плащ, покрылась им с

головой и, почти не отдавая отчета, как это произошло, очутилась на улице.

Синагоги были еще заперты, но по случаю Пасхи ворота храма всю ночь оставались открытыми. По обычаю, в праздничные, пасхальные дни редко «восходили» в храм для одной молитвы, без жертвы, но Сусанна инстинктивно бросилась теперь в храм, ища помощи и укрепления в святом доме, где витала тень Иеговы.

Шел первый час, то есть было около шести часов утра. Небо было серое, покрытое лохматыми тучами, низко носившимися над землею, и близость этих туч придавала пробуждающемуся городу печальный, мрачный вид. Редкие прохожие медленно поднимались по горе Мориа. Сусанна пересекла огромный двор язычников, – очищенный Иисусом от базара, – потом прошла двором женщин и подошла к решетке, отделявшей от народа давно уже пустое Святое Святых, в котором некогда хранились материальные

доказательства союза Бога с Израилем: скрижали с заповедями, святой кивот, жезл Аарона и пр. Став перед неосом, девушка попробовала молиться, постаралась припомнить слова «Шэмы», утренней молитвы, которую надо было по предписанию произносить в первом часу… Но слова не шли ей на ум, мысли путались, голова горела. Как она ни старалась, она могла только выговорить несколько раз: «Господи, не отврати лица Твоего от меня… Господи, не отврати!..»

Глаза ее искали какого-нибудь знакомого лица, но никого не было. Храм был страшно, неприятно пуст.

Вдруг раздались неясные вопли, и через мгновение страшная, растерзанная фигура появилась из Лашкат-Гаггазита, то есть Вымощенной Палаты, где заседал один из комитетов синедриона. (Их было три, по 13 членов в каждом). Сусанна обернулась и испуганно уставилась на фигуру. В памяти ее мелькало какое-

то неясное воспоминание. Где-то раньше она видела уже этого человека. Но где?..

Между тем человек приближался. Волосы у него были растрепаны, одежда изорвана. Выйдя из Лашкат-Гаггазита, он шел по храму, видимо, без цели, шатаясь, с безумным выражением в глазах и все время что-то бормотал. Сусанна заледенела. Когда он поравнялся с ней и прошел мимо, не заметив ее, она расслышала его слова: «Согрешил, согрешил я!.. Слишком великим грехом согрешил!..»

И подняв руки, он стал вытирать губы, точно хотел сорвать с них что-то мучительно приставшее к ним, жегшее их.

Потом, все так же шатаясь, он обошел храм, дошел до выхода, вдруг круто повернул, и, подбежав к решетке двора Израилева, где стояли два священника, и, обратившись лицом к алтарю, с громкими проклятиями бросил на землю горсть денег. С громким звоном монеты раскатились по

мраморному полу, но звон их заглушен был раздирательным воплем человека: «Цена крови!.. Крови!..»

Он остановился, точно что-то изо всей силы припоминая, стараясь, как мелодию, уловить какую-то интонацию и вдруг проговорил с удивительной мягкостью в голосе: «Иуда!.. Ты предаешь Сына Человеческого поцелуем!.. Поцелуем предаешь!..» И новый припадок безумного отчаяния охватил его, казалось, именно от уловленной интонации.

Он дико вскрикнул: «шалом алека, Рабби!» (мир Тебе, Учитель), захлебнулся рыданиями, перешедшими в хохот, порывисто дошел до выхода и исчез в сером туманном утре ненастного дня.

Остальные священники высунули головы, потом вышли из Лашкат-Гаггазита и, переговариваясь и пожимая плечами, стали подбирать рассыпанные монеты.

Сусанна стояла молча. Ужас все сильнее леденил ее сердце.

Что-то, какое-то неясное, тяжелое воспоминание прояснилось в ее мозгу: да, этот сумасшедший – это был Иуда из города Кариота… Его ученик… он, значит, предал своего Учителя.

Картина из Вифании, когда Мария пожертвовала драгоценным миром для ног Господа и Иуда упрекнул ее в расточительности, – мелькнула перед девушкой.

Да, и тогда он к этому готовился. И тогда!..

Сусанна покачнулась. Казалось, еще минута, и она упадет, но через минуту, наоборот, она мужественно поборола охватившую ее дрожь и головокружение.

– Где Иисус? В руках священников? Где Гамалиил? – стучало у нее в мозгу. – Вот отчего он вышел ночью и еще до сих пор не возвращался домой, – думала она про брата. – Он ушел, чтобы узнать, что с Иисусом. Но отчего он меня не

предупредил?.. И что случилось, что могло случиться со вчерашнего дня, то есть с сегодняшней ночи?

С этими мыслями, еле держась на ногах, не глядя ни на кого из встречных, Сусанна тихо вышла из храма и остановилась.

Народ проходил теперь в одиночку и группами, направляясь с Мориа к Тирапеону. На Царском мосту видна была уже целая толпа. Все торопливо шли в одну сторону: к Иродову дворцу. В толпе заметно было по одежде много священников. Они смеялись, громко окликали друг друга, кивали друг другу, точно собирались на какое-то веселое зрелище.

До девушки долетали отрывистые слова, с которыми они громко обращались к народу:

– Этот Человек всех обманывал. Мы Его вовремя схватили!.. Его дьявольские чудеса увлекали простодушных!.. Римская подозрительность так

быстро бьет тревогу!.. Что было бы, если бы мы не вступились?.. Большой опасности избежали мы!..

Некоторые из толпы в ответ на эти слова одобрительно наклоняли головы. Другие, видимо страшно взволнованные, молча шли вперед.

Сусанна пошла за толпой.

«Они верно идут туда, где Иисус», – думала она и шла, стараясь очнуться от своего состояния, и не могла.

Никто не обращал на нее внимания. В ушах ее, когда она была на мосту, зазвенело:

– Осанна в вышних! Благословен Грядый во имя Господне!..

«Неужели эти клики раздавались на этом самом мосту четыре дня тому назад? Только четыре дня тому назад?.. Или это было давно?..» – подумала девушка.

Откуда-то издали несся минутами гул, не то яростный шум волн, не то яростные, слившиеся

голоса множества людей. Но слов еще нельзя было расслышать, разобрать.

Вот и дворец Ирода, или претория… Народа, солдат возле него видимо-невидимо. Толкотня, давка, искаженные ненавистью лица.

Сусанна на мгновение остановилась. Все дно Иерусалима, казалось, было тут и дальше на площади перед Гаввафой, или каменным помостом, вроде балкона. Гуртовщики, продавцы волов и овец, изгнанные из храма, их помощники, рабочие, ростовщики, менялы и между ними вожди народные, князья Фабии, Кантеросы, Иссахар, Александр Хананов, книжники, фарисеи; и у всех одно выражение на лице: сатанинская злоба.

Подхваченная в эту минуту толпой, чуть не сбитая с ног, Сусанна почувствовала, что ее, как море песчинку, несет куда-то народный прибой, и очнулась у первых рядов колонн, окружавших римские здания. Инстинктивно, чтобы не разбиться о стену, она удержалась за выступ и

через минуту стояла за одной из колонн, в безопасном углу, помятая, чуть не задохнувшаяся, но слишком взволнованная для испуга.

Перед ней вырисовывалась римская крепость, словно ощетинившаяся множеством башен, казармы и помещение самого прокуратора. Дворец с этой стороны казался мрачным, угрюмым, замкнутым в грозном молчании.

Крики толпы между тем вновь начались, смелые, оглушительные, как громовые раскаты: «Распни! Распни Его!»

Какие-то женщины, верно жены продавцов и менял, в прославленной низости восточных рабынь хохотали и тоже кричали тонкими, отвратительными голосами: «Распни Его!»

Ханан и Каиафа смотрели на них с нескрываемым одобрением.

Каиафа то и дело подзывал к себе разных людей и рассылал их во все стороны. И когда они подходили к какой-нибудь кучке людей, оттуда

мгновенно поднимались удвоенные крики, требовавшие смерти.

Бледнее полотна Сусанна стояла, смотрела и слушала.

«Бог покинул нас», – думала она.

Вдруг неожиданно открылась одна из многочисленных больших дверей, выходивших на Гаввафу.

Рев толпы на мгновение стих, и снова раздался, яростный, безумный.

Пилат вышел один на балкон и подошел к перилам.

Он был небольшого роста, с темными глазами и волосами. Голова его была острижена в кружок по римской моде. На плечах накинута тога, окаймленная пурпуром.

С нескрываемым презрением, подойдя к решетке, он остановился, как вкопанный, и окинул толпу, – которая бушевала у его ног и

разыгрывала, как по нотам, что-то вроде мятежа, – усталым, скучающим, уничтожающим взглядом.

Толпа вторично умолкла.

Через мгновение Пилат заговорил жестким голосом:

– Я прикажу вывести Его вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины.

Он не сказал, Кого вывести, но не было надобности называть по имени Того, кого они предали.

Борьба между римлянином с его римской справедливостью, с его просвещением, с теми чувствами, которые вложены были в него Пифагором, Платоном, Цицероном и другими философами, об учении которых и он, и все в Риме слышали в те времена, – эта борьба между ним и разнузданным еврейским зверем, которого он презирал и как римлянин, и как правитель, – велась уже давно, в течение нескольких часов.

Он полуотвернулся от черни и священников, ревевших:

– Он обманщик, лжец, возмущает народ!..

И взглянул на дверь.

Сусанна прошептала:

– Боже мой, Боже мой! Избавь меня от часа сего!..

Пилат сделал знак. Сзади прокуратора послышались торопливые, тяжелые шаги ликторов, и Иисус вышел один на каменный помост под серединную арку.

Иисус! Неужели это был Иисус?..

Страдания и издевательства, через которые Он прошел ночью в палатах, дворе и караульне первосвященников, оставили на Его лице страшные, обезображивающие следы. Но все же можно было узнать Его, кроткого Пророка… хотя все тело Его изредка вздрагивало от ночного бичевания и палочных ударов.

Бичевали обыкновенно кожаными плетьми, у которых концы были налиты свинцом, и иногда преднамеренно удары наносились по лицу и глазам.

Каждый шаг Его оставлял кровавый след на мраморе помоста. Кровь текла по лицу. На шее висела веревка. Руки были скручены и связаны, как у злодея или разбойника. И все же, все же, – сквозь этот покров царапин, ударов, следов заушений – такое величие святого спокойствия, такая божественная духовная высота и красота исходили от Него, что Пилат с невольным страхом и благоговением взглянул на Него и замер.

Сусанна тоже взглянула на Него и не смогла больше отвести от Него глаз.

С этой минуты, по выражению древней поговорки, Бог медленно стал открывать глаза в ее душе.

Она не спрашивала себя, как раньше спрашивала: если Он – Мессия, как могли они

схватить Его и судить Его? Она только вглядывалась в Его взгляд по-прежнему неизмеримой глубины, неизмеримой тоски, жалости к ним и любви и, не замечая струившихся по ее лицу слез, шептала: «Отчего не просветишь Ты их светом, Учитель благий?.. Ты, отверзший очи слепому!.. Отчего не поразишь Ты их громом?.. Ты, говоривший с громом и воскресивший Лазаря? Отчего не дашь знамения, чтобы они видели, что Господь не оставил Тебя?.. О, все, все, только не эта позорная смерть, под насмешками вот этой черни…»

Крики снова усилились. Послышались слова:

– Возмущает народ по всей Иудее и Галилее!..

Иисус на миг закрыл глаза, потом вновь раскрыл их и обвел ими всех стоявших внизу, весь видный Ему Иерусалим.

Что-то, как завеса, разорвалось в сознании и душе Сусанны.

Во взгляде замученных глаз Его сиял свет такого богоподобного достоинства, что колени у нее, как и у многих, задрожали… Девушка упала ниц, и впервые слова безграничной, человеческой ответной любви и понимания Высшего и Божественного сорвались с ее уст:

– Учитель мой! Учитель!.. Господь мой теперь больше, чем всегда!..

Через минуту все для Сусанны застлалось туманом…

XXII.

Когда Сусанна очнулась от обморока, она увидала возле себя Клавдию Прокулу и ее служанку. На жене прокуратора лица не было, но она бережно и любовно приводила в чувство еврейскую девушку.

Сусанна с минуту глядела на незнакомую комнату, в которой лежала, и на все окружающее

дикими глазами, потом сознание мгновенно вернулось к ней.

– Кончено? – вопросительно прошептала она. – Прокуратор согласился предать Его им?

Клавдия ничего не ответила, только отвела от Сусанны глаза.

Сусанна приподнялась на ложе и села. Глаза ее были страшно раскрыты, губы белы.

– Который теперь час?

– Скоро шестой, – ответила одна из служанок.

– Шестой? – точно не соображая, повторила Сусанна. – Его уже распяли?

Снова никто не ответил.

– Где, в каком месте? – продолжала девушка.

– На Лобном, где всегда распинают, на Голгофе, – отозвалась Клавдия и тотчас мягко прибавила:

– Но ты теперь не думай об этом, думай лучше о том, что у Него была лучезарная душа и что Он скоро теперь воссядет на лоне Авраама, где ваш Бог утрет Ему се слезы.

Сусанна точно не слышала слов римлянки и встала.

– Ты куда? – остановила ее Клавдия.

– Я? На Голгофу, – отвечала Сусанна. – К Иисусу. Я должна увидеть Его перед смертью. Я дала обет следовать за Ним и посвятить Ему себя до конца моего.

И девушка, не простившись, вышла из комнаты жены прокуратора.

Та взглянула ей вслед и приказала одной из служанок сопровождать ее.

У Царского моста Сусанну остановил Гамалиил.

– Пойдем домой, – сказал ей раббан. – Ты не сможешь присутствовать при распятии. Я был там. Это ужаснейшее зрелище. Кроме того, на Голгофе теперь все дно Иерусалима. Ты подвергнешь себя и опасностям, и оскорблениям.

Сусанна подняла на брата глаза.

– Я пойду туда, – тихо выговорила она, – если мне путь усыпят горящими угольями… Но ты,

брат, туда не иди. Нет, нет… Я хочу быть одна… Я не могу слышать даже твоего голоса… Не удерживай меня! Пусти меня… Будет лучше, если я пойду… Пусти!..

Народ, проходя, озирался на Гамалиила.

Он со страхом взглянул на сестру, понял ее состояние и дал ей дорогу, но, заметив через некоторое время идущего по улице ученика своего, стал просить его догнать девушку и сопровождать ее.

– Боже мой, Боже мой! – взывал он, возвращаясь домой. – Как было во дни оны, так и теперь!.. Праведники всегда кончают казнью… Боже мой!..

Как ученый и отчасти врач (еврейские раббаны всегда изучали медицину), он знал, что за страдания предстояли распятым. Знал, что артерии у них, в особенности в голове и желудке, будут страшно надуваться и напрягаться от переполнения кровью; что раны, разрывающие руки и ноги под тяжестью тела, будут заражаться

антоновым огнем; что воспаленные вены и разодранные жилы будут подергиваться от непрестанной боли; что будут и судороги, и головокружения, и, может быть, столбняк, и кроме того, мучительнейшая жажда.

– Как перенесет она вид этих мучений? – думал он про сестру и содрогался от ужаса, вспоминая, как часто распятые со слезами яростного отчаяния плевали на проходивший народ, бранились, богохульствовали, другие умоляли, чтобы над ними сжалились, указывали на свои страшные язвы и просили положить конец их нестерпимым страданиям.

– Что она услышит? В каком состоянии вернется с Голгофы?

Войдя в дом, раббан стал читать Экклезиаст Соломона, но скоро должен был оставить свиток. Был полдень, а в городе становилось все темнее и темнее, и вдруг полная тьма окутала Иерусалим.

Гамалиил опустился на колени, и трепетное чувство объяло его.

Сусанна между тем то бежала, то с трудом, медленно и часто останавливаясь от порывистого ветра, выйдя из городских ворот, приближалась к Лобному месту.

Многие возвращались уже оттуда, – кто с безумным страхом в лице, кто с благоговением, но все в предчувствии неизмеримого бедствия.

Небо все темнело. Ураган усиливался. Тучи песка крутились и поднимались в воздухе.

Когда девушка приблизилась наконец к Лобному месту, оно было запружено народом. Казалось, весь Иерусалим был тут. Все: и богатые, и знатные, и ученые, и бедные, и неученые, и подонки городского населения – все были здесь.

– Боже, дай мне сил! – мысленно воззвала Сусанна и остановилась, задержанная, чуть не задавленная какими-то нарядными саддукеями, убегавшими с искаженными от страха лицами. Она

подняла глаза: перед ней на темном фоне неба возвышался водруженный крест, и на нем вознесенный Сын Человеческий.

Вопль отчаяния вырвался у Сусанны. Весь ужас происшедшего только теперь со всей реальностью бичующего душу факта предстал перед ней. До этой минуты она не могла вообразить себе всех подробностей распятия, несмотря на инстинктивный страх перед словом: «Римская казнь».

Тело Иисуса, изуродованное последним бичеванием, выделялось на древе своим обескровленным цветом. По лицу, из-под волос, из ран от тернового венца и по всему телу текла кровь. Из страшных, огромных воспаленных ран на ладонях рук и на ступнях ног капала кровь на землю…

Ломая руки, Сусанна приблизилась, насколько возможно было, к кресту и подняла еще выше свои глаза к Его глазам.

Тьма была великая, но она все же старалась разглядеть Его лицо, Его взгляд, и она вдруг разглядела его.

Затемняемый лившейся со лба кровью и скоплявшимися от физических страданий слезами взгляд Его по-прежнему сиял безбрежным милосердием и всепрощением.

На голгофе между тем топот толпы, шум голосов и общая возбужденность и панический страх росли, и вместе с тем, по мере того, как проходили минуты и часы и инстинктивно ожидавшееся каждым возмездие не наступало, росли и атеизм, и материализм и принимали чудовищные размеры. Люди точно старались вызвать на суд с собой Бога и глумились над Ним и идеей о Нем в дикой бессильной надежде хоть этим заставить Его проявить Себя.

В отвратительной группе, в которой столпились Хананы, Кантеросы, Фабии и другие саддукеи, слышались переговоры.

– Вот, вот! Вот вам доказательство Бога Живого, – шептал со скверной улыбкой Иссахар. – Вот Бог Авраама, Исаака, Иакова, Бог не мертвых, а живых, как Он нам поучительно ответил.

– Других спасал, а себя спасти не может, – возвышал Иссахар голос, чтоб слышал народ.

– Какой Бог! – подмигивая, говорил Александр Хананов. – Бог Авраама, великого ученого и врача, который, как завет с Творцом, установил чисто врачебную меру – обрезание и без этой меры не позволял совершать *религиозный* обряд Пасхи…

И Александр Хананов извивался от сдерживаемого хохота. «Сойди с креста и уверуем в Тебя» – кричал он, обращаясь к Распятому.

– Да ведь Он называл Себя не Сыном Авраама, а Сыном поэта Давида, – глумился Фабий. – Это мы, саддукеи – сыновья ученого Авраама, а Он про себя сказал: Я – Сын Божий. Пусть же теперь Бог избавит Его, если Он угоден Ему.

Сусанна, услышав последние слова, повернулась к группе иродиан.

– Отчего Ты не покараешь их? Не ниспошлешь на них молнию, которая убила бы их! – думала она.

Перед ней почти вплотную стояла Матерь Иисуса. Отведя глаза от саддукеев, девушка тотчас узнала Ее.

Каждое страдание Ее Сына отражалось на Ее лице, залитом слезами. Беспомощно сжав руки, подняв голову, Она молча глядела, как Он, возлюбленный непорочный Сын Ее, медленно умирал в страшной агонии, и Она не только не могла облегчить Ему этой агонии, но не могла даже прижать Его окровавленного чела к сердцу Своему, не могла остановить ни одной насмешки, ни одного поругания, которые человеческая и священническая злоба придумывали для Него, как для беспомощнейшего раба.

Сусанна вгляделась в лицо Матери Бога и поняла, отчего Она молчит, поняла, что душа Ее

без слов беседует с Ним и беседа эта с каждым мгновением углубляет их взаимную любовь и понимание.

И в душе самой девушки наступила странная тишина.

У креста сидели солдаты, совершавшие казнь, то есть прикреплявшие тело Праведного огромными гвоздями к дереву, и стоял сотник. Одного из солдат, по имени Элиоза, знала Сусанна, так как он был еврейской веры, хотя родом из Грузии.

Когда девушка приблизилась к кресту, он с тупым и довольным видом, сидя, разглядывал доставшийся ему по жребию «кетонет», или хитон, без шва, то есть сорочку, вытканную руками Богоматери. Остальные солдаты пили солдатский напиток «поска» – смесь воды, уксуса и яиц, ели и играли в кости.

Элиоз поклонился Сусанне, но она не заметила его. В душе ее прорастало посеянное на Курн-

Эддине семя, упавшее на добрую землю, но росток его еще не показался на поверхности.

А тьма становилась все гуще, и вдруг стало совсем темно, заколебалась почва, и в эту минуту раздался голос:

– Илѝ, Илѝ! Лама савахфани!

– Илию зовет, – донесся как бы в ответ из мрака голос Каиафы, звучащий злобной насмешкой.

– Посмотрим, как поможет Ему Илия!

Но Сусанна, жившая не раз в Галилее, понимала по-арамейски, или сиро-халдейски, и знала, к Кому воззвал Господь.

Снова наступила тишина, и только около девятого часа вновь послышался голос:

«Жажду». Затем громкий вскрик, когда у распятых разрывались сосуды сердца, таинственное слово «свершилось», указывавшее, что чаша допита до дна, и затем – молчание земных уст навсегда!..

XXIII.

Когда спешное погребение было окончено и тело Иисуса снято с креста; когда сотник, по преданию Логгин, пронзил его мечом, чтобы удостовериться в наступившей смерти; когда Иосиф Аримафейский принес «синдон», или плащаницу, одновременно с разрешением Пилата взять тело и Никодим принес состав из смирны и алоя; только тогда, когда обвили тело Христа плащаницей со стами литрами благовоний, как при царском погребении, и отнесли тело в сад, принадлежавший Иосифу Аримафейскому, – только тогда вернулась Сусанна домой в сопровождении Варнавы и Соломона.

Все было кончено. Все!.. Это чувствовали и Варнава, и Соломон, и Никодим бен Горион, и Иосиф, хоронивший Его, и Иоанн, любимый ученик Его, и Мария из Магдалы, и Гамалиил, и даже

маленький Панкратий, встретивший слезами Сусанну в ее доме.

На душе у всех было пусто, скорбно, тесно. А жалость, и безграничная преданность Ему, и любовь, казалось, удесятерились, и гложущая тоска, отчаяние, и упреки совести охватили всех: как было допустить Его до этого? Как было не уберечь?

Сусанна все время видела перед глазами Его истерзанное и все же словно преображенное духом тело, когда Его покрывали плащаницей, обвертывали сверх ее по рукам и ногам пеленами и завязывали голову с лицом платком. То видела страшные, совершенно отличные от Его тела – тела Дисмы и Гестаза*, разбойников, с перебитыми голенями лежащих на земле, снятых со креста по закону, но оставленных на съедение псам и шакалам по обычаю.

* Арабск. Евангелие, гл. XXIII.

Гамалиил встретил сестру молча, провел ее до ее комнаты и не только не настаивал на том, чтобы она совершила повторный пасхальный обряд, как требуется по правилам, но сам заставил ее лечь и просил ни о чем не думать.

Вся суббота прошла в тишине и удручении.

На Сусанну минутами находило отчаяние, близкое к потере сознания, потом судорожные, страшные рыдания.

У саддукеев между тем шумно праздновали возвращение из тюрьмы сына знатного отца (Вар-Авва), первое имя которого было тоже Иисус, и продолжали глумиться над казненным теперь «Сыном плотника» Христом.

В Асмонейском замке, у Ирода, также шел пир, на котором должен был присутствовать Хуза и выносить насмешки, как веровавший в мессианство Иисуса Назарянина.

По окончании субботы все сошлись у Иссахара и тут вспомнили, что Назарянин говорил о Своем воскресении на третий день.

– Разумеется, ученики Его украдут тело Его и потом скажут, что Он воскрес! – говорил Иссахар. – Уж вы позаботьтесь, чтобы этого не могло случиться! А то ведь это будет горше первого! – обращался он к Ханаану и подтрунивал по обыкновению надо всем и всеми, приводя в бешенство старого первосвященника.

Часу в седьмом вечера (суббота кончалась в шесть часов) саддукеи отправились во всем составе к Пилату просить его дать стражу для охранения склепа в саду Иосифа.

Но Пилат ответил им высокомерным отказом. У них была своя, и вдобавок достаточная, стража. Совесть мучила его, рыдания и отчаяние Клавдии Прокулы действовали на него удручающе, перед глазами стоял кроткий, богоподобный лик Осужденного, и звучали Его слова:

– Ты не имел бы никакой власти надо Мною…

Саддукеи пошли и поставили свою храмовую стражу, взяв сотника из башни Антония, того самого Логгина, который не пожалел истерзанного тела Христа и пронзил его копьем.

XXIV.

Наступила ночь с субботы на воскресенье. Гамалиил сидел у себя в глубоком раздумье. Дуэль между юдаизмом и молодым Реформатором кончилась, – кончилась поражением Божественного Учителя.

Днем к великому раббану заходил Соломон и, заливаясь слезами, рассказывал об отчаянии последователей Распятого.

Да, несомненно, все было кончено! А между тем перед Гамалиилом лежал открытым свиток с XXI псалмом Давида, и Гамалиил читал и перечитывал его:

«Боже мой, Боже мой! Для чего Ты оставил Меня?

Все, видящие меня, ругаются надо Мною; говорят устами, кивая головою:

Он уповал на Господа, пусть избавит Его, пусть спасет, если Он угоден Ему.

Множество тельцов обступили Меня, тучные Васанские окружили Меня.

Раскрыли на Меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий.

Я пролился, как вода…

Можно было бы перечесть все кости Мои. А они смотрят и делают из Меня зрелище.

Делят ризы Мои между собой и об одежде Моей бросают жребий…»

Да! То, что рассказывали ему Соломон, Иосиф, Варнава, сестра и другие, до поразительности точно повторяло эти слова псалма. Что же это было? Простое совпадение? Или что?..

Но зато другие слова, другие стихи псалма – что они значили?

И снова Гамалиил читал:

«Да едят бедные и насыщаются – да восхвалят Господа ищущие Его; да живут сердца ваши во веки!

Вспомнят и обратятся к Господу все концы земли, и поклонятся пред Тобою все племена язычников.

Ибо Господне есть Царство, и Он Владыка над народами!

Будут есть и покланяться все тучные земли; преклонятся пред Ним все нисходящие в персть и не могущие сохранить жизни своей. Потомство будет служить Ему и будет называться Господним во век. Приидут и будут возвещать правду Его людям, которые родятся, что сотворил Бог».

……

Вдруг великий раббан вздрогнул. Ему показалось, что дом его покачнулся, точно при

землетрясении. Через некоторое время из алии кто-то стал спускаться вниз по лестнице. Слышны были шаги.

Гамалиил привстал, подошел к двери комнаты и отшатнулся. Направляясь к комнате Сусанны, шел старец в светлых одеждах. Лицо его светилось неземным светом, и улыбка, как солнце, исходила от него.

– Иоадай! – крикнул Гамалиил. – Я брежу, я болен, – тотчас же подумал он, хватаясь за голову. И видя, как Иоадай исчезает в отдалении по коридору, Гамалиил вернулся и сел к своему столу, обливаясь холодным потом.

Через некоторое время он снова вздрогнул и снова прислушался.

Опять раздались шаги.

– Брат, где ты? – прозвучал голос Сусанны, и через мгновении она появилась в комнат великого раббана.

Сильно похудевшее, осунувшееся лицо ее было взволновано, и темные глаза полны вопроса и глубокой торжественной мысли.

– Что ты? – испуганно остановил ее Гамалиил.

– Брат, ко мне приходил сейчас Иоадай, – сказала девушка, – приходил в комнату. Я видела его, как вижу теперь тебя. Лицо его светилось как будто солнечным светом, от всего его существа шли лучи, или нет, не лучи… я не знаю, как это назвать…

– Сказал он тебе что-нибудь? – перебил ее Гамалиил.

Сусанна отрицательно покачала головой.

– Он только поднял вот так руки и благословил меня, но с такой радостью в глазах и улыбке, что эта радость, Бог весть почему, передалась и мне. Ах, брат, что это значит?

– Я тоже видел его, – прошептал Гамалиил.

И оба, старый раббан и молодая девушка, инстинктивно приблизились друг к другу, не спуская друг с друга глаз.

– Что это значит? – повторяла тихо Сусанна. – Брат, отчего он мог явиться нам обоим?

Всю ночь провели внуки Гиллеля вместе в разговорах, не ложась спать, и только под утро Сусанна, взойдя вместе с Гамалиилом в алию, легла на ложе триклиниума и задремала.

Гамалиил с тоской смотрел на нее.

– Все здоровье ее расшатано навеки, – думал он. – Ах, эта смерть Праведного! Сколько горя она несет за собой… И за что Господь оставляет народ Свой. Истинно, как говорил Иисус, «они дополнили меру отцов своих…» Да, но этот псалом, точно предрекающий Его участь… Но кто же Он тогда?

Гамалиил, осторожно ступая, чтобы не разбудить Сусанну, вышел из алии на террасу.

Густой туман окутывал город.

В воздухе тянуло предсолнечным холодом. Раббану вспомнилась вчерашняя великая тьма, завеса, которая, говорили, разодралась в храме, сегодняшние ночные колебания почвы, рассевшиеся скалы в пятницу, разрушенные гробницы, появлении Иоадая… Все это были знамения. Но к чему? К чему?..

Где-то запел петух. Восток слегка просветлел, но туман был так густ, что обыкновенно розовая заря не проникла его, а только преобразила его из мутного в серебряный. И вдруг Гамалиил с удивлением увидел какой-то квартерион, бежавший мимо его дома, через Тирапеон к храму, и лица бежавших солдат и сотника не поддавались описанию.

– Что с ними? – подумал раббан, но он вскоре забыл о них, занятый тяжелыми мыслями.

– Что будет теперь с Его учениками и последователями? Они разбежались, попрятались, но вряд ли их оставят саддукеи в покое. Их найдут,

будут преследовать… Уж и вчера на что-то намекали Никодиму, язвили его… Поставили стражу, чтобы стеречь сад и пещеру Иосифа…

Гамалиил вдруг остановился, точно пораженный какою-то особенной мыслью.

– Уж не бежали ли солдаты оттуда? – подумал он. – Но отчего?

Солнце поднималось все выше, туман из серебряного становился золотистым. Кровли храма начинали блестеть, и вдруг ослепительные лучи хлынули сверху и залили унылые за эти дни улицы и постройки человеческого Святого града.

– Да, все входит в обычную колею, – подумал Гамалиил, глядя на оживавшую природу. – Нисан как нисан! И знамения точно не происходили!

Он хотел было вернуться в алию, но таинственный стук у дверей внизу остановил его.

Он посмотрел на улицу. Ученик его Соломон и Максимин, друг Лазаря, почти с таким же выражением, как у стражи, стояли у дома его.

– Что случилось? – спросил Гамалиил.

Максимин сделал неопределенный жест рукой.

– Впусти нас, – смотря вверх, прошептал громким шепотом Соломон.

Раббан торопливо сошел вниз и сам открыл входные двери.

– Христос воскрес! – с благоговейным страхом проговорил Максимин. – Мария, Саломия и Иоанна были у пещеры. Тела Его там нет. Но они видели там Ангела, который говорил, что Он воскрес и чтобы все шли в Галилею. Мы были сейчас у сотника Логгина, он то же говорит, говорит, что ночью сделалось великое землетрясение, что явился лучезарный Ангел, отвалил камень… и Иисус вышел из пещеры… Он видел это, верит в это и, кроме того, кровь Иисуса, брызнувшая ему в глаза, когда он пронзил тело Его мечом, исцелила его больное зрение.

– Пустые слова! – сказал Гамалиил, и что-то вроде страха наполнило его душу.

Весь день, проводив Максимина и Соломона, раббан провел в каком-то странном состоянии. Дома ему не сиделось, а между тем он решил ничего не говорить Сусанне о том, что слышал от друга Лазаря и его спутника, и потому боялся оставить ее одну с прислугой.

В городе сделалось подавленное и вместе нервное настроение.

Маленький Панкратий услышал, должно быть, что-то от родителей или на улице, и в его детских глазах читалось ожидание и какой-то тревожный вопрос.

Наступил понедельник, пятый день еврейской Пасхи, и с раннего утра в городе замечалось что-то необычайное.

Люди сходились, тихо переговаривались и расходились.

Гамалиил, выйдя на кровлю для утренней молитвы, увидел в одной группе Каледония,

который вскоре тоже заметил его и поднялся к нему по лестнице.

Лицо Каледония сияло необычайной, торжественной радостью.

– Иисус явился вчера вечером десяти ученикам Своим, – сказал слепорожденный. – Двери дома из опасения иудеев были заперты. И все же Иисус явился, и когда ученики испугались, думая, что это видение, дух, Он показал им руки Свои и ноги Свои, позволил им осязать Себя и сказал: «Дух плоти и костей не имеет, какие вы видите у Меня».

– И что же?.. – спросил Гамалиил.

– Он повелел ученикам Своим идти свидетельствовать, что Он воскрес, – отвечал Каледоний.

– Да? И что же?.. – повторил раббан, – им поверят?..

Его лицо было бледно, полуоткрытые губы тряслись.

– Что?.. Они сделают, как повелел им Иисус. Они не могут молчать о том, что видели, – отвечал Каледоний. – Пусть нас убивают – мы не можем молчать… А поверят или нет, – это в Божьей воле.

В эту минуту на пороге, отделявшем алию от террасы, показалась Сусанна.

Гамалиил взглянул на нее и вздрогнул.

Девушка казалась преображенной.

Как в распустившемся за ночь цветке, лепестки которого накануне были еще свернуты в бутон, в лице ее и всей фигуре сияла, как у Каледония, новая, непередаваемая словами, неожиданная, пугающая, – до того казалась она неземной, – красота.

– Пусти меня к ним! – проговорила Сусанна. – Пусти к Его ученикам… Каледоний меня проводит… Сарра мне сейчас рассказала то же, что тебе Каледоний; кроме того, Клеопа видел Его в Эммаусе… Я тоже хочу быть Его ученицей… Я хочу понять… Значит, смерти нет? Значит, то, что мы

называем смертью, – это только кажущееся?.. Вот отчего мы видели Иоадая…

Лицо Гамалиила побледнело еще сильнее.

С минуту длилось молчание.

– Если Он воскрес, ты будешь Его последовательницей, – сказал раббан. – Иначе не может и быть… И я тоже стану Его учеником. Но подвергать жизнь твою опасности, когда мы еще ни в чем не можем быть уверены, пустить теперь тебя к Его ученикам, – нет! Погляди, что делается там, на улицах…

Сусанна взглянула с террасы вниз, – в городе действительно замечалось неописуемое волнение.

Победная весть, что Христос воскрес и явился несколько раз накануне (утром женщинам, потом в Эммаусе и наконец вечером десяти ученикам, собравшимся в один дом), – эта весть, как молния, прорезала все слои общества в Иерусалиме, от дворцов Ирода и Асмонейского, от палат Клавдии Прокулы и комнат Хузы и его жены до хижин

поселянина и мастерских рабочего. И как в природе за молнией следует гром, так слышались теперь отдаленные, но приближающиеся раскаты человеческой освежающей народной грозы.

Истины, одной истины требовали люди!

Напрасно первосвященники и священники, защищая себя, ставили ветхие громоотводы; напрасно подкупали солдат и приказывали им распространять в городе слух, что они заснули и что этим воспользовались ученики Назарянина, пришли и украли тело Его – гроза истины приближалась.

В шестом часу Гамалиил получил приглашение явиться в синедрион.

В Беф-дине шел суд над Иосифом из Аримафеи и Никодимом.

Когда поздно днем Гамалиил вернулся, он рассказал, что Никодим и Иосиф были лишены звания членов синедриона и изгнаны из храма.

– Меня они не могли тронуть, – говорил великий раббан. – Я держался слишком вдали от всей этой истории. Но страшно за Иосифа, за Никодима, а также за Лазаря и вообще за учеников Иисуса. Им грозит смерть…

– Но ты, ты разве не можешь спасти, защитить их? – сказала Сусанна. – В чем обвиняют их?

Гамалиил пожал плечами.

– В чем? Во всем! Первосвященники и все вообще члены синедриона единодушно не хотят следствия, то есть расследования дела. На них напала паника. Правды никто не добивается… Никто не добивается, куда делось тело Иисуса, если Он не воскрес… Добиваются одного – потушить дело, погасить слух о воскресении.

– Чего ж они боятся? – выговорила Сусанна, – правды?

– Да, ее человечество боится больше всего! – подтвердил Гамалиил со вздохом, – больше всего!.. Солдат подкупают!.. Логгин отказался показывать,

что он и квартерион солдат заснули… Его схватили…

Раббан махнул рукой и умолк.

– Но ты, ты ничего не сказал им? – спросила Сусанна.

– Я сказал им одно, – отвечал Гамалиил, – если это предприятие от человеков, то оно разрушится; если же от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы самим не оказаться богопротивниками.

Через некоторое время, наскоро подкрепив себя пищей, великий раббан отправился к Никодиму узнать о его положении. Но до дому Никодима ему не суждено было дойти.

На улицах толпа становилась все гуще, лица в этой толпе все яростнее, и все громче возгласы ненависти и насмешек! Сердце Гамалиила сжалось от предчувствия.

Недалеко от жилища бен Горионов он увидел в толпе Александра Хананова и подошел к нему.

– Что тут за скопище? Что случилось? – спросил он.

Фарисей усмехнулся.

– Ты куда идешь, учитель? – вопросом на вопрос ехидно ответил он. – Не к другу ли нашему Никодиму? Если да, то напрасно. Уж поздно… Он получил должное за укрывательство свое.

– Убит? – проговорил Гамалиил, стараясь не выдать своего волнения.

Александр снова усмехнулся.

– Убит? Наверное не знаю, – сказал он, – побит – да, и дом его разграблен. Гляди, вон…

Великий раббан оглянулся и действительно увидел в руках каких-то оборванцев парчовый свадебный наряд дочери Никодима, а дальше в толпе знакомые ему ковры и серебряные вазы из алии.

– А где она? Где дочь Никодима? – спросил фарисея Гамалиил со страхом и тоской.

Александр равнодушно пожал плечами, заметив Шанин-бен-Дозу, пошел к нему.

Великий раббан постоял в оцепенении, пробрался сквозь толпу и поглядел на то место, где жил его родственник: дом представлял груду развалин.

Гамалиил содрогнулся и повернул домой.

Его ждала Сусанна с новыми удручающими рассказами.

Сириец, отец Панкратия, присутствовал при разграблении дома Иосифа Аримафейского, а сама Сусанна с террасы своего дома видела, как по Тирапеону двигалась какая-то зловещая, дикая толпа с криками и угрозами. Кого-то вели за город на казнь. Слуги уверяли, что это был Иосиф.

Настала ночь. Посланный Гамалиилом слуга вернулся с известием, что Иосиф Аримафейский действительно выведен за городские ворота и брошен в ров, дом же его разрушен.

– Что ж Пилат?.. Зачем он не вступится за Иосифа?.. Ведь он знает его? – вопрошал самого себя великий раббан и тотчас отвечал себе:

– Пилат думает об одном: как бы ему уберечь себя!

И перед раббаном проносились сцены, происходившие в заседании синедриона в этот день.

– Да! Ведется великая борьба! – думал он. – Мы живем в минуты, когда переворачивается страница в истории человечества!..

……

Прошло с неделю.

Иосиф продолжал томиться во рву. Гамалиил навестил его и был поражен его стоической покорностью судьбе и ясностью духа. Выражением лица благообразный муж, бывший член синедриона, напомнил ему Сусанну и Каледония.

«Я верую, что Он Сын Божий, – говорил Иосиф, – и ничего не боюсь».

Про Никодима и его дочь ничего нельзя было узнать достоверного. Правда, когда заходил Логгин, чтобы проститься, он передавал слух, что Никодим жив. Великий раббан и Сусанна долго беседовали с бывшим римским центурионом и от него еще раз услышали о воскресении Христа.

– Я *сам* видел Его, – говорил сотник, – *сам*, также как и Элиоз, и другие. Я готов принять смерть за то, что я говорю истину. И молчать об этом я не стану.

И действительно, Логгин и другие не молчали и дивная весть о воскресении Иисуса все больше распространялась по Иерусалиму и окрестностям.

Однажды Сусанна снова, но теперь уже тайно, в одежде служанки пробралась в Асмонейский дворец к Хузе и там долго беседовала с Иоанной, которая рассказала ей, что первое слово Его к ней и другим женщинам было: «Радуйтесь»; что потом

Он ободрил их, видя их трепет и ужас, когда они упали перед Ним; что Он сказал им: «Не бойтесь. Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня», – и что чувство радости и веры, наполнившее их сердца с этого дня, нельзя передать на человеческом языке.

– Что теперь смерть для нас? – говорила Иоанна.

– Я понимаю! Я понимаю, – шептала Сусанна и слушала слова Иоанны, затаив дыхание.

Жена Хузы передала ей и то, что слова, сказанные Иисусом Марии из Магдалы, когда она видела Его в саду 17-го нисана, были схожими со словами, слышанными Иоанной, но к ним была еще прибавлена новая небесная весть:

«Я еще не восшел к Отцу Моему, но восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему и к Богу Моему и Богу вашему».

Иоанна вспоминала слова, которые, умирая, сказал на кресте Иисус покаявшемуся разбойнику: «Сегодня же будешь со Мною в раю». Сопоставляя

эти слова с новыми словами: «Восхожу к Отцу Моему», она видела огромную разницу в двух изречениях, видела, насколько второе было торжественнее, выше, глубже первого. Одно касалось человеческой участи после смерти, участи человека по милосердию Сына Божия; другое касалось одного Сына Божия после воскресения из мертвых, то есть освобождения от человеческой смерти, и открывала бездонную глубину для созерцания: Бог возвращался к Богу.

Настало и прошло 24-ое нисана, а 25-го по Иерусалиму опять разнеслась весть: Иисус явился снова одиннадцати ученикам Своим и упрекал их в неверии. Неверовавший Фома Дидим уверовал, потому что Иисус дозволил ему вложить персты его в раны Свои.

В этот же вечер, после долгой беседы с Гмалиилом, решено было, что Сусанна поедет в Галилею, в имение свое «Кафаргаламу». В Галилею же отправлялись и другие верующие. В

Иерусалиме оставаться долее становилось положительно опасным. Саддукеи, фарисеи и их приверженцы все с большим озлоблением старались подавить нелепую, по их мнению, весть о воскресении. Про Лазаря и его сестер говорили, что они исчезли куда-то, и Гамалиил опасался, не схватил ли их синедрион.

Сусанна собиралась уже идти отдохнуть, как вошла Сарра.

Движения ее были таинственны и испуганны.

– Что случилось? – вырвалось у раббана и девушки одновременно.

Сара подошла к ним совершенно близко, нагнулась к лицу учителя и, еле шевеля губами, прошептала:

– Иосиф видел Иисуса и Божественной силой выведен из рва*.

Гамалиил отшатнулся.

– Кто тебе сказал? – спросил он.

* Память его 31 июня. Греч. Мин., Жит. свв. 12 и 70 апр. Ив. Крылова.

– Никодим. Он у меня в комнате.

Известие это было до того неожиданно, что Гамалиил не сразу поверил ему, но Сусанна тотчас побежала в комнату служанки и там увидела своего родственника.

Его с трудом можно было узнать, так сильно он был избит и так исхудал за это время. Но сомневаться в том, что это был Никодим, не было возможности.

С великой любовью и всякими предосторожностями внуки Гиллеля провели Никодиам в комнату великого раббана, и там Никодим рассказал все, что случилось с Иосифом за это время, и просил Гамалиила помочь ему укрыться.

– Ты будешь жить у меня, – сказал Гамалиил. – Мой дом да будет твоим домом… Но где же твоя дочь?

Никодим поднял глаза на своего родственника. По лицу его текли слезы. О дочери своей он ничего не знал.

– Может быть, она с Лазарем и его сестрами, – выговорил Никодим. – Ничего не знаю, ничего не мог узнать, как ни старался.

– А Лазарь где? Ты знаешь? – спросил Гамалиил.

– Лазарь, говорят, бежал с сестрами, Максимином и Каледонием в Кесарию, – ответил Никодим. – Туда же, кажется, направляется и Иосиф.

– Зачем же туда? – спросила Сусанна.

Никодим пожал плечами.

– Должно быть, чтобы быть ближе к Клавдии Прокуле. Она, может быть, еще может спасти их от саддукеев.

В эту же ночь Гамалиил решил немедленно и тайно отправить сестру, Никодима и слуг в «Кафаргаламу».

– Береги себя, не ищи пока сношений с галилеянами, – говорил он, прощаясь ночью с Сусанной. – Сам Иаков, муж праведный, брат Иисуса, не верит, что Он воскрес, и дал обет не есть ничего, пока не увидит Его. Я пока останусь в Иерусалиме, чтобы спасти, кого смогу.

Сусанна молча слушала брата. В душе своей она чувствовала уже силу зерна, у которого росток пробился наружу молодой зеленой иглой.

XXV.

Прошло несколько дней. В Кафаргаламе к Сусанне пришла служанка Иоадая и Анны и рассказала ей, что старушка скончалась утром 17 нисана (или 9-го апреля), увидев перед рассветом того же дня Иоадая, пришедшего к ней в блестящих ризах и позвавшего ее.

– И я тоже видела Иоадая, и Гамалиил видел его *в тот же день*, – радостно сказала девушка.

Для нее все неоспоримее становился факт, что Иисус воскрес, и прекрасное учение Назарянина получало силу божественности именно от этого воскресения, так как не будь его, учение Сына плотника оставалось бы, правда, дивным, но все же только простым философским учением.

Вскоре разнеслась весть о явлении Иисуса на Галилейском озере; затем приехал Гамалиил и рассказал об Иакове Праведном, что он не только увидел Его, но получил от Него синдон, то есть плащаницу, которая не была оставлена в пещере, где были найдены только свивальники и плат с головы*.

Дивные, небесные звуки сливались все больше в неслыханный дотоле торжественный аккорд…

Наконец и сама Сусанна удостоилась видеть Иисуса на собрании, где было более пятисот человек верующих**, услышала его завет апостолам идти и крестить все народы и получила

* Еврейское Евангелие.
** Посл. 1 Коринф. XV, 6.

обетование – быть с нею, как и с другими, во все дни до скончания века.

Незыблемый, светлый мост перекинулся тогда для нее из жизни в вечность, и она, как и другие уверовавшие, ставшие из трусливых овец непобедимыми львами и львицами, с миром, который превосходит всякое понимание людское, вернулась в дом свой и понесла в мир душу, сиявшую чистым отблеском того Света, который был, есть и будет единый, истинный, вечный.

СВЕТ МИРУ